

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А.В. Малашенко

ИСЛАМ: ВЕК XXI

Москва 2019

А.В. Малашенко
ИСЛАМ: ВЕК XXI
М., 2019. 230 с.

ISBN 978-5-89394-302-3

ISBN 978-5-89394-302-3

© Институт Ближнего Востока, 2019
© А.В. Малашенко, 2019

Оглавление

Об авторе.....	4
Введение. Политика волей Божьей	6
Глава первая. Мусульманский мир и мир исламский.....	16
Глава вторая. Время исламизма	49
Глава третья. Халифат: идея и государство.....	97
Глава четвертая. Мусульмане и их соседи.....	137
Заключение. Так чего нам все-таки ждать?	180
Список использованной литературы.....	183

Об авторе

Алексей Всеволодович Малашенко

Руководитель научных исследований Института Диалог цивилизаций, доктор исторических наук, профессор.

Окончил Институт стран Азии и Африки при Московском Государственном Университете (1976),

- 1996–2017 – директор программы «Религия, общество и безопасность», Московского Центра Карнеги,

- 2007–2008 – профессор Государственного университета – Высшая школа экономики,

- 2000–2006 – профессор Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО),

- 1986–1999 – заведующий сектором религии Института востоковедения РАН,

- 1990 – профессор по приглашению, Колгейтский университет (США),

- 1982–1986 – редактор-консультант журнала «Проблемы мира и социализма»,

- 1979–1980 – научный сотрудник Института востоковедения РАН,

- 1976–1982 – советник, экспедиция РАН (Ливия).

Публикации:

21 монография, свыше 200 научных статей.

Авторские работы последних лет:

- Надо ли бояться ислама? Москва: Весь мир, 2017.
- Policy in Russia and Russia in Policy. Moscow, 2013.
- The Fight for Influence. Russia in Central Asia. Carnegie Endowment for International Peace. Washington DC, 2013.
- Мой ислам. Москва: РОССПЭН, 2010.
- Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. Москва: РОССПЭН, 2009.
- Ислам для России. Москва: РОССПЭН, 2007 (Издано на французском яз.) L'islam en Russie. Les editions Keruss. Canada, 2009.
- Исламская альтернатива и исламский проект. Москва: Весь мир, 2006.
- Как выбирали в Чечне / Московский Центр Карнеги. Москва, 2006.
- Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-soviet Russia / Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2004.
- Исламские ориентиры Северного Кавказа / Московский Центр Карнеги. Москва, 2001.
- Исламское возрождение в современной России // Московский Центр Карнеги. Москва, 1998.

Введение. Политика волей Божьей

Нам не хватает критического мышления – в политике, общественной жизни, в быту. В чем причина такой нехватки, сказать не берусь. Впрочем, людям этой критичности, да и самокритичности всегда недоставало. XXI век не исключение. Отсутствие критического мышления компенсируется рационализмом. Однако не менее опасен его переизбыток. Он ограничивает способность осмысливать происходящие вокруг нас события. Требуется иной, *разумный*, можно сказать, сдержанный рационализм.

Событий, причем неожиданных – от развала Советского Союза до появления мобильного телефона и Исламского государства, произошло и произойдет еще много. Многие из этих событий связаны с религией, конкретно с исламом, о чем в нашей работе и пойдет речь.

Гиперрационалистическое, циничное восприятие мира расцветает на фоне «религиозного ренессанса». Кавычки неслучайны, поскольку Религия (с большой буквы) никогда не умирала и не умрет. Следовательно, возродиться ей не за чем. «Религиозный ренессанс» – метафора, которой особенно увлекались политики, ученые, обыватели на постсоветском пространстве, хотя и не только там. Религия не скончалась даже в Советском Союзе, хотя меры по умерщвлению там предпринимались беспощадные.

Религия всегда оказывала влияние на общество и государство, однако ее воздействие в разных цивилизациях, странах и обществах в разные эпохи то сужалось, то расширялось. Религия многофункциональна, она тоталитарна, поскольку претендует на регламентацию всего – и общества, и закона, и политики, и личной жизни. Ей все известно о прошлом, настоящем и будущем. На этом

решительно настаивает корпорация священнослужителей-профессионалов. Главным ее аргументом здесь являются священные книги, которые были написаны, переписаны и отредактированы такими же жившими в ранние времена профессионалами – священниками, богословами, порой при вмешательстве светских политиков.

Религия выполняет идеологическую функцию, иногда она может отождествляться с идеологией, поскольку ее интерпретации отвечают интересам различных социальных слоев, групп населения. Касаясь конкретно ислама, американский исследователь Стивен Хэмфри писал, что «идеологичность есть яркая черта исламской истории с самого ее начала. Сам Коран декларирует идеологию, программу общественного и политического действия, нацеленного на создание определенного Богом общества. Карьера Мухаммада была в значительной степени обращена на реализацию дозволенной божественной программы»¹. Можно сказать, что религия есть «идеология от Бога». Понятно, такой подход вызывает несогласие и даже протест у искренне верующих и, разумеется, у священнослужителей. В неприятии «идеологичности» религии слышится подмена понятий религии и веры. Дискуссия об их корреляции бесконечна. Автор исходит из той позиции, что вера является сугубо личным делом каждого отдельного человека и учить его «правильно верить» не дано никому. У каждого есть свое ощущение Бога.

Человек сам выстраивает свои отношения с Богом, от веры в которого он никогда не откажется. Французская исследовательница Анн-Софи Ламин (Anne-Sophie Lamine), считает, что вера – это «конструирование себя»². Вера – психологическая потребность. И вряд ли был откровенен

---

¹ R.Stephen Humphreys. Islamic History. A Framework for Inquiry. London; New York: I.b.Taurus &Co LTD, 1991. P. 149.

² Анн-Софи Ламин. Вера-идентичность, вера-убежденность и радикализм: опыт социологического анализа // Религии и радикализм в постсекулярном мире. Горячая линия – Телеком. – Москва, 2017. С. 305.

физик, астроном и атеист Пьер-Симон Лаплас (1749–1827), когда на вопрос императора Наполеона ответил, что не нуждается в Боге как в гипотезе. До него так же говорил другой француз Вольтер. Откуда сомнения в их искренности? От того, что очень многие ученые, которые отвергали Бога, в конце жизни становились верующими. Примеров тому более чем достаточно. «Гипотеза Бога» продолжает обсуждаться. В наше время одной из самых заметных и «вызывающих» стала научно-популярная монография американского физика Виктора Стенгера (Victor Stenger) «Бог: провалившаяся гипотеза»³. Человек всегда будет нуждаться в «гипотезе Бога», и более того, в будущем эта потребность будет только усиливаться.

Если же переиначить вопрос и спросить, нуждается ли человек в религии, то следующим вопросом неизбежно оказывается: «в какой религии» или в каком ее толковании он нуждается? Из истории известно, что индивид, социальный слой, этническая группа всегда предпочитали то толкование религии, которое на данный момент казалось им наиболее удобным и привлекательным.

(Volens-nolens на ум приходят антиклерикальные взгляды Фридриха Ницше, утверждавшего, что «в своем боге народ чтит условия, благодаря которым он на высоте, в нем он чтит свои доблести, – удовольствие от самого себя...»⁴. Заметим, что немецкий философ писал о христианстве, нигде не упоминая ислам.)

Начиная с момента своего зарождения, каждая религия сначала боролась за место под солнцем, отмежевываясь от своей предшественницы. Каждая религия претендует на обладание конечной истиной, пророк каждой религии – последний пророк (в исламе Мухаммад – «печать пророков»). Для каждой характерна *религиозная идиосинкразия*. Решив проблему выживания, *новая религия* переходит к тотальному

---

³ Stenger Victor. God: The Failed Hypothesis. Prometheus Books, 2007.

⁴ Ницше, Фридрих. Антихристианин. Опыт критики христианства. Ашхабад: Метбугат, 1990. С. 13.

наступлению (часто выживание и наступление синхронны). Христианство боролось за выживание столетия, у ислама на эту схватку ушло менее двух десятков лет, после чего, одолев своих конкурентов – христианство и иудаизм – пусть и на небольшом куске аравийской земли, он стремительно распространился по всему миру.

Религия, как идеология предлагала свое видение мироустройства, включая государство и законы. Это было присуще еще домотеистическим верованиям, определявшим государственные или, как сказали бы сейчас, светские законодательства. Упомянем законы вавилонского царя Хаммурапи (около 1750 г. до н.э.), врученные ему богом Шамашем, законодательство Хеттского царства (приблизительно 1300 г. до н.э.). Сложившиеся при язычестве юридические своды оказали воздействие на «кодексы» монотеизмов, и первый, кто испытал на себе их воздействие, был иудаизм – «законы Моисея», откуда многие установки, разумеется, в трансформированном виде перекочевали в христианство и ислам.

Особняком стоит античная модель государственного, полисного устройства. Законы здесь не исходили непосредственно от «главного бога». Тип власти на самом Олимпе был авторитарным, сочетавшимся, однако, с управляемой демократией: вспомним вечную конкуренцию, «фракционные стычки» между богами, наглядно проявившиеся в ходе Троянской войны. На земле Зевс позволял демократическое правление.

Так что значительная, если не большая часть нормативов отношений в обществе, между человеком и государством, основные моральные и нравственные устои и заповеди были заложены еще до появления единобожия. Тогда же в общих чертах складывались контуры того, что сегодня называется гражданским обществом и даже правами человека.

Все это вписывается в гипотетический концепт «древних» путей развития, которые в те времена отличались этнокультурной и конфессиональной самобытностью. На всем протяжении человеческой истории модели общества и

государства зиждились на двух столпах – религии и прагматическом интересе. Это были синтетические модели, в которых религиозное и светское были неразлучны. Любая политика, особенно властителя (как бы он ни назывался – король, халиф, царь), деловая активность (бизнес) должны были быть освящены религией, получить божественное благословение. Это благословение предопределяло успех любого предприятия. Расхожее доказательство тому – заполнившие все языки выражения типа «дай Бог» и «слава Богу». В первом содержится просьба к Всевышнему о помощи, а во втором – благодарность за нее.

Опирающаяся на религиозную идеологию и собственно на религию деятельность, в первую очередь политическая, может оказаться жестокой, поскольку ее «акторы», действуя именем Бога, готовы идти на любые крайности, включая истребление беззащитных людей, мотивируя все это тем, что они «выполняют божью волю». Здесь имеются в виду не только преступления нынешних террористов, но вообще действия религиозных экстремистов и фанатиков, у которых наряду с религиозной присутствует политическая, а нередко и самая обыкновенная финансовая мотивация. Религиозный фанатизм – удобная крыша для реализации корыстных интересов.

Говоря о религиозном концепте устройства общества, нет нужды акцентировать вопрос на том, чем является религия – скорее содержанием или скорее формой? В разных случаях это бывает по-разному. В этой связи уместно спросить, можно ли считать шариат «религиозной формой» предписанных в нем законов, или ислам составляет саму его сущность.

По ходу истории религии становится все сложнее поспевать за развитием общества, за политикой, за достижениями науки и культуры. Ее роль сужается, и она уступает место светским идеям и концепциям. Более всего это заметно на Западе, где с XIX в. она отстраняется от участия в политической и государственной жизни. Наступает время лаицизма, секулярности, торжества светского

государства, увенчавшегося в 1905 г. принятием во Франции Закона о разделении церкви и государства.

На мусульманском Востоке такое было невозможно, ибо здешний правитель сочетал всегда светскую и духовную власть. Однако и там под влиянием Европы вызревал лаицизм, который в 20-е гг. XX в. после развала Османской империи вождь турецкого национального движения, реформатор Мустафа Кемаль Ататюрк сделал частью официальной идеологии и практики и поставил своей целью создание в Турции светского государства. Турция оказалась первой и единственной мусульманской страной, в которой такое государство было создано.

С начала XX в. секуляризационная тенденция нарастает, становясь доминирующей. Секуляризм возводится в основу политики государства, вмешательство в его дела религии стремительно сокращается, а в некоторых странах сводится к минимуму. В Советском Союзе секуляризм доводился до абсурда, превращаясь в политику государственного атеизма, целью которой являлось уже не отделение религии от государства, но ее устранение из общества и замена ее квазирелигией – марксизмом-ленинизмом с соответствующей квазирелигиозной атрибутикой.

Однако несмотря на то, что религия отодвигалась в тень, утрачивала влияние на политику, она продолжала оказывать воздействие на общество, на сознание людей, на их поведение. Никто не отменял религиозную идентичность, хотя в западном христианстве она проявляется не столь рельефно. Отмечаются религиозные праздники, люди посещают церкви, соблюдается религиозная мораль. Главным же фактором остается вера в Бога, которая присуща даже тем, кто индифферентен к религии, не соблюдает ее обряды и нарушает заповеди (к верующим относят себя мужчины и женщины нетрадиционной сексуальной ориентации).

Обращение современного человека к религии можно считать компенсацией за «непредсказуемость жизни», в которой становится все труднее ориентироваться. Актуализация религии есть реакция на все и всяческие кризисы

и угрозы, начиная от политических, гуманитарных и кончая генной инженерией.

Наконец, следует назвать и еще один фактор, а именно вторжение мусульманской миграции, которая, акцентируя свою религиозную идентичность, вызывает в христианских обществах ответное стремление оградить собственную «коренную» религию, шире – самих себя. Политизация религии на Западе в значительной степени является реакцией на бурные события в мусульманском мире, прежде всего на агрессивность радикальных и экстремистских мусульманских движений, терроризм. Это есть ответ на «исламский вызов».

Рост религиозных настроений имеет место и в России. В какой-то мере здесь тоже присутствуют вышеназванные мотивы. Однако главными причинами являются, во-первых, реакция российского общества на прошлый советский атеизм, во-вторых, инструментальное использование религии различными политическими силами, в первую очередь самой властью.

О политизации христианства можно судить по католическому папству: все последние римские папы были влиятельными политиками, по активности Русской Православной Церкви, глава которой патриарх Кирилл накрепко закрепился в списке влиятельнейших российских политиков.

Влияние религиозного фактора на общество и политику порождает дискуссию о десекуляризации, феномене постсекуляризма. Не вдаваясь в детали этих споров⁵, признаем, что четкие границы секулярного и религиозного становятся нарушенными⁶. В XXI в. зыбкость этих границ сохранится. Помимо авраамических религий политизируются индуизм и буддизм.

---

⁵ Об этом см., например: Филиппова, Е.И. Религиозность и секулярность в эпоху постмодерна и попытки ее осмысления: термины, концепты, гипотезы // Религии и радикализм в постсекулярном мире. Горячая линия – Телеком. – Москва, 2017. – С. 4–17.

⁶ Дмитрий Узланер. О «Религии» и «Секулярном» еще раз. Rrs-journal.ru/RRS3/узланер.pdf

В то же время, несмотря на присутствие в политической жизни, в Европе и Америке религия не предлагает свой собственный концепт государственного устройства и модели развития. Для нее это слишком сложно, да по сути и не нужно. Ее миссия – формировать цивилизационный ландшафт, по которому путь развития будет проложен и двигаясь по которому общество обязано сохранять религиозные ценности и традиции. Религия борется за выживание.

Важной причиной возвращения религии в общественную политическую жизнь стала глобализация, микширующая различия между цивилизациями и культурами. Ответом на глобализацию становится их самозащита. Интересно, что на формирование глобализационной идеологии оказал (косвенное) влияние протестантизм, распространенная в США его кальвинистская (Jean Calvin 1509–1565) версия. Некоторые исследователи говорят о созданном американцами основанном на базе протестантизма «глобализационном проекте». Это преувеличение, но в то же время протестантская составляющая в глобалистской идеологии присутствует. В таком контексте сопротивление глобализационному тренду укладывается в контекст межрелигиозных противоречий.

Впечатляет ислам, которого секуляризм коснулся в значительно меньшей степени, чем христианства. По мнению мусульманских богословов, исламу чужд секуляризм, поскольку он выстраивает водораздел между религиозной традицией и социально-политическим, мирским бытием. В исламе же заложены все необходимые идеи и принципы для создания идеального общества и государства. Один из главных идеологов фундаментализма египтянин Саид Кутб (1906–1966), рассуждая о различиях между христианством и исламом, отмечает, что последний есть «целиком вся жизнь, подчиненная закону Аллаха» и включающая «служение обществу»⁷.

---

⁷ Саид Кутб. Al-‘idala al idjtima’iyya al-islamiy. Publishing house «Dar al-Sharq» Bayruth, 1974. P. 11. (Arabic Language).

В последующих главах обо всем этом будет сказано подробно. Здесь же мы просто констатируем тот факт, что ислам – единственный монотеизм, который продолжает настаивать на возможности развития на сугубо религиозной основе и предлагает особый «исламский путь развития».

Ислам сохраняет огромный мобилизационный потенциал, остается одной из главных и эффективных форм социального протеста. Наиболее последовательно этот протест, борьба за идеальное исламское государство выражены в исламизме, проводнике идеи исламской альтернативы. Эта альтернатива рассчитана на мусульманский мир, однако с учетом исламской доктрины, предполагающей, что ислам – самая совершенная религия, в которую обратится – это лишь вопрос времени – претензии исламистов носят уже глобальный характер. Разумеется, из этого не следует, что все исламисты настроены на немедленную конфронтацию. Однако к ней явно стремится его экстремистское меньшинство, тем самым компрометируя исламизм и идею исламской альтернативы.

В XXI в. исламизм остается имманентной частью глобального политического процесса, фактором общения, диалога цивилизаций.

Есть ли альтернатива исламской альтернативе? – Есть. Это – успешная модернизация, проведение реформ, избавление от коррупции, создание демократической (хотя неясно, как будет эволюционировать демократия) политической системы. Однако пока все это выглядит более чем проблематичным, оборачивается благими намерениями. Сошлемся хотя бы на «арабскую весну», которая, казалось бы, открывала новые возможности для проведения реформ, совершенствования политических систем, а в итоге привела к усилению старых конфликтов, возникновению новых и увенчалась взрывом религиозного экстремизма, сотрясшим весь, а не только мусульманский мир.

Насколько реальна, тем более эффективна исламская альтернатива, сказать невозможно. Да, собственно говоря, это и неважно. Главное то, что эта альтернатива

укоренилась в головах сотен миллионов людей, которые в нее верят.

Исламизм можно считать и революцией, и контрреволюцией. В нем содержится и призыв к реформам через обращение к опыту прошлого, и идеализация этого прошлого. Кто-то считает, что обращение к религии – от отчаяния. Возможно и так, однако энергичный поворот к исламу – это еще и надежда на лучшее будущее.

Напор, амбициозность всех религий будут возрастать. Кому-то это напоминает Средневековье. Но ведь так было всегда. Для оценки всего происходящего необходим критический, объективный, а не эмоциональный анализ, чем часто грешат политики да и некоторые ученые. Религия приспосабливается к новому миру, подстраивается под него. Полностью подстроить мир под себя религия не в состоянии. Священнослужители, многие верующие призывают соблюдать ее моральные и этические требования, заповеди священных книг. И это не говоря о том, что на религии спекулируют, паразитируют многие, если не сказать большинство светских политиков, использующих ее для поддержания своего авторитета. Религиозный популизм сегодня – один из самых ходульных приемов ведения политической борьбы.

В этом заключается великий парадокс: с одной стороны, религия вечна, но с другой, всякий раз ей приходится доказывать свое «право на вечность». А, как известно, лучший способ защиты – это нападение.

Глава первая.

Мусульманский мир и мир исламский

Название этой книги «Ислам. Век XXI». Эта формулировка требует уточнения. Наряду с XXI веком надо упомянуть век XIV, поскольку именно в этом веке живут по исламскому календарю мусульмане. Согласно христианскому летоисчислению, мусульманское время течет от 12 июля 622 г. от переезда (хиджры) пророка Мухаммада из г. Мекки в г. Ясриб (Мадину)⁸.

Мусульманин живет и по хиджре, и по привычному христианскому календарю⁹. Но «мусульманское время» не синхронно с христианским. Это обстоятельство не стоит преувеличивать, но и забывать о нем тоже не следует. Иначе не все понятно в истории мусульманского мира, в идущих внутри него процессах.

Ислам – последний монотеизм, и потому, по мнению мусульман, он – самый лучший. Он вобрал в себя и усовершенствовал предыдущие монотеизмы. Однако полностью реализовать совершенство своей религии приверженцам ислама пока не удалось. От главного «соперника» – христианской цивилизации мусульмане отстают. Не стоит перечислять все внутренние и внешние причины этой драмы. Приведем только одну причину, которую можно считать надуманной, но и игнорировать которую все же не следует.

---

⁸ Город Ясриб стал называться Мадина после хиджры пророка. На арабском языке «мадина» означает город.

⁹ По хиджре новый день начинается не с 12 часов, а с заходом солнца. В мусульманском году 354–355 дней. Отсюда различия в годах и месяцах.

Она заключается в том, что исламская цивилизация «отстает», потому что она приняла старт с запозданием от христианской на шесть веков. У последней есть своего рода гандикап, которым она воспользовалась, но который будет исчерпан. «Хронологическое» отставание ислама обернется его преимуществом, и когда-нибудь он реализует свой потенциал и займет подобающее ему главенствующее место среди цивилизаций. «Для мусульман... сутью их идентичности была религия..., больше, чем нация (nation country), или географическая континентальная принадлежность, а основные различия между людьми были детерминированы по религиозному признаку»¹⁰.

Претензии ислама на первое место, на исключительность понятны и объяснимы, даже когда они принимают самые крайние формы. Их не следует трактовать как сугубо негативные и присущие исключительно исламу. Каждая новая религия или светская идея хотя и признает заслуги своей предшественницы, в конечном счете зиждется на отрицании (полном или частичном) прошлого, претендуя на мессианство и абсолютную истину. Ислам не исключение.

Есть два термина – «мусульманский мир» и «исламский мир». На первый взгляд, мусульманский и исламский – тавтология. Но разница все же есть. Мусульманский мир есть часть планеты, где живут мусульмане. В мусульманский мир входят Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия, Центральная Азия, индонезийский архипелаг, часть европейских Балкан, регионы с коренными мусульманскими меньшинствами Африки, Индии, Юго-Восточной Азии, России (Северный Кавказ, Поволжье), Китая (Синьцзян).

Исламский же мир – общество (часть мусульманского общества), бытие которого определяет прежде всего исламская традиция, шариат как регулятор общественной и

---

¹⁰ Bernard Lewis. From Babel to Dragoman. Oxford University Press, 2004. P. 205.

личной жизни, где не прекращается борьба за установление исламского порядка. Это, например, Афганистан, Иран, Пакистан, часть Ближнего Востока, некоторые республики российского Северного Кавказа.

Отдельно про мусульманскую миграцию. Освоенные ею территории Европы, в том числе Парижа, Амстердама, Брюсселя, Берлина, Женевы, Москвы и других крупных и средних по величине городов относятся к мусульманскому миру. Однако мигрантская среда все более исламизируется, внутри нее культивируются исламские нормы поведения. Можно говорить о формировании на старом континенте «исламского пространства». Имеют место попытки навязать их окружающему обществу, что вызывает у коренного населения страх перед грядущей неизбежной исламизацией Европы.

Установить четкие границы исламского мира нельзя, поскольку невозможно точно определить, где, на какой части населяемой мусульманами территории исламская традиция и юрисдикция формально или неформально преобладают. Географически исламский мир условен, но на самом деле он реален.

В большинстве мусульманских государств роль ислама при формировании государственности и общественно-политического порядка не является доминирующей. Можно входить в состав мусульманского мира, но не быть частью мира исламского. К мусульманскому миру относятся такие разные страны, как Ливия и Казахстан, Узбекистан и Иран, Египет, Чечня, Афганистан. Но те же Чечня и Афганистан – есть еще и части исламского мира, чего нельзя сказать, например, про Алжир.

Границы между мусульманским и исламским мирами размыты. Они могут совпадать с государственными границами, они существуют внутри отдельно взятого государства – в одной его части ислама больше, в другом меньше. Это, так сказать, горизонтальные границы. Но есть и линии раздела, точнее несовпадения внутри общества, когда одни его страты ассоциируются с исламским миром, тогда

как другие – с более открытым мусульманским миром, где явно или по молчаливому согласию строгие исламские нормативы, запреты часто игнорируются. Разное отношение к соблюдению религиозных правил поведения может иметь место в одной и той же семье. Это – вертикальные границы.

Человеческой натуре свойственна двойственность. Мусульманин не исключение. Он ощущает свою принадлежность и к мусульманскому, и к исламскому мирам. В первом (мусульманском) мире он чувствует себя менее зависимым от собственно религиозного регламентирования, менее в него включенным. Ежесекундно выходя за рамки исламской традиции, мусульманин живет в плюралистичном мире с иными стереотипами и установками. Мусульманин становится частью *остального* мира.

Кроме того, мусульмане следуют этнокультурной традиции, *частью* которой является местный «традиционный ислам». Эта традиция отличается от доктринальной «экзегеты». Это касается обрядности, свадеб, семейной жизни, похорон. Совокупность «традиционных исламов» является основой плюралистичности мусульманского мира, внутреннего религиозного либерализма.

Все это, вместе взятое, ведет к размыванию классической исламской традиции, отходу от жестких доктринальных нормативов, в конечном счете к изменению образа жизни, который сегодня трудно назвать «исламским». Например, в мусульманском мире постепенно уходит в прошлое полигамия, тем более что она все более отторгается женщинами, тогда как в исламском мире многоженство остается одним из важных маркеров исламской идентичности.

Это относится и к пищевым запретам, в частности, запрету потребления алкоголя. В мусульманском мире пьющий мусульманин перестал был диковинкой, и он не считает, что виски или водка лишают его права считать себя истинно верующим. Отступление от алкогольного запрета распространено среди арабского офицерства, что в известной

степени можно объяснить тем, что немало военнослужащих проходили обучение в Европе, США, Советском Союзе, впоследствии в России. Не пренебрегают вином и аракой турецкие военнослужащие.

Автору этих строк неоднократно приходилось сидеть за одним столом с мусульманами, искренне верующими людьми, считавшими, что запрет на алкоголь есть нечто устаревшее, даже средневековое. В одном из российских регионов (в Нижегородской области) имам деревенской мечети во время молитвы однажды сказал, что «сто грамм водки – не грех». Известно, что, например, на российском Северном Кавказе и в республиках Центральной Азии распространены «двойные свадьбы» – одна светская, в ходе которой игнорируются религиозные нормативы, другая – исламская (никах), совершающаяся по исламским канонам. Зачастую религиозный обряд плавно перетекает в обычное торжество.

На свадьбе в узбекском городе Маргилан один из гостей сказал автору:

– Сейчас этот уйдет, – он кивнул на местного имама, – и мы начнем веселиться по-человечески.

В одной кавказской республике в России на вопрос о семейной жизни я получил такой ответ: «Младший брат отправился в мечеть, а отец сидит дома и пьет водку».

Двойственность отношения к религии стала одной из определяющих черт облика современного мусульманина: быть верующим и при этом нарушать заповеди ислама стало нормой. Причем тот, кто поступает таким образом, может снисходительно относиться к излишне «фанатичным», по его мнению, единоверцам.

Можно ли сказать, что большинство в мусульманском мире составляют «номинальные мусульмане», т.е. те, которые являются верующими, но отнюдь не склонны к безупречному следованию шариату? Пожалуй, да, и это знает всякий, кто имеет опыт проживания в мусульманских

странах и общения с их гражданами. Как замечает, работающий в США арабский исследователь Шибли Тельхами (Shibley Telhami), «хотя большинство арабов – активные мусульмане, ... они не всегда отождествляют себя со своей религией. Кроме того, быть мусульманином не обязательно быть религиозным»¹¹.

Пытаться вступать с мусульманином в дискуссию о различиях между мусульманским и исламским мирами бессмысленно. Это может вызвать недоумение, даже обиду, ибо такое противопоставление, особенно если оно исходит от иноверца, представляется ему искусственным и провокативным. Зато это различие у многих мусульман присутствует в их подсознании.

На политическом атласе планеты в зеленый цвет закрашены 35 стран, тех, где мусульмане составляют большинство. Мусульманский геомассив простирается от Атлантического до Тихого океана. В 28 странах ислам объявлен государственной религией. На многих картах зеленым окрашиваются не только мусульманские страны, но и заселенные мусульманами территории. Иногда их составители лукавят и полностью закрашивают в зеленый, например, российский Татарстан, где мусульман и православных 50 на 50%. Целиком зеленым выглядят Казахстан, где немусульманское меньшинство колеблется в пределах 25–30%, Кыргызстан, где оно составляет около 10%. Некоторые территории заштрихованы в зеленую полоску. Это ряд штатов Индии (14–15% мусульман), Филиппины (5–6%), Таиланд (около 5%) и африканские страны южнее Сахары...

Мусульманский мир, иначе говоря, мусульманское пространство определяется как исламская цивилизация. Но насколько глубоко и каким образом в этот мир инкорпорирован ислам?

---

¹¹ Shibley Telhami. The world through Arab Eyes. Basic Books. New York, 2013. P. 20.

Принадлежность исключительно к исламской цивилизации оказывается в большей или меньше степени «размытой» в странах, которые оказались под влиянием европейской традиции, политической культуры и мысли. Внешнее влияние способствовало зарождению светского национализма, который с начала прошлого века конкурирует с религиозно-политической идеологией, с «исламским призывом».

Можно ли в полной мере отнести к исламской цивилизации входящий в состав мусульманского мира Казахстан? Ведь среди казахстанской элиты и общества существует вполне искренняя тяга к евразийству, пусть с приставкой «нео», пусть в значительной степени и спекулятивно-политизированному. Это свидетельствует о поиске собственной идентичности, которая в рамки только исламской традиции не укладывается. Нечто подобное можно сказать о татарах, с той поправкой, что в татарском социуме присутствует интерес не к евразийству, а к европеизму. «Мир, – пишет теоретик татарской версии евроислама Рафаэль Хакимов, – становится единым поликультурным сообществом. ... Он становится *уммой* не чисто мусульманской, но единой, по крайней мере, в вопросах войны и мира, защиты прав человека и интересов государств»¹².

Парадигма светского национализма в мусульманском мире обширна и глубока. Ярчайшим его носителем был Мустафа Кемаль Ататюрк, который выстроил грань между исламским и мусульманским дискурсами, начав на руинах Османской империи строительство светского национального государства.

После Первой мировой войны в мусульманских странах мира возникают светские партии, которые если и ссылаются в своей идеологии на ислам, делают это формально. В 1918 г. в Египте появляется партия «Вафд» («Делегация»), выступавшая за реформирование страны,

---

¹² Хакимов, Рафаэль. Где наша Мекка? Манифест евроислама. – Казань: Магариф, 2003. С. 7.

никак не связанное с исламской традицией и основанное на демократических принципах. В 1934 г. в Тунисе Хабиб Бургиба основывает партию «Нео-Дустур» («Новая конституция»), программа которой не коррелировалась с религией. В 1947 г. Мишель Афляк (христианин) и Салах Битар создают Партию Арабского Социалистического Возрождения (ПАСВ). (На арабском языке возрождение звучит «ба'ас», отсюда термины баасизм, баасисты). Эта партия возникла как панарабская, ее отделения сформировались в полтора десятке арабских государств. Партия «Ба'ас» становится одной из ведущих политических сил в арабском мире, в 1963 г. приходит к власти в Сирии и Ираке. В Алжире с 1954 г. действует Фронт национального освобождения (ФНО), который в 1962 г. после завершения освободительной войны становится во главе государства. В Индонезии в 1964 г. провозглашено создание (ставшей правящей) светской партии Голкар. Все эти и многие другие менее влиятельные партии были светскими, они не стремились преобразовывать свои страны на исламской основе. Они действовали в мусульманском мире, но считать их частью мира исламского я бы не стал.

То же самое можно сказать о многих политических лидерах – египетском президенте Гамале Абдель Насере, тунисском – Хабибе Бургибе, иракском Саддаме Хусейне, алжирских Ахмеде Бен Белле, Хуари Бумедьене, индонезийском Сукарно, Шахе Ирана Мухаммаде Реза Пехлеви... Все они были светскими людьми, националистами или панарабистами по своим убеждениям, а их ссылки на ислам были «ритуальными».

Эти и подобные им партии, их лидеры, вписывались в общемировую политическую парадигму, а выдвигавшиеся ими общественно-политические и экономические модели были лишены какого бы то ни было религиозного «налета» и принципиально не отличались от тех, что сложились в немусульманских странах. (Своего рода курьезом смотрелся эпиграф «бисмилла» к документам, в которых содержались планы экономического развития.)

Однако, оставаясь светскими политиками, не рисковали полностью изымать религию из общественно-политической жизни, единственным исключением был Ататюрк.

В этом контексте мусульманский мир сопоставим с миром христианским, в котором религия, хотя и занимает важное место, но не претендует на участие в политике и на исключительный тотальный контроль над обществом и тем более на участие в разработке концепций развития.

Однако у обращенного более в область морали христианства нет стремления «христианизировать» экономику, политику. В исламе же стремление к «тотальной исламизации» имеет место, и здесь он стоит ближе к иудейской традиции, которой также свойственна тяга к полной регламентации жизни общества и индивида. Христиане не ведут политической борьбы за «истинное христианство», подобно мусульманам, которые сражаются за истинный ислам. В этом заключается одно из различий между двумя авраамическими монотеизмами.

По сравнению со средними веками, когда религия провоцировала людей на те или иные политические акции, в современном христианском мире мотивированное религией массовое действие, практически неощутимо. Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г., когда католики по религиозно-политическим соображениям резали в Париже гугенотов, св. Инквизиция, крестовые походы, христианизация на грани геноцида индейцев, жестокие гонения в России на старообрядцев теперь невозможны.

В христианстве религия не тождественна вере, что стало основой и оправданием секуляризма. Ведут ли христиане христианский образ жизни, знают ли они, что это такое? Да и существует ли такой образ жизни, если не считать десять заповедей, которым в полной мере никто не следует. Религия в христианском мире постепенно сводилась к обрядам, церковным праздникам – Рождеству и Пасхе, событиям, не связанным с общественной и политической жизнью.

В христианстве нет собственно религиозных партий и движений. Да, в названии некоторых партий определение «христианский» присутствует, но это не более чем дань традиции. В христианском мире нет того, что можно назвать религиозно-политическим пространством. При взгляде на христианский мир не возникает дихотомии, аналогичной той, что существует у мусульман – мусульманский и исламский миры.

С другой стороны, религия восстанавливает в христианском мире, государствах и обществах свое влияние. Секулярность в нем более не абсолютна, и ее однозначно позитивное значение оспаривается¹³. Активно десекуляризуют, а заодно и политизируют христианство последних три римских папы – Иоанн-Павел II (1978–2005), Бенедикт XVI (2005–2013), Франциск (с 2013) и Патриарх Российской Православной Церкви (с 2009 г.) Кирилл.

В арабском языке есть три определения, которые близки или тождественны понятию «мусульманский мир». Это «дар уль-ислам», «аль-‘алям аль-ислямий» и «аль-умма».

Что такое «дар уль-ислам»? В 30 гг. VII в. вышедшие за пределы Аравийского полуострова арабы-мусульмане называли свои военные походы «футухат», что переводится с арабского как открытие, «открытие» перед исламом новых земель. Открытые для ислама на западе и на востоке земли именовались «Дар уль-ислам», что можно интерпретировать как «дом ислама» (house of Islam), «земля ислама» (land of Islam). Российские исламоведы Василий Кузнецов и Виталий Наумкин называют их «обителью ислама»¹⁴. «Дар уль-исламу» противостоял и

---

¹³ См., например, «Монтаж и демонтаж постсекулярного мира» / Под ред. А.Малашенко и С.Филатова; Московский центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2014.

¹⁴ Наумкин В., Кузнецов В. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. М., 2013, № 4. С. 33.

противостоит «Дар уль-харб», «дом (земля) войны», т.е. территория, обитатели которой сопротивляются исламу, ведут против него войну.

«Дар уль-ислам» был предтечей мусульманского мира, формировавшегося благодаря мусульманским походам. К этому новому геополитическому и георелигиозному феномену подходило арабское «аль-‘алим аль-ислами» – исламский мир, поскольку приход арабов-мусульман на новые земли приводил к установлению на них исламского порядка, или исламского Закона. Тот формировавшийся мусульманский мир был синонимичен исламскому миру.

Третий термин – умма или «умма исламия» переводится как *community, Islamic community*. В контексте появившегося в конце XIX в. панисламизма *Islamic community* тождественна умма аль-му‘минин, т.е. содружество верующих – сообщество верующих (*commonwealth of believers*). (В арабском языке слово «муслим» – мусульманин тождественно слову «му‘мин» – верующий.) В некоторых работах можно встретить перевод «умма исламия» как «исламская нация», однако это противоречит исламской догме, где и нация (каум), и народ (ша‘аб) являются частью уммы. Божественное послание Коран обращено именно к умме как общине верующих единомышленников, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Ныне понятие уммы ближе к понятию мусульманский мир, поскольку и то, и другое означают не только ее единение, но и многообразие – этническое, региональное, а также особенностей различных религиозных школ. Эти различия могут представляться не столь существенными, но без их учета разобраться в специфике мирового мусульманства невозможно.

Работающий в США выходец из Ирана социолог Асеф Байат (*Asef Bayat*) предлагает использовать термин «мусульманские общества» (*«Muslim societies»*)¹⁵, признать

---

¹⁵ Asef Bayat. The Use and Abuse of «Muslim Societies». // Newsletter. Leiden. December 2003. № 13. P. 5.

плюралистичность мирового мусульманства, что «примиряет» понятия мусульманский и исламский мир. В каком-то смысле так оно и есть. Однако с другой стороны, в нем содержится намек на отсутствие его социокультурной и религиозной гомогенности. Кстати, сам же Баят отмечает опасность злоупотребления предложенным им понятием.

Мусульманский мир был тождественен миру исламскому на протяжении столетий. Контуры различий между ними обозначились в XIX – начале XX вв., когда мусульманское общество, в первую очередь, правящие элиты стали сильнее ощущать присутствие Европы в культурной, образовательной, научно-технической областях, а также в сфере государственного управления. Наиболее последовательно реформы проводил окруживший себя иностранными (преимущественно французскими) советниками паша Египта Мухаммад Али (1805–1848). Реформаторами были турецкий султан Махмуд II (1808–1831), правитель Ирака Дауд-паша (1817–1831) и многие другие. Инновации первой половины XIX в. ширились, становились более глубокими, в конце века появляется собственно религиозное реформаторское движение, главными фигурами которого были Джамаль ад-дин аль-Афгани (1838–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905). Никто из них не ставил под сомнение роль ислама. Однако происходило изменение акцентов: упор делался не на религиозную традицию как таковую, но на приспособление мусульманского общества к меняющемуся миру, а по сути, к ушедшей вперед Европе.

Мусульманский мир менялся быстрее, чем менялся ислам, и он стал все более отличаться от мира, где религиозная традиция абсолютизировалась, т.е. исламского мира.

У мусульманского мира есть свой флаг. Этот флаг зеленого цвета. Зелеными были оазисы Аравии, где ислам зародился. Так что выбор зеленого цвета обусловлен самой природой, ландшафтом. Зеленый был любимым

цветом Пророка Мухаммада, носившего изумрудного цвета одежду, такого же цвета чалму. Под зеленым знаменем ислам одерживал свои первые победы. (Зеленый цвет не использовался в ковроткачестве – его нельзя было топтать.)

Российский астролог Павел Глоба однажды заметил: «Люди в зеленом не знают границ и не умеют вовремя остановиться, могут быть жестоки и заигрываются так, что становится не по себе»¹⁶. В этом высказывании невольно слышится признание за «зеленым исламом» агрессивности. С этим утверждением можно поспорить. Более того, зеленый цвет экологичен, и в него окрашено знамя защитников природы.

В отличие от ислама у христианства нет своего флага. Почему? Потому что ислам еще при жизни Пророка стал религией консолидированной и хорошо организованной общины, за 10 лет ставшей «градообразующей» структурой. Мадина превратилась в протогосударство, можно сказать, в полноценное *исламское* государство – с армией, политическими институтами, налоговой системой и т.п. «Флаг ислама» играл роль государственного флага.

В христианстве же общий флаг не был востребован потому, что государство там появилось с длительным опозданием от момента возникновения религиозной общины. И оно не было государством общехристианским. Возникшие позднее христианские государства поднимали свои «национальные стяги», востребованность в консолидации у христиан была выражена меньше.

Зеленый не был единственным цветом, окрасившим первые шаги ислама. Были и иные колера – белый, черный, красный. «Штандарт» пророка представлял собой черный, с белой каймой квадрат. Флаг первого Омейядского халифата (661–750 гг.) был зеленым. У Аббасидского халифата (750–1258 гг.) – черный. У Османской империи

---

¹⁶ Павел Глоба. Цвет вашей души. Караван, № 9 (87), сентябрь 2015. С. 120.

(1299–1922 гг.) было несколько флагов, в которых преобладали оттенки красного.

И все-таки в XXI в. зеленый остается флагом мусульманского мира, символом его единства.

Но не все так просто. В исламском мире все заметнее становится черное знамя, под которым радикалы и экстремисты от Сирии до Индонезии, от Нигерии до Таджикистана и Кавказа выступают за создание исламского государства – халифата. Черный флаг олицетворяет их стремление превратить мусульманский мир в собственно исламский. Есть два объяснения, почему исламисты избрали именно этот цвет. Первое – что черным флагом в ходе военных действий пользовался Пророк. Выполненная в его верхней части белым надпись «нет Бога кроме Аллаха» – это шахада, первый столп ислама, свидетельство веры в одного единственного бога. Второе – это флаг-реминисценция, напоминание о временах могучего Аббасидского халифата. Получается, что у мусульманского мира и исламского разные флаги.

Каково население мусульманского мира?

Мусульманский мир начинался с чуть меньше сотни мужчин, вместе со своими семьями перебравшихся с пророком из Мекки в Ясриб. Население возникшего в 750 г. Багдадского халифата к концу его существования в 1258 г. насчитывало от 30 до 50 млн чел. – 11–13% от населения планеты. В XVI–XVII вв. мусульмане составляли 12–19%, в середине прошлого века (1950 г.) – 13–14%, а в начале XXI в. века – 23%¹⁷.

Если говорить об абсолютных цифрах, то в 1950 г. в мире проживало 330–350 млн, в 1980 – 800 млн, в конце XX в. – 1,2–1,4 млрд. Называют также 1,6 млрд¹⁸. Темпы

---

¹⁷ Малашенко, Алексей. Надо ли бояться ислама? Москва: Весь мир, 2017. С. 6.

¹⁸ Shariatmadari, David. Trump launches war on Islam. The Guardian weekly, 3–9 February 2017.

роста мусульманского населения в первой половине XX в. составляли 1,1%, против 0,9% в остальном мире. На начало XXI в. среднегодовой прирост у мусульман – 2,1%, у христиан – 1,3%. По некоторым оценкам, в 2025 г. мусульман будет 30%, христиан – 25–30%. К 2050 г. мусульман станет 33%¹⁹ из 9,2 млрд землян.

Первые три места в мире по численности населения в мире занимают Китай, Индия и Соединенные Штаты Америки. Сразу за ними следует мусульманское трио – Индонезия, Пакистан, Бангладеш.

Все население индонезийского архипелага в 2016 г. составляло 258,7 млн чел. (в 1965 г. – 105 млн), из них свыше 90% – мусульмане. Есть мнение, что к 2043 г. Индонезия может обогнать США и выйти на третье место в мире²⁰. Второе место среди мусульманских стран занимает Пакистан – в 2017 г. 196,2 млн²¹ (110 млн в 1965 г.), к 2100 г. количество пакистанцев может приблизиться к 300 млн. «Мусульманская бронза» – у Бангладеш: 164,5 млн чел. (2016 г.)²². Наконец, есть Нигерия с ее 186 млн чел. (56,5 млн в 1964 г.), среди которых мусульман – 70%²³.

Отдельно следует сказать об Индии, мусульманское меньшинство которой насчитывает 165 млн. И это меньшинство растет как в процентном, так и в абсолютном значении²⁴. По прогнозам, к 2050 г. индийское мусульманское меньшинство составит 300 млн²⁵.

---

¹⁹ www.stoletie.ru/geopolitika/islamsky_mir-demograficheskaya_bomba_2009-04-24.html

²⁰ Alisha Kovalska. Население Индонезии: численность и этнический состав. https://www.syl.ru/article/288316/new_naselenie-indonezii-chislennost-i-etnicheskij-sostav

²¹ Население Пакистана. Countrymeters.info/ru/Pakistan

²² Население Бангладеш. Countrymeters.info/ru/Pakistan

²³ Muslim Population in Africa. <http://www.muslimpopulation.com/africa/>

²⁴ Dic.academic.ru/dic.nst/ruwuki/1508516

²⁵ <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/26/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/>

Теперь о тех странах, которые приближаются к заветным 100 миллионам. Это – Египет, население которого в 2016 г. превысило 90 млн чел. (в 1966 г. 30 млн), из которых более 85% мусульмане²⁶; Турция – в 2016 г. свыше 80 млн чел.²⁷ (в 1965 г. 31,4 млн); Иран – примерно 70 млн²⁸ (в 1966 г. 25 млн).

Скачок совершили средние и малые страны: Алжир – 40,8 млн (в 1966 г. 12,1 млн), Афганистан – 33,4 (в 1965 г. 11,5), Ирак – 38,1 (в 1965 г. 8,3), Марокко – 34,7 (в 1966 г. 13,3), Саудовская Аравия – 31,7 (в середине 1960-х приблизительно²⁹ 6–7 млн), Сирия – 17,2 млн³⁰ (в 1965 г. свыше 5 млн). Заметим, именно эти страны играют особо заметную роль в региональной и даже мировой политике. С исчезновением биполярного мира роль государств, ранее находившихся на периферии глобальных тенденций, все более возрастает, тем более что некоторые из них оказались вовлеченными в серьезнейшие международные конфликты.

Приведенные выше цифры нельзя считать абсолютно верными. Демографическая статистика всегда грешила неточностями. Поэтому читатель легко может обнаружить и иные цифры, которые, однако, колеблются вокруг тех, которые приведены в этой книге. Здесь важна тенденция, а она такова, что с демографией мусульманского мира нельзя не считаться. Рост количества мусульман – данность, которая будет влиять на расстановку сил в мире, и влияние мусульманского демографического фактора будет только нарастать.

Как человек, родившийся в Советском Союзе, замечу, что Турция, Иран и Египет с их населением в 1960–70-е гг. между 30 и 40 млн чел. воспринимались в СССР, население которого составляло в 1989 г. 286,7 млн, как

---

²⁶ World-Globe.ru. www.world-globe.ru/countries/egypt/people

²⁷ www.propertyturkey.ru/turkey-naselenie.htm

²⁸ Иран.ru www.iran.ru/news/analytics/38364/chislo_zhiteley_Irana_priblizhaetsya_k_70-millionam

²⁹ Переписей в стране не производилось.

³⁰ Muslim Population in Africa. <http://www.muslimpopulation.com/africa/>
Muslim Population in Asia. <http://www.muslimpopulation.com/asia/>

«небольшие государства». Теперь же их население сопоставимо с населением России. О том, что население Бангладеш и Пакистана больше, чем России, российский обыватель просто-напросто не знает, что я наблюдал во время выступлений в самых разных аудиториях, в том числе студенческих и, что особенно примечательно, в Московском государственном институте международных отношений, где готовят будущих дипломатов. Впрочем, надо признать, что и в европейских и американских вузах об истинной мусульманской демографии знали почти столько же. Чаще всего можно было услышать, что «мусульман очень много, в будущем будет еще больше, а Европа, та вообще станет исламской» (типичный ответ «типичного» западного и российского студента).

Образ мусульманской семьи всегда связывался с обилием детей. Но, похоже, в целом от этого стереотипа приходится отказываться. Наибольшее количество детей было в семьях архаичного общества, следовательно, в тех странах, которые являются наиболее отсталыми, таких как Афганистан, Бангладеш, Йемен. Однако среднее количество детей в мусульманских семьях сокращается. В 1975 г. на среднюю мусульманскую семью приходилось 5–6 детей, в 2004 – до 4, а в отдельных странах, например, в Турции и Азербайджане – 2,6 ребенка. Сохранится ли подобная тенденция в XXI веке, сказать не берусь.

Если численность жителей мусульманского мира представляется, пусть и относительно, но все же понятной, то, количество населения в исламском мире остается неопределенным, и подсчитать его невозможно. В любом случае результаты такого подсчета окажутся субъективными, хотя бы по той причине, что его формальных границ не существует.

Численный рост мусульманского мира сопровождается его расширением, которое происходит по нескольким направлениям. Во-первых, в Африке, где ислам вытесняет и одновременно адаптирует местные верования. Происходит исламизация Африки, или, как иногда говорят, ее

«зеленение». В 2017 г. мусульмане составляли 16% от населения «субсахарской» Африки, по некоторым прогнозам, к 2060 г. они составят уже 27%, особенно если принять во внимание, что фертильность мусульман опережает на 1,1% фертильность христианского населения в регионе (которое, заметим, тоже возрастает)³¹.

Во-вторых, ислам распространяется по северу и востоку Евразии – на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке поднимается в верхние широты вплоть до Северного Ледовитого океана. При общей численности населения от Урала до Дальнего Востока 37,7 млн количество мусульман достигает 1,8 млн. Однако, очевидно, это количество значительно превышает 2,5 млн, поскольку едва ли не половина мигрантов из Центральной Азии въезжает в Россию нелегально. Замечу, что мусульманское население в крупнейших газодобывающих регионах России – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах составляет соответственно 15,9 и 13,3%³².

В-третьих, анклавом мусульманского мира становится Европа, где мусульмане-мигранты насчитывают до 40 млн чел. Общая численность мусульманского населения на старом континенте 56,6 млн, т.е. примерно 7,66%). Во Франции мусульмане составляют 9,6%, в Австрии – 7, в Бельгии – 6, в Швейцарии – 5,7, Нидерландах 5,5, Швеции – 4,9, Великобритании – 4,6%³³. В некоторых европейских странах растет уже третье поколение мигрантов, образуя внутри «старого континента» целые анклавы. Таковые наблюдаются на окраинах таких городов, как Париж, Амстердам, Брюссель, Лондон. В Европе мусульманский мир дисперсен, отдельные его социокультурные фрагменты разбросаны по всему европейскому пространству. По прогнозам

---

³¹ www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/26/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/

³² Алексей Малашенко, Алексей Старостин. Ислам на современном Урале. М.: Московский центр Карнеги, 2015. С. 6.

³³ <http://www.muslimpopulation.com/Europe/>

PEW research, к 2050 г. мусульманский процент будет в пределах 14. В Германии и Австрии он достигнет 20, во Франции – 18, в Великобритании – 17,2, в Швеции – целых 30³⁴. По некоторым подсчетам, к 2025 г. количество мусульман-граждан России при нынешней динамике роста достигнет 20,9 млн, а к 2050 г. – свыше 31 млн³⁵.

Что касается США, то, по данным Pew Research Center, там проживают 3,45 млн мусульман³⁶. По другой информации, мусульман в США больше – 4,8 и более млн. Некоторые американцы считают, что 17 из каждых 100 чел. в США являются мусульманами, таким образом, их количество составляет 54 млн³⁷. К 2050 г. в США будет 2,1% мусульман³⁸. Много это или мало, сказать невозможно.

Говоря о территориальном расширении мусульманского мира, упомянем бывшие советские республики Центральной Азии, а также Северный Кавказ. Резонно возражение, что в Центральной Азии и на Северном Кавказе мусульманский мир не расширяется, что он там сложился с VII в. С этим нельзя спорить. Однако в XX в. после прихода к власти в России большевиков советское мусульманство оказалось отрезанным от уммы. (Советские мусульмане были отторгнуты от своих единоверцев так же, как советские христиане от своих). Принадлежность к мусульманскому миру ими утратилась. Советская власть не признавала мусульман – узбеков, таджиков, татар, кавказцев частью уммы, требовала от них отказаться от религиозной

---

³⁴ Pew Research. Цит. по: Пудовкин, Евгений. Мусульман в ЕС в 2050 году может стать в три раза больше // Независимая газета, 1 декабря 2017.

³⁵ World Population Prospect. The 2006 Revision Population Data Base // <http://esa.un.org/unpp/p2kodata.asp>; Демографическая модернизация России // Под. ред. А.Вишневого. Москва: Новое издательство, 2006. С. 441, 503.

³⁶ www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/

³⁷ https://www.huffingtonpost.com/entry/americans-overestimate-muslim-population_us_5852e354e4b012849c05/509

³⁸ <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/26/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/>

идентичности. После распада в 1991 г. СССР началось их быстрое возвращение в мусульманский мир, который восстановил свои прежние границы, свое пространство.

Расширяется и исламский мир. Его размеры увеличиваются одновременно с мусульманским миром, и векторы этого расширения могут совпадать. Казалось бы, расширение мусульманского и исламского мира является одним и тем же процессом. Однако это не совсем так.

Расширение мусульманского мира означает принятие ислама бывшими приверженцами иных религий, в частности язычества, как это происходит в Африке, даже в Европе. Исламский мир расширяется внутри мира мусульманского, что сопряжено с усилением радикальных настроений, шариатизацией, формированием регулируемого религиозными нормами исламского пространства. Масштабы расширения исламского мира невозможно выразить в цифрах. Однако введение шариата в качестве официального законодательства в разных странах поддерживает от четверти до половины населения. Счет идет на сотни миллионов людей. Понятно, что эти люди априори отнюдь не могут быть причислены к радикалам, тем более экстремистам, однако именно они остаются массовой базой исламизма, и эта база, начиная с конца прошлого века, продолжает увеличиваться.

Какова возможная динамика исламского мира в XXI-м веке? Можно предположить, что, во-первых, он останется на геополитической и георелигиозной картах мира. Во-вторых, будет расширяться, что обусловлено нерешенностью и *нерешаемостью* в ближайшее время внутренних конфликтов мусульманского мира, а также сложностью отношений между мусульманским миром и его соседями.

В-третьих, есть вероятность обособления исламского мира от мусульманского, что вызовет рост внутренних, так сказать, «исламо-мусульманских противоречий», что в свою очередь создаст дополнительные трудности при диалоге цивилизаций, поскольку

общение с исламским миром оказывается труднее, чем с миром мусульманским.

Мусульманский мир славен не только своей интенсивной демографией и непрерывным расширением. Он еще и очень богат природными ресурсами. Ему принадлежит свыше 55% мировых запасов нефти, примерно 240 млрд тонн³⁹. Сами мусульмане говорят о 74%⁴⁰. В первой десятке стран с крупнейшими запасами углеводородов 6 мусульманских: Саудовская Аравия – 15,7%, Иран – 9,3, Ирак – 8,8, Кувейт – 6,0, Объединенные Арабские Эмираты – 5,8, Ливия – 2,8%. (На этом фоне Россия с ее 6,1% не выглядит столь внушительно.) Мусульманские страны дают свыше 50% мирового экспорта нефти, причем 6 из них входят в первую десятку экспортеров – Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Иран, Нигерия⁴¹.

Запасы природного газа у мусульман меньше, чем нефти – примерно 15%, хотя в некоторых мусульманских странах они достаточно значительны. Так, Иран обладает 5,97% мировых запасов (третье место после США и России). На четвертом месте в мире Катар с 4,88%. В первую десятку по запасам газа входят Саудовская Аравия – 2,87 и Алжир – 2,34%.

Катар стоит на втором месте в мире по газовому экспорту – 113,7 млрд куб. м (он уступает только России с 196 млрд куб. м), на 7-м месте находится Алжир – 52,02 млрд куб. м⁴². Отдельно упомянем Туркменистан, в планах которого довести экспорт газа до 48 млрд куб. м, правда, когда это произойдет, сказать трудно.

Так что экономическая и финансовая влияние мусульманского мира ассоциируется с наличием

---

³⁹ BPstats. Statistical Review of World Energy 2015

(<http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistic...>)

⁴⁰ <http://golosislama.com/news.php?id=4753>

⁴¹ World's Top exports. [www.worldstopexports.com/worlds-top-oil-exports country/](http://www.worldstopexports.com/worlds-top-oil-exports-country/)

⁴² <http://promtu.ru/dobyicha-resursov/lidery-po-dobyichi-gaza>

углеводородов. Среди мусульман (особенно среди арабов) распространено убеждение, что углеводороды, в том числе нефть – «дар божий», которым в первую очередь были осчастливлены родоначальники ислама, на языке которых был ниспослан Коран.

Тезис о нефти как о ниспосланном свыше даре в наибольшей степени популярен в Саудовской Аравии. Рядом аналитиков он квалифицируется как своего рода целая идеология «петро-ислама», квинтэссенцией которой является утверждение, что нефть дана Саудовской Аравии для обеспечения ее лидерства в мусульманском и арабском мире, ее доминирования над единоверцами. Эта идеология также именуется саудовским национализмом и даже «теорией расового превосходства саудовцев»⁴³. Правда, во второй половине второго десятилетия нашего века идеология «петро-ислама» отходит в прошлое.

Доходы от экспорта углеводородов позволяют некоторым мусульманским странам по уровню дохода ВВП на душу населения держаться среди наиболее развитых стран Европы, Америки и Восточной Азии в верхней части таблицы. Катар занимает в этой таблице 6-е место, ОАЭ – 22-е, Кувейт – 29-е, Бахрейн – 34-е, Саудовская Аравия – 38-е. По некоторым прогнозам, подушевой рейтинг этих стран в 2022 г. повысится. Катар займет 1-е место, ОАЭ переместится на 9-е, Кувейт – на 8-е, Бахрейн – на 22-е, Саудовская Аравия – на 17-е. Будет ли это связано с высокими ценами на нефть и газ или с дальнейшим совершенствованием финансово-экономической системы, сказать невозможно. Однако, как минимум, одно из этих двух обстоятельств сыграет свою роль.

Недавно в одном документальном фильме прозвучало: рассчитывать на вечность нефти и газа –

---

⁴³ Khalid A.A. Petro-Islam is night-mare scenario /Ahmad Ali Khalid//Wisdom Blow: website. 2011. July.20. URL: <http://www.wisdomblow.com/?p=2166>

«психология пещерного человека». Отдадим должное некоторым арабским элитам: они (в отличие от российского правящего класса) опасность этой привязанности сознают и пытаются от нее уйти. Но в психологическом плане, особенно в общественном сознании нефть как «божий дар» остается для мусульман исключительно значимым фактором, и когда исчерпанность углеводородов станет очевидной, что произойдет нескоро – через несколько десятилетий, но придется на XXI век, – для мусульманского мира это может оказаться трагедией.

Печально может обернуться для мусульман быстрый рост нефтедобычи в США, что может существенно ослабить нефтяную зависимость от них многих стран.

Отношения между Западом и мусульманами в значительной степени определялись именно фактором углеводородов, за контроль над которыми велась, с одной стороны, борьба между иностранными компаниями, а с другой, – между мусульманами и западными государствами. Иногда эта борьба принимала крайние формы. Историк и блоггер, профессор Мичиганского университета Хуан Коул (Juan Cole) назвал борьбу за нефть «столкновением цивилизаций между североатлантическими потребителями и мусульманскими производителями, что может оказаться разрушительным для обоих...»⁴⁴.

Обладая значительными природными запасами, мусульманский мир отстает в промышленном, техническом и технологическом развитии, и это отставание пока непреодолимо. Однако большого разочарования по этому поводу мусульмане не испытывают и, энергично покупают и осваивают самые современные зарубежные технологии. Формально от постиндустриального развития они не отказываются. Иногда можно встретить исламскую мотивацию необходимости такого развития. В качестве примера

---

⁴⁴ Juan Cole. *Engaging the Muslim World*. Pgrave Macmillan. Printed in the USA, 2010. P. 38.

приведем ссылки на 1-й аят 14-й суры «Ибрахим», в котором говорится:

«Писание – тебе его Мы ниспослали,
Чтоб завел ты людей из мрака к свету...».

Или 60-й аят 8-й суры «аль-Анфаль», где говорится:

«И наготове против них держите
Всю вашу мощь и конные войска,
Чтоб утратить врагов Аллаха
И Ваших недругов страшить...»⁴⁵.

Все это интерпретируется в том смысле, что для мусульман «очень важно иметь мощную армию и сильную производственную базу, которая не только служит устрашением для врагов, но и способствует экономической активности»⁴⁶. Подобная богословская аргументация выглядит искусственной, даже комичной, однако важно само желание обосновать священной сурой экономическое развитие.

Отличительной чертой мусульманского мира является интеграционная тенденция на религиозной основе, что составляет один из важнейших столпов «исламской концепции миропорядка»⁴⁷.

Формирование международных политических, экономических институтов на основе принадлежности к общей религии – черта сугубо мусульманская. Целям интеграции служат многочисленные международные организации, наиболее влиятельные из которых действуют под эгидой саудовского королевства и в значительной степени им финансируются.

---

⁴⁵ В этой суре (переводится как «Военные трофеи») говорится о первом и успешном для мусульман сражении в 624 г. при аль-Бадре, в котором они победили своих противников – язычников из Мекки.

⁴⁶ <https://golosislama.com/news.php?id=4753>

⁴⁷ Именно так – «Исламская концепция миропорядка» была названа вышедшая в 2003 г. монография российского исламоведа Николая Жданова.

Наиглавнейшая и наивлиятельнейшая среди них Организация Исламского Сотрудничества (созданная в 1969 г. бывшая Организация Исламская конференция, переименованная в ОИС в 2011 г.). Членами ОИС являются 57 стран, плюс 5 стран-наблюдателей, включая Россию. Финансируется она более чем на 60% Саудовской Аравией. Это, конечно, не может не сказываться на ее деятельности, но в то же время не ставит под сомнение ее международный характер: саудовцы считаются с мнением других государств, например, с успешной в экономическом плане Малайзией, с двухсотмиллионной Индонезией, с проводящей активную политику на Ближнем Востоке Турцией.

Позиции Саудовской Аравии как неоспоримого религиозного лидера мусульманского мира все чаще подвергаются критике. В 2018 г. возник некий международный комитет «Аль-Харамейн уотч» (Al-Haramain Watch), цель которого – «интернационализация» святых мест, иными словами, передача святынь Мекки и Мадины под контроль группы стран. Формальным поводом для этого послужило обвинение саудовской монархии в политизации хаджа, в ограничении паломничества из стран, с которыми у нее сложились плохие отношения. Кроме того, ей «было поставлено на вид» строительство огромной гостиницы, которая возвышается над Каабой и мешает любоваться главным мусульманским храмом. Особо активно здесь сыграли Турция и Катар.

ОИС претендует на то, чтобы регламентировать жизнедеятельность мусульманского мира. Среди главных целей ОИС в ее Уставе называются «укрепление исламской солидарности..., координация усилий, направленных на сохранение святых мест и поддержание борьбы народа Палестины..., поддержка борьбы всех мусульманских народов во имя сохранения их достоинства, независимости и национальных прав...». Также в Уставе ОИС записано о приверженности Уставу ООН и основным правам человека⁴⁸.

---

⁴⁸ Всемирная Исламская политико-правовая мысль (Исламское право).
<http://www.worldislamlaw.ru/?p=145>

В 1981 г. ею была принята «Всеобщая исламская декларация прав человека» (Universal Islamic Declaration on Human Rights), в которой говорится, что еще «ислам дал человеческому существу идеальный код прав человека уже четырнадцать веков назад»⁴⁹. В 1994 г. был принят Кодекс поведения стран – членов ОИК в борьбе с международным терроризмом, а в 1996 г. – Этический кодекс исламской информации.

В рамках ОИС действует множество других организаций, среди которых выделяется основанный в 1973 г. Исламский банк развития, чей капитал составлял на 2014 г. 15 млрд исламских динаров. И это символично. Именно в динарах велся расчет на Ближнем Востоке, да и не только там. И сегодня динары являются национальной валютой Алжира, Ирака, Кувейта, Туниса.

Современный «исламский динар» IDB приравнен к Special Drawing Rights, что в свою очередь есть условное платежное средство Международного Валютного Фонда, которое формируется на базе «корзины», наполненной американскими долларами, евро, фунтами стерлингов и йенами. Таким образом, «исламская валюта» остается приравненной, а значит, вторичной по отношению к денежно-финансовой системе, сформировавшейся на Западе.

Под эгидой ОИС функционируют созданная в 1979 г. в Рабате Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization – ISESCO); Международное исламское агентство новостей (International Islamic News Agency – IINA) – создано в 1972 г. в Джидде; Радиокорпорация исламских государств (Islamic States Broadcasting – ISBO) – Джидда, 2006 г.; Федерация исламской спортивной солидарности (Islamic Solidarity Sport Federation) – Мекка, 1981; Международный исламский комитет красного креста (Islamic International Committee of the Red Crescent) – Джидда, 2015 г.

---

⁴⁹ Universal Islamic Declaration on Human Rights. www.alhewar.com/ISLAMDECL.html

Кроме того, в ОИС сформированы 14 комитетов по разрешению региональных конфликтов, среди которых наиболее заметен созданный в 1975 г. в Джидде Комитет Иерусалима (The al-Quds Committee).

Исламские организации принимают решения, которые впоследствии часто остаются невыполненными. Зато, например, в арабо-израильском конфликте эти решения и декларации создают иллюзию исламского единства, того, что Израилю противостоит весь мусульманский мир. В последний раз солидарность мусульманского мира в арабо-израильском конфликте проявилась в 2017–2018 гг. в связи с решением президента США Дональда Трампа признать Иерусалим столицей Израиля и перенести туда американское посольство⁵⁰. Ввод советских войск в Афганистан, действия России по подавлению сепаратизма в Чечне, так же как и вторжение американцев в Ирак крайне негативно воспринимались не просто в каждой отдельно взятой стране, но именно в мусульманском мире. Но вот специального комитета по конфликту в Чечне в ОИК не возникло, хотя призывы к его формированию в 1990-е периодически раздавались.

Не возникло в ОИС и комитета борьбы против «Исламского государства». Правда, в декабре 2015 г. саудовцы объявили о создании для его уничтожения коалиции мусульманских стран, в которую вошли 34 государства. Однако эта коалиция так и осталась на бумаге. (В противном случае это столкновение выглядело бы как прямой конфликт между мусульманским и исламским миром, правильнее сказать, его экстремальным крылом.)

Эксперты полагали, что главной целью саудовской коалиции, составленной из суннитских государств, на самом деле было сдерживание шиитского Ирана, союзника сирийского режима, возглавляемого алавитом Башаром Асадом. Данное обстоятельство лишний раз подчерки-

---

⁵⁰ Чрезвычайно интересно, что в Саудовской Аравии к этому событию отнеслись с «неформальным» пониманием.

вает малую вероятность устойчивой общеисламской консолидации.

Несмотря на то, что исламские организации формируются по принципу религиозной принадлежности, их структура, цели, даже названия наводят на мысль о подражании, даже копировании международных институтов, таких как ЮНЕСКО, Всемирный банк и др.⁵¹ Показательно, что в 1997 г. по аналогии с «большой восьмеркой», куда входят самые развитые и влиятельные страны мира, в Стамбуле была создана «исламская восьмерка» в составе Бангладеш, Египта, Индонезии, Ирана, Малайзии, Нигерии, Пакистана и Турции. В рамках организации сформированы 10 рабочих групп, занятых экономическими вопросами. Членство входящих в нее стран, критерии отбора размыты. В каком-то смысле главным критерием можно считать желание «никого не обидеть», обеспечить региональное представительство и место для самых многонаселенных стран. Среди главных идеологических установок «исламской восьмерки» – «мир вместо конфликтов», «диалог вместо конфронтации». Эффект от деятельности «исламской восьмерки» невелик.

И все же относиться к исламским организациям, как к неким беспомощным, декларативным структурам, нельзя. Напротив, деятельность некоторых из них, прежде всего ISESCO, становится все более заметной. Причем ее политика состоит не в столько в том, чтобы возвеличивать ценности исламской цивилизации, но в том, чтобы сделать мусульманский мир современным, энергичным, способным дать ответ на вызовы современности. Идеология ISESCO состоит не в том, чтобы разобщить умму и остальной мир, но чтобы сблизить их, показать, что проблемы мусульманства в каком-то смысле есть составная, органическая часть стоящих перед всем человечеством глобальных проблем. Иными словами, умма есть особенная, со всей ее спецификой часть человеческой цивилизации, но прежде

---

⁵¹ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира. URL. <http://i-r-p.ru/page/stream->

всего она есть *именно ее часть*. Еще в 2005 г. в Рабате ISESCO провела Первую министерскую конференцию по вопросам детства. В ее рамках проводятся исследования, касающиеся последствий мусульманской миграции в Европе, в частности возникновения на «старом континенте» и специфики мусульманских общин. ISESCO сотрудничает с рядом африканских государств, способствуя подъему в них социального благосостояния и культуры.

ISESCO взаимодействует с институтами ООН и не стремится к самоизоляции по религиозному принципу. Говорить о том, что ISESCO есть организация, которая самоизолируется от остального мира, было бы неверно. Наоборот, она, решая собственные внутренние вопросы, в частности проблему «безграмотности исламского мира»⁵², пусть и не быстро, становится одним из институтов, служащих решению глобальных проблем вне зависимости от принадлежности к той или иной цивилизации.

В «большой двадцатке» G20 находятся три мусульманских государства – Индонезия, Турция и Саудовская Аравия. Первая, очевидно, принята как самая многонаселенная мусульманская страна, вторая – как самая приближенная к Европе и долгое время демонстрировавшая свое стремление стать ее частью, третья – как дань уважения к религиозному центру исламской уммы. Присутствие в G20 мусульманской составляющей скорее символично. Впрочем, и сама G20 не является дееспособной структурой.

Единение мусульманского мира – это вечное намерение, которое становится то более рельефным, то незаметным за частотолами государственно-национальных интересов. Здесь мусульманский мир ничем не отличается от мира христианского, в котором религиозное единообразие не способно предотвратить войны и вооруженные конфликты.

---

⁵² См. выступление генерального директора ISESCO Абдельазиза Ибн Османа ат-Тувейжири в Бакинском государственном университете. <http://www.isesco.org.ma/blog/2018/02/20/hamdan-bin-rashid-al-makhtum-isesco-prize-for-voluntary-developmnet-of-education-faciities-in-the-i...>

Упомянем в этой связи алжиро-марокканские столкновения 1963 и 1975–76 гг., краткосрочную войну между Египтом и Ливией в 1977 г., затянувшееся на два десятка лет противостояние между Народной Демократической Республикой Южного Йемена и Йеменской Арабской Республикой (благополучно завершившееся в 1990 г. объединением двух стран), ирано-иракскую войну 1980–1988 гг., конфликты палестинцев с окружающими их арабскими странами, сирийско-ливанский конфликт. Создание в 1971 г. государства Бангладеш было тоже следствием несогласия между мусульманскими этносами Пакистана. И это не говоря о чисто политических конфликтах без применения оружия. В 2017 г. вновь возникло острое противостояние между Катаром и сразу 9 мусульманскими государствами, приведшее к блокаде эмирата. Словом, национальные интересы явно преобладают над религиозной солидарностью.

Одним из непреодолимых препятствий на пути исламской солидарности остаются шиито-суннитские противоречия, начавшиеся еще в VII веке⁵³. Шииты насчитывают от 10 до 12% всех мусульман. В Иране они составляют до 90%, в Ираке – от 60 до 80, на Бахрейне – 75, в Кувейте – около 30,

---

⁵³ Возникновение шиизма связано, так сказать, с «престолонаследием». Последним праведным халифом был двоюродный брат пророка Мухаммада Али ибн Абу Талиб, женатый на его дочери Фатиме. Существует предание, что именно Али был определен пророком в качестве своего преемника. По другой версии, хотя сам Мухаммад не стремился к сохранению власти в руках его семьи, эту идею поддерживала сама «правящая семья», а также сторонники Али, образовавшие группу (по-арабски ши'а), с чего и появился термин «шиизм». После смерти Мухаммада в 632 г. первый праведный халиф Абу Бакр был избран, были избраны и три последующих праведных халифа (всего их было 4), включая и Али. В 661 г. Али был убит. Схватка за политическое наследство крайне обострилась. В результате у власти оказался сын Али и внук пророка Хусейн, который выступил против не признававшей его династии омейядов. В 680 г. под городком Кербела его малочисленный отряд был уничтожен 40 тысячной армией омейядского халифа Язида. После этой бойни пути суннитов и шиитов разошлись навсегда.

в Ливане – 27 – 35, в Саудовской Аравии – 15%. Сильно разнятся данные по Азербайджану – от 40 до 85%.

Суннито-шиитские противоречия существовали на протяжении всей мусульманской истории. Казалось бы, что в нашем веке религиозная враждебность должна уйти на периферию политических и экономических отношений, в которых заглавную роль играют национально-государственные интересы. Но в конфликте шиитского Ирана с его суннитскими арабскими соседями, в сирийско-ливанских конфликтах, во вмешательстве в 2016–2017 гг. Саудовской Аравии во внутренние дела Йемена религиозный фактор не является абсолютно доминирующим. Однако именно он способствует остроте конфликтов и затрудняет их разрешение.

Война (1980–1988 гг.) между Ираном и Ираком была еще и шиито-суннитской войной. Ирану она обошлась в 900 тыс. жизней. Число погибших иракцев меньше, оно осталось неизвестным, ибо тогдашний президент страны (1979–2003) Саддам Хусейн распространяться на эту тему не любил.

Накал шиито-суннитских страстей возрос в 2011 г. с началом гражданской войны в Сирии, в ходе которой алавит Башар Асад получил поддержку Ирана и шиитской военно-политической группировки Ливана «Хизбалла». Против Ирана выступило большинство арабских стран, в первую очередь Саудовская Аравия. Действия Ирана в Сирии трактуются некоторыми суннитскими политиками как «шиитская агрессия».

Известный египетский богослов Мухаммад Ахмад Арафа считает, что вражда между суннитами и шиитами больше, чем вражда между мусульманами и неверными⁵⁴. Хотя приведенное высказывание не стоит абсолютизировать, все же оно отражает современную тенденцию

---

⁵⁴ Аль-Азхар и шииты. Автор предисловий и примечаний проф. Мухаммад Аммара. Фонд русско-арабских исследований и информации. Москва, 2015. С. 61.

отношений между суннитами и шиитами. Шейх из аль-Азхара Ахмад ат-Тайиб в волнении писал о шиитизации египетской молодежи, проводимой на деньги поддерживавшего Сирию Ирана.

Любые сравнения рискованны. Но отношения внутри мусульманского мира можно уподобить отношениям внутри мира арабского. И там, и там присутствует понятие «умма», – «умма исламийя», «умма 'арабийя». Интеграционные процессы в обеих уммах схожи. Арабские страны также пытались проводить консолидированную политику и даже создать единое государство. Самым ярким тому примером стала возникшая на основе объединения Египта и Сирии Объединенная Арабская Республика (ОАР), существовавшая с 1958 по 1961 г. В 1963 г. была предпринята безуспешная попытка воссоздать ОАР на тройственной основе – Египет, Сирия, Ирак. Наконец в 1972 г. возникла Федерация Арабских Государств (ФАР), которая просуществовала вплоть до 1977 г. и была чисто формальным объединением. Не смогла консолидировать арабов и образованная в 1945 г. Лига Арабских Государств (ЛАГ), 22 члена которой никогда не могли найти общего языка и которая ограничивалась громкими носившими пропагандистский характер декларациями. Здесь тоже национальные интересы всегда ставились выше панарабских.

Свои немалые трудности были у европейской интеграции, успешность которой не сравнима ни с арабской, ни с мусульманской. Но и там гармония национальных и общеевропейских достижений далека от идеальной.

Интеграционный процесс у мусульман продолжится, но вряд ли стоит ожидать от него выдающихся результатов.

Если обратиться к миру исламскому, т.е. к тем силам, которые ставят религиозные цели выше национальных и минимизируют национальную принадлежность правоверных, то и здесь единства также не наблюдается. Исламисты ставят перед собой глобальную цель – реисламизацию мусульманского мира и создание в итоге единого

государства. (Каким образом это может согласовываться с шиитской версией исламского государства, говорить не приходится.)

Однако разделяя «халифатистско-юнионистские» идеи и идеалы, большинство исламистских партий и группировок решают задачи на национальном, на региональном уровне. Чеченские сепаратисты, талибы, палестинский ХАМАС, ливанская «Хизбалла», Исламское движение Узбекистана, «Джабхат ан-Нусра» в Сирии, совершившие в 1978–1979 г. в Иране революцию аятоллы и их сторонники занимались фактически национальными проблемами. На региональном уровне действуют (безуспешно) «Хизб ут-Тахрир аль Ислямий» в Центральной Азии, «Аль-Каида Магриба». Все эти организации действуют автономно, хотя периодически получают поддержку от международных исламистских сил – «Аль-Каиды» или ИГ.

Часто происходит исламистская междуусобица: тут и борьба между различными группировками афганских талибов и их непростые отношения с ИГ; столкновения между ИГ и сторонниками сирийской «Джебхат ан-Нусрой», противоречия между ИГ и «Аль-Каидой». Исламский мир разобщен, как и мусульманский.

Глава вторая. Время исламизма

Название главы провокативно, но автор пошел на него сознательно. Исламизм в XXI в. – глубокий и разветвленный социально-политический, идеологический и, разумеется, религиозный тренд, утвердившийся по всему мусульманскому миру. В исламском же мире он стал доминирующей идеологией и практикой. Наконец, исламизм, даже не будучи организационно консолидированным, стал неформальным глобальным полюсом силы.

Понятие «исламизм» давно вошло в научный и политический оборот. На первый взгляд, оно понятно каждому, кто его произносит или пишет. Одновременно с исламизмом используются такие термины, как салафизм, джихадизм, фундаментализм, ваххабизм, политический ислам и некоторые другие, менее распространенные. В устах политиков и в средствах массовой информации они звучат тавтологией и взаимозаменяются.

Исламизм является универсальным определением, которое, по словам ученых из Брукинского Института Шади Хамида и Рашида Дара, «включает широкий спектр вер. В самом широком смысле исламистские группировки верят в то, что исламский закон и исламские ценности будут играть заглавную роль в общественной жизни»⁵⁵. Что

---

⁵⁵ Brookings. Markaz. Islamism, Salafism, and Jihadism: A primer. Shadi Hamid and Rashid Dar Friday, July 15, 2016. <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/15/islamism-salafism-and-jihadism-a-primer/>

касается салафизма, то это скорее религиозное течение, последователи которого борются за возвращение к истокам ислама, к образу жизни, которому следовали первые салафиты, ближайшие последователи пророка. Само это слово происходит от арабского Саляфа Салихуна – праведные предки, соратники и последователи пророка Мухаммада в VII веке. Однако современный салафизм, выходя за рамки собственно религии, все чаще ориентирован на политику, свидетельством чему является формирование салафитских группировок, партий, например, в Египте и Кувейте, других странах, где салафиты принимают непосредственное участие в политике.

Фундаментализм⁵⁶ присутствует во всех монотеистических религиях, и его пафос состоит в возвращении к корням веры (в арабском языке – усуль ад-дин). Естественно, что борьба за возвращение к истокам оказывается не только чисто религиозной, она ведется политическими, в том числе весьма решительными методами.

В основе джихадизма, который называется экстремистским направлением, терроризмом, лежит принцип индивидуального долга каждого верующего вести свой собственный военный джихад во имя ислама. Следует, однако, напомнить, что в соответствии с исламской доктриной джихадом является любая деятельность, усилие во благо ислама. Как говорил президент Алжира Хуари Бумедьен (1965–1979), джихад означает посадить дерево, построить фабрику, родить ребенка⁵⁷. Мирным джихадом именовал проводимые им реформы первый президент

---

⁵⁶ Изначально термин фундаментализм применялся к радикальному направлению протестантизма в США. Широкое распространение он получил в связи с т.н. «обезьяним процессом», состоявшимся в 1925–26 гг. в американском г. Дейтон. Целью процесса был запрет на преподавание в школах эволюционной теории Дарвина. Сторонники этого обвинения были названы фундаменталистами.

⁵⁷ Цит. по: Малащенко, Алексей. Справедливости в исламе ищут, не находя ее в светском государстве. Lenta.ru. <https://lenta.ru/articles/2016/05/27/islamists/>

Туниса (1957–1987) Хабиб Бургиба⁵⁸. В Иране работает «Министерство сельскохозяйственного джихада». Главным джихадом является духовный джихад (джихад ан-нафсий), который означает угодное Аллаху безграничное стремление мусульманина к самоусовершенствованию. Выступая в 2017 г. на конференции International Union of Muslim scholars (Всемирного Союза мусульманских ученых), его председатель, считающийся идеологом «Братьев-мусульман», автор нашумевшей книги «Фикх джихада» (Fiqh of Jihad) (2009 г. изд.) Юсуф Карадави (Yusuf al-Qaradawi) говорил, что джихад есть борьба за возрождение Уммы, что он означает милосердие⁵⁹. Таким образом, в главных трактовках джихада отсутствует агрессивность, которую ему любят приписывать.

Только «малый джихад», именуемый еще и газаватом (от арабского газва – набег), означает непосредственные военные действия. Отсюда вывод: прижившийся в массмедиа термин джихадизм не корректен, ибо в нем весь джихад вообще отождествлен лишь с одним его направлением – малым джихадом. Российская исследовательница Екатерина Степанова предлагает называть джихадизм «вооруженным исламизмом», и с ней можно согласиться⁶⁰.

Это прозвучит «ересью», но по сути в каждом монотеизме присутствует свой джихад, обязанность верующего действовать – трудиться и сражаться за дело истинной веры. Персонаж пьесы российского писателя Максима Горького «На дне» странник Лука произносит такие слова: «Люди живут для лучшего. Ты думаешь, для себя живешь.

---

⁵⁸ Российский арабист Мария Видясова опубликовала книгу о реформах в Тунисе под символическим названием «Джихад без войны» (М.: Институт стран Азии и Африки, 2012).

⁵⁹ Al-Qaradawi calls for Islamic awakening. Aljazeera. 7 Nov 2017. <http://www.aljazeera.com/news/2017/11/al-qaradawi-calls-islamic-awakening-171107094013049.html>

⁶⁰ Степанова, Е. Терроризм в асимметричном конфликте. М.: Новая книга, 2010. С. 159.

Ты на самом деле для лучшего живешь». В этом высказывании литературного персонажа при желании можно уловить своеобразный отголосок джихада.

Упомянем, наконец, ваххабизм, названный так по имени Ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1792), богослова, религиозного и политического вождя, внесшего вклад в создание саудовской монархии и жестоко боровшегося против сохранявшихся на аравийском полуострове пережитков язычества. Ваххабизм сохраняет сильные позиции в Саудовской Аравии, хотя он не является доминирующим религиозным трендом, тем более, как иногда можно прочесть, «официальной идеологией» королевства.

В 2018 г. наследник саудовского престола Мухаммад ибн Сальман в одном из своих интервью сказал, что ваххабизм и его распространение во времена холодной войны поддерживались Соединенными Штатами, которые рассматривали его как одно из средств для укрепления собственных позиций в мире. Это было своеобразным признанием того, что для Саудовской Аравии ваххабизм уже не играл прежней роли и был своего рода «искусственной, устаревшей идеологией». К этому заявлению Мухаммада ибн Сальмана, религиозного и политического реформатора можно отнести по-разному. Однако его мнение свидетельствует о том, что самая влиятельная часть элиты саудовской монархии занимает реформаторские позиции, и ваххабизм для нее является препятствием для проведения своего политического курса.

Экспансия ваххабизма за пределами Саудовской Аравии не состоялась, хотя в 1990–2000-е гг. ваххабитами именовались оппозиционеры и диссиденты в самых разных странах, особенно в России. В России несколько раз предпринимались попытки запретить ваххабизм, последняя из которых имела место в 2018 г. С подобной инициативой, как и прежде, выступили представители мусульманского духовенства. Муфтием Татарстана Камилем

Самигуллиным и его единомышленниками была принята резолюция, в которой ваххабизм квалифицировался как «экстремистская идеология», а ваххабитские организации объявлялись экстремистскими⁶¹. Авторы резолюции обратились к властям с предложением запретить ваххабизм. Но истинной подоплекой этой резолюции было опасение официального духовенства за сокращение своего авторитета в мусульманской среде.

Исламисты, фундаменталисты, салафиты, ваххабиты, джихадисты и иже с ними возводят свою трактовку ислама к знаменитому богослову Ибн Таймийе (1263–1328), стороннику самого строгого суннитского мазхаба ханбализма, категорически выступавшему против любых нововведений (бид'а) и призывавшему к возвращению к истинному исламу.

Есть еще и термин «политический ислам», который отождествляется с вышеперечисленными определениями.

Различия между терминами обсуждаются между специалистами-исламоведами, однако по большому счету речь идет почти об одном – пусть и со многими нюансами – феномене. Французский исламовед Оливье Руа (Olivier Roy) отмечает, что политический ислам есть «water-down equivalent» термин исламизма⁶². Американский исследователь Х.Фрадкин (Fradkin) пишет, что политический ислам – это «феномен исламского мира и движения, известного как исламизм, салафизм, радикальный ислам, военный ислам, политический ислам и пр.»⁶³.

Термин «политический ислам» содержит в себе признание единства религии и политики. Действительно, ислам был изначально более политизирован, чем, например,

---

⁶¹ Приймак, Артур. «Чистый ислам» хотят объявить вне закона // НГ-религии, 4 апреля 2018.

⁶² Olivier Roy. Political Islam after Arab Spring. Foreign Affairs. November/December 2017. <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2017-10-16/political-islam-after-arab-spring>

⁶³ Fradkin H. The History and unwritten future of Salafism. Current Trends in Islamist Ideology. 2008. P. 5.

христианство. Уместно привести высказывание аятоллы Хомейни, который утверждал, что лишить ислам его политической составляющей означает его кастрацию. Ислам, по его словам, есть религия политическая, в ней все сопряжено с политикой⁶⁴. Пророк Мухаммад был не только пророком, но еще выдающимся политиком. Ислам – самая бескомпромиссная версия монотеизма, успех которого был обеспечен целенаправленными усилиями пророка, сочетавшего религиозную и политическую сплоченность своих приверженцев. Фридрих Энгельс писал, что «единый Бог никогда не был бы осуществлен без единого царя...», и что «... единство Бога... есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей»⁶⁵. Считать Мухаммада «классическим» восточным деспотом, конечно же, нельзя. Но очевидно и то, что он обеспечил исламское единобожие именно политической сплоченностью, суровыми методами управления, которые можно обозначить как «средневековый авторитаризм». Триумф ислама был политическим успехом его пророка. В каком-то смысле религиозная и политическая деятельность пророка была предтечей исламизма.

Исламизм также именуется радикальным исламом, словосочетание, которое, кем бы оно ни транслировалось, подается с негативным оттенком: «исламский радикализм» всегда плох и опасен для окружающего мира. Как таковой, радикализм не содержит ничего заведомо негативного. Напротив, радикализм, радикалы – главная движущая сила во всех областях, и без радикальных решений и действий человечество было бы обречено на вечный застой. Радикализм – бесконечный поиск чего-то нового. Радикалы всегда в меньшинстве в искусстве, в науке, в политике. Радикалами были все религиозные пророки. Радикалом,

---

⁶⁴ Изречения и афоризмы имама Хомейни. Тегеран, 1995. С. 17.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 39 томах. 2-е издание. Москва: Госполитиздат, 1955. Т. 21. С. 45.

если угодно, был и сам Бог, который часто подвигает человека на радикальные решения (например, принятие монотеизма).

В нашем случае речь идет о присущем человеческому сознанию религиозном радикализме. Такой радикализм отражает непреходящее стремление к восстановлению традиций и норм истинной религии. Любая религия не может не быть радикальной и не использовать в той или иной мере насилия. Американский историк и социолог Марк Юргенсмейер (Mark Juergensmeyer) задается вопросом, «почему религия, кажется, нуждается в насилии, а насилие в религии, и почему часть верующих принимает от Бога мандат на разрушение?»⁶⁶. Ответ прост, хотя и циничен: в противном случае ее задавят конкуренты.

В исламе это стремление проявляется особенно отчетливо, принимая мирской, в том числе политический характер. Исламские радикалы, исламисты, – здесь я ставлю знак равенства между ними, – призывают к возвращению в «золотой век» исламской цивилизации. Отсюда их главная задача – *реисламизировать* мусульманский мир, иными словами, вернуть ему истинно исламский облик.

Исламисты выступают за полную перестройку общества и государства. Они хотят его *реформировать*, хотя слово «реформа» употребляется редко, предпочитая ему арабский термин «ислах» (что в свою очередь переводится как реформа). Они хотят выстроить аналогию созданного пророком в VII веке государства. А далее – совершить стремительный бросок вперед, опередив обогнавшие их на данный момент прочие цивилизации. Тем самым они мечтают получить наглядное подтверждение *материального* воплощения догмата о совершенстве и превосходстве ислама над всеми остальными религиями. Исламистское мышление носит метафизический характер.

---

⁶⁶ Mark Juergensmeyer. Terror in the Mind of God. University of California press, 2000. P. 6.

В свое время глава Партии исламского возрождения Таджикистана Мохиддин Кобири в приватном разговоре заметил, что считает себя и фундаменталистом, и реформатором. Действительно, между исламским фундаментализмом и реформаторством нет пропасти, они диалектически совместимы. Прав востоковед Виталий Наумкин, когда полагает, что «зачастую не может быть проведена четкая разделительная линия между фундаменталистами и традиционалистами, консерваторами и реформаторами...»⁶⁷.

Какое на самом деле было государство при пророке, точно сказать сложно. Обсуждение этого вопроса продолжается и историками, и теологами. Насколько соответствовало это государственное образование еще только начинавшим формироваться догматам новой религии, тем более религиозно-государственным принципам, которые складывались на протяжении последующих веков? Не лишне напомнить, что трое из четырех правивших после Мухаммада праведных халифов – Абу Бакр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656) и Али (656–661) были убиты их противниками в ходе государственных переворотов. Третий халиф – Осман принял смерть, по одной версии, за чтением Корана, по другой – за его *редактированием*, иными словами, за выяснением, что в священной книге было ниспослано Аллахом пророку, а что впоследствии «подкорректировано».

Траектория вечного продвижения к идеальному общественному и политическому устройству извилиста. Она следует по двум встречным направлениям: устремлена в прошлое, где однажды идеальная модель уже существовала, и в будущее, где основанная на религиозном фундаменте конструкция будет воссоздана, но уже в иных, современных условиях. Возврат в прошлое становится исходной площадкой для продвижения в будущее.

---

⁶⁷ Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций.
<http://islamica.ru?uid=112>

Проще всего сказать, что тотальная исламизация общества и создание исламского государства – утопия, миф. Если угодно – построение земного аналога небесного рая. Но, с другой стороны, любая утопия – религиозная ли, светская, обретала в человеческом сознании черты реальности. Социально-политических мифов на протяжении человеческой истории рождалось великое множество – от «Города Солнца» Кампанеллы (1568–1639), Роберта Оуэна (1771–1858), социалистов-утопистов Анри Сен-Симона (1760–1760), Шарля Фурье (1772–1837), Томаса Мора (1478–1535) с его антигуманной предтечей тоталитарных систем «Утопией» и далее, вплоть до ленинизма, советского коммунизма. Из исторического опыта известно, что воплощение утопии обходится очень дорогой ценой.

Тот, кто считает исламское государство утопией, все равно должен считаться с теми, кто в нее верит, уважать их взгляды. Как в XX в. нельзя было не учитывать веру советского народа в построение коммунизма. Опыт СССР оказал значительное влияние на остальной мир, вызвав немалые изменения в общественной и политической жизни (например, способствовал борьбе западной социал-демократии за развитие социальной сферы и т.д.). Полностью игнорировать утопии опасно. В XXI в. отказ мусульманам в праве на построение общества и государства на основе ислама сужает поле для диалога между цивилизациями.

В XXI в. мир привык к исламизму, хотя еще недавно его считали рудиментом, архаичной экзотикой, случайно «прокравшейся» в нашу эпоху. На самом деле исламизм присутствует на протяжении всей истории мусульманства. К исламистам с поправкой на эпоху можно отнести и последователей ханбалитского мазхаба, и Ибн Таймийю, и Ибн Абд-аль Ваххаба... В XX в. импульс для его активизации дали перемены в мусульманском сообществе, проникновение в него западной культуры. В каком-то смысле можно согласиться и с утверждением, что «современный исламизм изначально возник как ответ на многочисленные

кризисы, возникшие в сложившемся после распада Оттоманской империи вакууме...»⁶⁸.

Крушение Оттоманской (Османской) империи вызвало к жизни две прямо противоположные тенденции. Одна – поиск решения кризиса на основе ислама. Другая – пробудившееся в руководимой Ататюрком Турции стремление к светскому государству. Это стало осью эволюции мусульманского мира, разделение его на мусульманский и исламский.

Вплоть до 1970-х гг. прошлого века проявления исламизма казались эпизодами, мало кто верил, что он способен обернуться устойчивым трендом. Даже термина такого не существовало.

Но прежде чем рассуждать об исламизме, еще раз упомянем изначальную политизированность ислама. Ислам – наиболее обмирщенная религия, в которой детально разработаны вопросы экономического и государственного устройства.

Многие подобные заповеди были прописаны еще в иудаизме, для которого также характерна ориентированность на мирскую проблематику, однако иудейская религия этнична, и за исключением местных фундаменталистов – хасидов, ее последователи не борются за решительное переустройство по религиозным канонам.

Ислам вобрал в себя некоторые идеи как от ранних авраамических религий, так, в частности, и от иудаизма. В иудаизме сохранялось языческое наследие. Пятикнижию предшествовали идущий от XXIII в. до н.э. шумерский и хеттский (XV-XVI вв. до н.э. кодексы. В них «еврейские законодатели нашли готовые образцы для письменного оформления обычного права и судебной практики»⁶⁹. Разумеется, Пятикнижие не было буквальным копированием

---

⁶⁸ A short history of Islamism by Robin Wright.

<https://www.newsweek.com/short-history-islamism-298235>

⁶⁹ Люкимсон, Петр. Моисей. Москва: Молодая Гвардия, 2013. С. 258.

древних правил и установок, ибо опиралось на единобожие. 613 заповедей Пятикнижия жестко кодифицировали общественное и индивидуальное поведение человека, устанавливая этические, экономические и политические основы устройства социума. В исламе линия обмирщенности содержится в 114 сурах Корана и тысячах хадисах Сунны. Это стало богословским и юридическим базисом исламской государственной модели.

Изначально иудаизм и ислам были политизированы. Экстраполируя с учетом этого обстоятельства историю на современность, хасидов по аналогии с исламистами можно именовать «*иудаистами*», а направление, к которому они принадлежат, можно назвать радикальным или политическим иудаизмом.

Первый этап становления современного исламизма датируется появлением в 1928 г. в Египте организации «Братья-мусульмане», целью которой было и осталось создание исламского государства, причем не только в этой стране, но и на Ближнем Востоке, в арабском мире. Во главе «Братъев-мусульман» стоял Хасан аль-Банна (1906–1949), которому в то время исполнилось всего 22 года, но который пользовался авторитетом среди своих сподвижников. Аль-Банна был первым харизматиком среди исламистов нашего времени, и его харизма способствовала популярности «Братъев». БМ были радикальной организацией и использовали в своей борьбе самые разные методы, включая терроризм. В Египте в 1948 г. от рук БМ пал премьер этой страны Махмуд Нукраши, на их счету покушения на египетского президента Гамаля Абд ан-Насера, в 1981 г. они убили президента Анвара Садата. (Интересно, что именно Садат, будучи членом организации «Свободные офицеры», свергнувшей в 1952 г. короля Фарука, контактировал с «Братъями-мусульманами», хотя при этом не разделял их идеологии.) В 1982 г. «Братъя» пытались организовать переворот в Сирии, но были

разгромлены войсками, которыми руководил дядя нынешнего сирийского президента Рифат Асад.

«Братья-мусульмане» долгое время оставались едва ли не единственной исламистской организацией арабского мира, имевшей достаточно широкую поддержку в обществе многих стран и принимавшей участие в их политической жизни. Однако в целом исламизм еще не играл заметной роли и оставался маргинален.

В 1950–1970-е гг. перед мусульманскими странами встал вопрос о выборе пути развития. Выбор был невелик: попробовать следовать западному опыту, в том числе политическому, или частично использовать казавшуюся привлекательной советскую модель, в этом случае можно было уверенно рассчитывать на всестороннюю помощь СССР. Сотрудничество с Советским Союзом способствовало меньшей зависимости от западных держав, и, что было особенно важно для арабов, обеспечивало им поддержку Москвы в их противостоянии с Израилем.

И советская, и рыночная модели были имитационными, требовали больших затрат, внешних инвестиций, а главное – быстрых и решительных реформ. Наконец, проведение реформ было невозможно без консолидации правящей элиты, жесткого управления страной.

Наряду с имитационными происходило становление еще одного, третьего варианта – национального пути развития, основанного на местном историческом опыте. Обращение к идее «самобытного развития» легко понять, если учесть трудности копирования чужих моделей, возникающие при этом многочисленные издержки. Национальный путь развития заявил о себе в каждой стране. Многие такие модели именовались «социализмами» и сопровождались «национальным прилагательным» – арабский, алжирский, египетский, индонезийский, иракский и т.д. В Иране подобная модель получила название «белой революции». Идея самобытного пути присутствовала и в нефтедобывающих странах Персидского залива, но там он заключался главным образом в «сохранении традиционных монархических устоев».

Как и две первые модели, «самобытные пути» оказались в итоге неэффективными и завели в тупик. Непоследовательность реформ, непреходящий системный кризис, военные перевороты, диктатуры, клановость, в некоторых случаях семейственность власти, тотальная коррупция, бедность – все это приводило к общей фрустрации, вызывало постоянное раздражение, что вело к нестабильности, массовому недовольству.

Надежды на светлое будущее сменились разочарованием. Это заставляло задумываться об ином, более надежном выходе из тупика, который все чаще усматривался в исламе, в его социально-политических, экономических установках, утверждающих социальную справедливость, демократичность отношений между властью и людьми. «Возрождение ислама есть ответ на тупик идей и крах правящих элит», – уверен арабский ученый Фуад Аджами⁷⁰. Так обозначился поворот к исламской альтернативе. «Мусульманская религия, – писал знаменитый французский исламовед Максим Родэнсон, – предлагает своим приверженцам социальный проект, программу для его реализации на земле»⁷¹.

Исламская альтернатива была квинтэссенцией исламского возрождения. Американский ученый Джон Л. Эспозито, рассуждая о начавшемся в конце 1960-х гг. возрождении ислама, в качестве главнейших причин называет «разочарованность Западом, крах многих мусульманских правителей и их прозападных правительств, не способных адекватно реагировать на политические и социально-экономические потребности их обществ»⁷².

На рубеже 1970–80-х годов ситуация меняется, и исламизм не просто вступает, но врывается в политическую жизнь мусульманских государств. Наступает второй этап его развития.

---

⁷⁰ Fouad Ajami. *The Arab Predicament*. Cambridge University Press, 1981. P. 176.

⁷¹ Maxime Rodinson. *L'Islam politique et croyance*. Paris: Librairie Artheme Fayard, 1993. P. 30.

⁷² John L. Esposito. *Islam the Straight Path*. Oxford University Press. New York, 1991. P. 158.

Исламизм ставил задачу воплотить в жизнь исламскую альтернативу и в итоге построить исламское государство. Исламская альтернатива подразумевает восстановление «истинного ислама», искажавшегося на протяжении столетий. Иными словами, мусульманин должен стать наконец-то «истинным мусульманином», и только тогда он будет способен построить «полноценное» исламское общество.

Но что такое «истинный ислам»?

Стереотипный ответ – это «ислам Корана». Однако ответ этот неудовлетворителен. На знание религиозной истины претендуют все. На самом деле истинного, так сказать, усредненного ислама не существует. Он есть не более чем амбивалентная идеологема, на свой лад интерпретируемая сторонниками каждого исламского богословского и политического направления. Есть множество толкований ислама, которые различаются и даже противостоят друг другу, и каждое из них претендует на конечную истину. Есть шиизм с его многочисленными «сектами», есть суннизм с четырьмя богословско-юридическими толками – мазхабами. Есть проблема соотношения традиционного и нетрадиционного ислама. Традиционный ислам – тот, который впитал местные этнокультурные традиции и который, с точки зрения местных священнослужителей, является «истинным» для данного региона или этноса. Привносимая же извне любая «исламская новизна» воспринимается носителями традиционного ислама как чуждая и даже враждебная местной религиозной традиции. «Пришлый ислам» считается нетрадиционным и «не истинным». К нетрадиционному исламу противники исламизма относят его исламистскую интерпретацию. Например, для российских мусульман Поволжья и Северного Кавказа нетрадиционным исламом являются религиозные представления, занесенные из арабского мира, Турции, Пакистана, Ирана.

Есть салафитские, ваххабитские и прочие трактовки, разработчики и приверженцы которых также настаивают на монополии их понимания ислама.

Российский философ-исламовед Ильшат Насыров считает, что «проблема правоверия в принципе неразрешима в рамках ислама, не знающего единой церкви в привычном христианском Западу понимании...»⁷³. Добавим, что проблема правоверия нерешаема и в христианстве. Причем в наше время дискуссия вокруг его смыслов еще более обострилась в связи с политизацией всех религий. Так что ислам не является исключением.

Не вдаваясь в богословско-политическую дискуссию, заметим, что выход существует только один – признание единства ислама в его многообразии. Отсюда необходимость непреходящего исламо-исламского диалога, цель которого – не утверждение правоты собственной точки зрения, но поиск точек соприкосновения, устранение опасных крайностей – такой внутрицивилизационный диалог.

С конца 1970-х гг. XX в. исламисты становятся одной из самых внушительных политических сил. В подавляющем большинстве мусульманских стран существуют авторитарные с разной степенью жесткости режимы. Светская оппозиция слаба, а возможности для политической конкуренции ограничены. При таких обстоятельствах «в тени диктатур исламисты повсюду оказываются наиболее структурированной оппозиционной силой, как минимум, способной выдержать самые жестокие репрессивные удары власти»⁷⁴.

Призывая к решению внутримусульманских проблем, исламисты критикуют Запад за навязывание им своих ценностей, культуры, за оскорбление ислама. Они (как и российские политики) являются последовательными противниками глобализации. Все это провоцирует их экстремистское

---

⁷³ Насыров, Ильшат. Исламское представление о Боге (Аллахе) как вершителе справедливости и его философское и религиозное обоснование // Глобализация и справедливость: Сб. статей под ред. Н.С. Карабаева и В.И. Юртаева. Москва: РУДН, 2007.

⁷⁴ Jean-Pierre Filiu. Le nouveau Moyen Orient. Ed. Fayard, Paris. 2012. P. 299.

крыло на месть Западу, что воплощено в терроризме. Эта месть – выражение комплекса неполноценности, компенсация за проигрыш мусульманского мира в «состоянии» с Западом.

Как считает российский писатель Владимир Войнович, «вообще национально и религиозно обидчивых людей развелось слишком много, и чем дальше, тем они чувствительнее и агрессивнее»⁷⁵. Религиозная и национальная обида оказывает воздействие на общество, общественное сознание и на государственную политику не только в мусульманском мире. Например, в России возникла группировка под названием «Христианское государство-Святая Русь», глава которой Александр Калинин утверждает, что «православная страна должна быть такой, как Иран»⁷⁶. В Корейской Народной Демократической Республике официальной идеологией является идея Чучхе, которая носит сакральный квазирелигиозный характер. Так что у исламизма (естественно, под другими названиями) существуют аналоги во всем мире.

Исламизм подпитывается военно-политическим вмешательством в мусульманский мир Запада и России, нерешенностью Ближневосточного конфликта, памятью о советской интервенции в Афганистане, американской – в Ираке. Показательно, что первый, пусть и относительный успех арабов в их противостоянии с Израилем в 1973 г. исламскими богословами сравнивается с битвой Пророка в 623 г. при аль-Бадре, в ходе которой он одержал первую военную, но главное, политическую победу над своими противниками.

Активность исламизма нарастает относительно плавно, однако у него есть свои знаменательные вехи, которые остальной мир наблюдал зачастую с удивлением и даже с оторопью. Первым таким событием стала

---

⁷⁵ Войнович, Владимир. О вере, сакральности, сомнениях, насмешках и карикатурах // Знамя. 2015, № 4. С. 25.

⁷⁶ Сайт Meduza. 14 сентября 2017.

исламская революция в Иране, которая воспринималась на Западе как временное отступление Ирана от модернизации. Предположить, что исламский режим просуществует четыре десятилетия, никто не мог. Триумф исламизма (в шиитской версии) признавать никто не хотел.

Коллега поведал мне такую легенду. В начале 1970-х один швейцарский бизнесмен предсказал исламскую революцию в Иране и якобы утверждал, что власть в стране захватит аятолла Хомейни. Наследники швейцарского бизнесмена (которые рассчитывали получить его наследство) объявили своего родственника сумасшедшим.

Одновременно с иранской революцией случилось вторжение Советского Союза в Афганистан. Афганское сопротивление обрело черты джихада, что способствовало созданию почвы для укоренения в стране исламистской (в афганском варианте) идеологии. Афганские муджахеды не были исламистами, но поспешившие к ним на помощь мусульмане из арабских стран таковыми были. Усама бен Ладен в начале 1980-х начинал свою карьеру крайнего исламиста именно в Афганистане. В 1996 г. власть захватило движение «Талибан», идеологию которого некоторые специалисты характеризуют как «новый стиль фундаментализма»⁷⁷. Впрочем, с таким же успехом можно приписывать новизну и оригинальность всякому национальному или локальному варианту исламизма, поскольку в основе его лежит один и тот же религиозно-идеологический концепт.

Менее замеченным произошел приход к власти в 1978 г. в Пакистане генерала Зии уль-Хакка, который проводил курс на исламизацию, свидетельством чего стали его попытки привести уголовное законодательство в соответствие с нормами шариата. (Пакистан возник в 1947 г. именно как исламская республика, а столицей его с конца 1960-х гг. стал город *Исламабад*.)

---

⁷⁷ Ahmed Rashid. Taliban. Yale University Press. New Haven. London, 2001. P. 82.

В 1991 г. в Алжире исламистский Фронт исламского спасения развязал продолжавшуюся до 2001 г. гражданскую войну, которая унесла от 150 до 200 тыс. жизней. В 1996 г. премьер-министром Турции стал лидер Партии справедливости и развития Неджмеддин Эрбакан, который является основоположником турецкого политического ислама. Это воспринималось как случайность, однако в 2003 г. пост премьер-министра занял Реджеп Тайип Эрдоган, в 2014 г. ставший президентом страны. Эрдоган никогда не отрицал, что Эрбакан является его наставником. И учитель, и ученик – исламисты (умеренные), цель которых – реисламизация уже бывшей ататюркистской Турции. В 2006 г. Исламское движение освобождения (ХАМАС) одержало победу на выборах в секторе Газа. Доминирующей силой в Ливане стала исламистская «Хизбалла». В 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне произошло знаменитое «11 сентября». В 2007 г. на Северном Кавказе было провозглашено создание «Имарата Кавказ», в 1990-х гг. в Центральной Азии заявили о себе «Хизб ат-Тахрир аль-Ислямий» (Партия исламского освобождения) и Исламское движение Узбекистана.

«Арабская весна» 2011 г. увенчалась триумфом, пусть и временным, исламизма, последствием которой стали успехи исламистов в Ливии после свержения Муаммара Каддафи, формирование мощной исламистской оппозиции в Сирии, приход к власти в Египте в 2012 г. выходца из «Братьев-мусульман» Мухаммада Мурси и, наконец, провозглашение в 2014 г. Исламского государства – Великого халифата.

Все эти события в совокупности с успехами в мусульманских странах исламистских партий и «независимых исламистов» на национальных выборах создают общую картину подъема исламизма. Пользуясь выражением российского социолога Бориса Грушина, в мусульманском мире происходит невиданное «социотрясение»⁷⁸ (он

---

⁷⁸ http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1444125450342952file.pdf

говорил об этом применительно к России), но с ярко выраженным религиозным акцентом. Любопытно, что среди политиков и экспертного сообщества по-прежнему было распространено мнение, что исламизм – явление временное, проходящее, и оно обречено на заведомую неудачу. Такой позиции придерживается, например, Оливье Руа, опубликовавший в 1992 г. книгу под названием «Поражение политического ислама» («L'échec de l'Islam politique»)⁷⁹. Со схожим названием – «Джихадизм. Экспансия и упадок исламизма», но почти десяток лет спустя вышла монография другого француза Gilles Kepel⁸⁰. Объясняя крах исламизма, арабский ученый Абд аль-Ваххаб аль-Эффенди (Abdel Wahhab Al-Effendi) перечислил его основные причины – «истощение утопии перед лицом времени и власти, конфликты между его разными составляющими и проблема демократии»⁸¹. Об отступлении исламизма в конце 1990-х гг. писал российский ученый Дмитрий Фурман, отмечавший, что он (исламизм) «привлекает своей упрощенностью, жесткостью и даже жестокостью...»⁸². Но практика показала, что эти трудности исламистами были преодолены. Если бы в начале 2000-х гг. кто-нибудь предположил возникновение менее чем через полтора десятка лет «исламского государства», которое сумеет продержаться более трех лет, этого человека сочли бы безумным.

Впоследствии такой подход стал меняться. Хотя отношение к перспективам исламизма в целом все еще остается скептическим, и упор аналитиками делается

---

⁷⁹ Olivier Roy. L'échec de l'Islam politique. Editions du Seuil. Octobre 1992.

⁸⁰ Gilles Kepel. Jihad. Expansion et declin de l'islamism. Editions Gallimard, 2000.

⁸¹ Abdel Wahhab al-Effendi. Ат-гаджриба суданий ва азмат аль-харака аль-ислямийя аль-хадиса: дурус ва ад-далялят (суданский опыт и кризис современного исламского движения: уроки и выводы). Аль-Кудс аль-Арабий, 29 декабря 1999.

⁸² Фурман, Дм. Реформа ислама по Мухамеду Тахе и Ахмеду ан-Наиму // Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации / Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Москва, 1999. С. 280.

на присущую части исламистов агрессивность, а его конструктивность остается «за кадром»⁸³, многие эксперты размышляют и о том, насколько исламизм останется в будущем типичным и устойчивым явлением.

В исламизме сложились три направления. Сторонники первого исходят из того, что исламизацию общества и государства не следует форсировать, тем более что триумф ислама рано или поздно, но все равно наступит. «У политического исламизма (Political Islamism – выражение американского ученого египетского происхождения Ибрагима Караввана) разное видение времени, определяющего их (исламистов) стратегические выборы. Но они уверены, что время работает на них...».⁸⁴ Они уважают закон, активно участвуют в политической жизни, борются за места в парламенте. Их главной реальной целью является само участие в политическом процессе, достижение большего авторитета и признания. Сторонники первого направления представляют умеренное крыло исламизма. Умеренные исламисты без применения насилия сумели добиться значительных успехов во многих мусульманских странах – в Йемене: Йеменская партия «Ислах» (Yemen's Islah Party), в Марокко – Партия справедливости и развития (Justice and Development Party), в Иордании – Фронт исламского действия (Islamic Action Front), на Бахрейне – Национальное исламское общество «Вафак» (Wafaq National Islamic Society), в Кувейте – Исламское конституционное движение (Islamic Constitutional Movement). В некоторых странах, где исламистские организации были запрещены, например в Египте, в ходе выборов их члены часто позиционировали себя как независимые кандидаты, что позволяло им обходить закон о запрете и избираться в законодательные органы. В 1997 г. к власти в Турции пришла

---

⁸³ См. например, http://wn.com/olivier_roy

⁸⁴ Ibrahim Karawan. Violence and Strategic Choices: the Case of Islamist Militancy. Presentation et the 5th International Security Forum (ISF) Setting 21st Century Security Agenda, 14–16 October 2002, Zurich.

к власти исламистская Партия Благоденствия (в том же году под предлогом «исламской угрозы» она была отстранена от власти военными), в 2002 г. ей на смену пришла Партия справедливости и развития Реджепа Эрдогана. В 2011 г. исламистская Партия справедливости и развития (Justice and Development) победила на парламентских выборах в Марокко, и король Мухаммад VI поручил формирование правительства ее лидеру Абдельilahу Бенкирану. Умеренные исламисты добивались успехов в Бангладеш и Пакистане. Используя легальные методы, «они стали ярыми защитниками демократии, поскольку не могут достигнуть успеха в закрытой авторитарной политической системе»⁸⁵. Умеренный исламизм стал главным направлением (mainstream) в формате исламистского тренда. Знарок современного ислама Амр Хамзави (Amr Hamzawy) считает, что «ключ к арабским реформам есть у умеренных исламистов»⁸⁶. К этому мнению можно присовокупить, что реформаторские наклонности исламистов актуальны не только для арабского, но и для всего мусульманского мира.

Будучи легальными игроками на политическом поле, умеренные исламисты могут становиться не только конкурентами, но также и партнерами светских сил, негласное взаимопонимание между ними поддерживает баланс и стабильность в обществе и государстве. Они готовы к диалогу и сотрудничеству с властью. В Марокко король доверил им формирование правительства, в Пакистане исламисты инкорпорированы в армейскую верхушку, а многие высшие офицеры разделяют их взгляды. Примерно то же самое (хотя и с поправками) имеет место в Йемене, в Кувейте. В разных концах мусульманского

---

⁸⁵ Islamist movements and the Democratic Process in the Arab World: Exploring the Gray Zones. Carnegie papers // Middle East Series. Number 67, March 2006. P. 5.

⁸⁶ Amr Hamzawy. The Key to Arab Reform: Moderate Islamists. Policy Brief // Carnegie Endowment. № 40. August 2005.

мира представители умеренного исламизма занимают высокие посты в административных структурах.

Второе направление – исламисты-радикалы, которые действуют более решительно, выходят за рамки законов, апеллируют к «мусульманской» улице», способны прибегать к насилию, однако, как правило, оно ограничено разбиванием витрин, поджогами автомобилей. Они избегают использовать оружие. Радикалы не намерены откладывать исламизацию общества и государства «на потом». Участие в политическом процессе не является для них самоцелью. Они торопятся, но в то же время не готовы идти на крайние риски, в том числе на человеческие жертвы.

Проще всего сослаться на несколько существующих в мусульманском мире радикальных партий и движений. Однако оказывается, что тогда придется повторить многие из уже названных выше организаций. Это объясняется тем, что практически каждая из них, принадлежа к умеренному направлению, тем не менее, во-первых, обязательно имеет в своем составе более или менее радикальную фракцию, а во-вторых, в критических ситуациях сама способна выступить с однозначно радикальных позиций.

Это характерно для йеменской партии «Ислах» и для иорданского Фронта исламского действия, и для тунисской партии Возрождения, которая, выступая с радикальных позиций, была ведущей силой в тунисских «жасминовой» и «финиковой» революциях 2010–2011 гг. Впоследствии ее глава Рашид аль-Ганнуши ратовал за ее умеренность, призывая к отказу от «политического ислама» (Ганнуши считал его слишком радикальным) в пользу мусульманской демократии. «Промежуточной» – между умеренностью и радикализмом – можно считать и марроканскую Партию справедливости и развития (ПСР), которая, например, способствовала созданию «патрулей» для соблюдения правил шариата, общается с палестинским ХАМАСом (в ПСР существует радикальное молодежное крыло,

выступающее с критикой Бенкирана за его «излишнюю» близость к королевскому двору)⁸⁷.

Радикалами были и остались египетские «Братья-мусульмане». Однако радикальная тенденция внутри «Братьев...» соседствует с умеренной, и представитель последней умеренный Мухаммад Мурси стал на короткое время президентом Египта.

«Классических» радикальных партий, т.е. таких, в которых отсутствуют умеренная и крайняя тенденции, не существует. Несколько радикальных исламистских партий действуют в Пакистане, наиболее заметна среди них «Деобанди Джамият уль-Улема-Ислам». В том же Пакистане некоторое время существовала коалиция из шести исламистских партий – «Муттахида маджлис-е Амаль», члены которых придерживались как умеренных, так и радикальных взглядов. Радикалы активны в Бангладеш – «Джамаат-е-Ислами», «Ахле Хадит Андолон», «Джагпрата Муслим Джаната Бангладеш» и др.

К радикалам можно отнести и палестинский ХАМАС, хотя свою известность это движение получило благодаря многочисленным террористическим актам, в США он занимает «почетное место» в списке террористических организаций. В соответствующем российском списке ХАМАС отсутствует.

Отдельно упомянем основанную в восточном Иерусалиме в 1953 г. «Хизб ут-Тахрир» (ХТИ), которая действует в Центральной Азии и России. Цель ХТИ радикальна – создание халифата, однако борьба за ее реализацию в соответствии с Уставом партии исключает крайности. ХТИ выступает против терроризма, за который ее осуждают и запрещают власти России, а также всех центральноазиатских государств.

Радикальные исламисты преобладают в политическом истеблишменте Ирана. Избранный в 2013 г. президент

---

⁸⁷ Куделев В.В. «Арабская весна»: марокканский феномен. Москва: Институт Ближнего востока, 2017. С. 65.

этой страны Хасан Рухани к радикалам не относится, тогда как рахбар (в соответствии с шиитской традицией) – верховный правитель Ирана великий аятолла Али Хаменеи к ним принадлежит. Радикалы занимают ключевые позиции в Корпусе стражей Исламской революции, самом мощественном вооруженном подразделении Ирана.

Третье направление – экстремистское. Его приверженцы добиваются своих целей немедленно и ради этого готовы идти напролом, на любые самые крайние, бесчеловечные меры. Это – фанатики. Они бросают на дома самолеты, расстреливают людей на пляжах и в редакциях, давят ни в чем не повинную толпу грузовиками и мотоциклами, бросаются с ножами на прохожих, убивают христиан за то, что они христиане.

Экстремисты одержимы жаждой сиюминутной мести, причем они мстят не только конкретным «обидчикам» (государствам, правительствам), но всем и каждому, кто, по их разумению, оскорбляет ислам самим фактом своего существования, своей культурой, своими взглядами. «Плохие поступки творятся людьми, которые, совершая террористические акты, выглядят в глазах набожных мусульман добрыми, делают это во имя мировой морали»⁸⁸. От своих по-экстремистски настроенных единоверцев страдают «обычные мусульмане», обвиняемые в недостаточной твердости в вере, в забвении «истинного ислама». Приведем высказывание одного из наиболее последовательных лидеров экстремистского направления палестинца Abdalla Azzam (1941–1989): «Всевышний знает лучше, кто есть его последователь: кого могут использовать неверующие или те, кто должны быть убиты, даже если они старики, священнослужители или инвалиды...»⁸⁹. При всей кошмарности

---

⁸⁸ Mark Juergensmeyer. *Terror in the Mind of God*. University of California Press, 2000. P. 7.

⁸⁹ *Al Qaeda in its Own Words*. Edited By Gilles Kepel and Jean-Pierre Milleli. The Belknap Press of Harvard University Press, Originally published in *Presse Universitaires de France*, 2005. P. 130.

этого заявления оно не оригинально. Можно привести немало других цитат о том, как следует поступать с теми, кто прямо или косвенно может стать «сообщником» изменившего истинному исламу правителя, не может или не хочет поддержать муджахедов. Исключений нет ни для детей, ни для женщин.

Такая идеология характерна для многих организаций, перечисление которых займет несколько страниц. Нынешнему иницируемому исламистской экстремой террору присущ глобальный характер, систематичность, разнонаправленность и разнообразие форм. Террористическая активность «красных бригад», ирландских католиков, национал-сепаратистских движений была спорадической, локальной. Террор носил инструментальный характер. Сегодня исламистский террор охватывает весь мир, а объектом террористов может стать кто угодно. Теракты организуют и контролируют как крупные организации («Аль-Каида», ИГ), так и более мелкие группы, как аффилированные с известными организациями, так и действующие самостоятельно, на свой страх и риск.

Относительно новой формой террора стали террористы-индивидуалы, или, как их порой называют, «одинокие волки». «Волки» действуют в одиночку, парами или мини-группами из 3–4 чел., в которые они собираются для совершения одного теракта, а после эти группы распадаются, а конкретные исполнители «растворяются». В 2016–2017 гг. было совершено множество подобных терактов – в Брюсселе, Ницце, Руане, Париже, Лондоне, Стокгольме, Берлине, Барселоне, в финском г. Турку и в российском Сургуте, в Нью-Йорке. Почти во всех случаях ответственность брало на себя ISIS. Возможно, «террористы-любители» совершают свои преступления, прочитав инструкцию-обращение «Knights of Lone Jihad», которое ИГ-Халифат принял и распространил в 2017 г. после своих военных неудач на Ближнем Востоке, призвав вести борьбу по всему миру. Нападавшие использовали для своих атак «подручный инструментарий» – автомобили, мотоциклы, ножи...

(Использование такого рода средств не является новшеством. Еще в 2013 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь террористы направили внедорожник на автобус с туристами, в том же году на вокзале в городе Куньмин 8 террористов ножами убили 31 и ранили 143 чел. В 2014 г. в Урумчи были задавлены 39 человек, в феврале 1917 г. в Синьцзяне тесаками были убиты 6 и ранены 10 чел. Эти преступления были совершены «волками» – членами организаций уйгуров-сепаратистов.

Благодаря «одиноким волкам» терроризм приобрел «бытовой характер». Свои действия убийцы сопровождали выкрикиванием религиозных «лозунгов», в том числе «Аллах акбар». «Атаки террористов редко бывают систематическими... Подобные атаки на гражданских лиц носят скорее периферийный относительно основного политического насилия, направленного против военных, политических и экономических целей»⁹⁰.

Обостренное неприятие экстремистами всего чужого вызывает ассоциации с беспощадностью ислама к язычникам, которая обнаруживается во многих коранических сурах, в частности, в сурах «Бакара», «Мухаммад», «Туба» и др. (В 4-м аяте суры «Мухаммад» говорится: «... Когда вы встретитесь с неверными в бою, по шеям головы ссекайте...».) Известно множество тирад с обвинениями ислама в агрессивности и жестокости. В то же время существует не меньшее количество истолкований тех же коранических аятов как примиренческих, не призывающих к убийствам. Обоим подходам присуще отсутствие историзма. И те, кто делают упор на жестокости, и те, кто, напротив, рассуждают об исключительном миролюбии ислама, «забывают» о времени появления Корана, когда между мусульманами и язычниками шел конфликт, часто приводивший к военным столкновениям. Это обстоятельство и зафиксировано в священном тексте.

---

⁹⁰ James Hughes. Chechnya. From Nationalism to Jihad. University of Pennsylvania press, 2007. P. 160.

В жестокости можно обвинять и Библию (что в свое время делал американский писатель Марк Твен). Однако ни Библия, ни Коран, так же как христианство и ислам, в оправданиях не нуждаются. Экстраполяция же коранических пассажей на современную обстановку некорректна, зато легко объяснима политическими обстоятельствами.

Несмотря на взаимную мутированность радикалов и экстремистов, отождествлять их неверно. Радикал добивается своих целей, учитывая окружающую обстановку, ему не нужны лишние жертвы. Он готов к маневру, к торгу с оппонентом. Радикалы, как бы к ним ни относиться, ориентированы скорее на созидательную деятельность. В соответствии со своими принципами, если появляется возможность, они пытаются выстраивать государственные, гражданские и прочие институты по-своему, но «наводят порядок» в обществе.

Экстремисту любой компромисс чужд. Экстремисты, по сути, являются их оппонентами, даже противниками. В отличие от радикала экстремист, тем более террорист – беспощадный разрушитель.

Экстремисты отличаются фанатизмом и жертвенностью. Оба этих качества были присущи Усаме бен Ладену (1957–2011), и именно они в конечном счете определили его карьеру идеолога и практика терроризма. Бен Ладен закончил (1976 г.) элитный колледж, затем в 1979 г. Факультет экономики и менеджмента в Университете имени короля Абд аль-Азиза. В детские и юношеские годы он получил элитное образование, которое, казалось бы, должно было воспрепятствовать его превращению в религиозного фанатика. (Еще в 1980-е гг. саудовские коммунисты – в королевстве, пусть и номинально, существовала коммунистическая партия – рассказывали автору, что среди образованных, работающих с новыми технологиями молодых людей растет интерес к исламу. Они же уверяли, что в мире не оценивают огромный политический потенциал ислама.)

Выходец из очень богатой семьи (впоследствии его собственное состояние оценивалось в 300 млн долл.), бен Ладен отправился воевать в Афганистан (1979–1989), обитал в ставших благодаря ему знаменитыми пещерах Тора-Бора. В 1988 г. создал «Аль-Каиду». В 1990-е гг. преследуемый западными спецслужбами он перебрался в Судан, где прозябал в тяжелых условиях, без воды в заброшенной казарме. Несмотря на житейские трудности, бен Ладен организовал серию громких терактов, в 2011 г. он был объявлен «террористом № 1». Большая часть его жизни проходила под угрозой смерти. Даже если допустить, как это делают некоторые журналисты, что бен Ладен *зарабатывал* на своей террористической деятельности, он все равно не мог насладиться полученным им материальным достатком. Да ему это было не надо. Усама бен Ладен находил счастье в борьбе, которая была для него самоцелью, даже если эта борьба не могла привести к окончательной победе. Он был религиозным фанатиком, но его можно отнести и к революционерам-романтикам.

Исследователь Ира Чернус (Ira Chernus) задалась вопросом, «является Бен Ладен властелином колец?». Откуда такое сравнение? Наверное, от того, что его «дегуманизируют», представляя чудовищем, злым Богом (не гением, но именно Богом), таким образом, делая неподвластным человеческой силе⁹¹, иными словами, тем, кем он и сам хотел себя видеть. Наверное, поэтому уничтожение бен Ладена в 2011 г. американским десантом подавалось пропагандой почти как сакральный акт.

Назовем еще несколько имен фанатиков, которые совсем недавно были на слуху: Айман аз-Завахири (род. в 1951), с 2011 г. глава «Аль-Каиды»; Абу Мусаб аз-Заркави (1966–2006) – основатель организации «Jamaant at-Tawhid wa al-Jihad», позже ставшей основой «Исламского государства» ISIS; халиф ISIS Абу Бакр аль-Багдади

---

⁹¹ Professor Ira Chernus. Is Bin Laden the Lord of the Rings.
<http://www.ummah.com/worldaffairs/viewcafeatutrel.php?cafid=34&caTopicID=3>

(1971–2017), как и Бен Ладен, названный американскими спецслужбами «террористом № 1». Фанатиком являлся и амир Исламского Эмирата Афганистан Мулла Омар (1959⁹²–2003). Главой эмирата он стал в 1996 г., а джихад против советских войск вел с самого начала их вторжения в 1979 г. Список можно продолжать до бесконечности, тем более, что эти люди упоминаются в сотнях книг, о некоторых написаны целые монографии, не говоря уже о том, что они стали прообразами персонажей кинобоевиков.

Все эти люди прожили бурную жизнь и были заведомо обречены на раннюю насильственную смерть, о которой наверняка догадывались, что лишний раз свидетельствует о том, что материальных благ они не искали.

Фанатиком-революционером был великий аятолла Рухолла Мусави Хомейни (1902–1989), чей род, как говорят его приверженцы, восходит к пророку. Он вел бурную протестную деятельность. В 1962 г. Хомейни возглавил забастовку мусульманского духовенства. (Кому приводилось слышать о подобного рода забастовках?). В 1963 г. Хомейни арестовали, в 1964 г. выслали в Турцию, откуда он перебрался в Ирак, в шиитский город Неджеф, оттуда в 1978 г. – в Париж. Хомейни свято верил в успех в его стране исламской революции, хотя в Иране, который в 1960-е годы называли «мусульманской Францией», она казалась невозможной. В 1979 г. Хомейни возвратился на родину вождем исламской революции. Он «шел напролом». Его *фанатизм* оказался оправданным.

Судьба Хомейни чем-то напоминает жизненный путь вождя российских большевиков Владимира Ленина (1870–1924), который долгие годы провел за пределами своей страны, а потом вернулся в нее, чтобы совершить революцию. Однако есть и отличие. Хомейни фанатично верил в революционный свой собственный окончательный триумф. Ленин долго оставался скептиком, в быстрый успех *своей* революции не верил, в чем не раз признавался.

---

⁹² По другой версии, в 1962 г.

Ленин вел себя осторожнее, чем Хомейни, сам людей на демонстрации не выводил. Он не рисковал собственной жизнью. Ленин был светским фанатиком, и потому его вера сдерживалась рациональным мышлением. Его наследник Иосиф Сталин (1879–1953) во время Второй мировой войны на фронт выезжал лишь однажды, летать на самолетах боялся (едва ли не единственный раз он слетал в 1943 г. на встречу с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеран), его преданность марксизму-ленинизму была инструментальной (хотя именно при нем ленинское учение превратилось в религию). Оба любили комфорт. По мере своего успеха они теряли фанатизм и аскетизм. Исламские фанатики к комфорту были по большей части равнодушны. Они – последовательнее светских.

С другой стороны, и те, и другие, оказываясь у власти, под влиянием политической и особенно экономической реальности утрачивают свою идейную непримиримость. В 1920-е гг. Ленин от военного коммунизма перешел к рыночной Новой Экономической Политике, а Сталин, осознав бессмысленность идеи мировой революции, занялся конкретным делом – строительством советской империи. В последние годы своего правления обнаружил черты прагматизма и Хомейни: продолжая рассуждать о шариате, он стал уделять больше внимания экономике, задумывался и о реформах. (Впрочем, уже при нем некоторые аятоллы занимались бизнесом и сотрудничали с западными фирмами, в том числе с американскими.) Прагматиком можно считать и продолжателя дела великого аятоллы – нынешнего рахбара (главу) Ирана аятоллу Хаменеи. Несмотря на громкие заявления о продолжении исламской революции, в своих действиях он все чаще руководствуется целесообразностью, а не пылкими лозунгами.

Несколько слов о проявлениях фанатизма на российском Северном Кавказе. Самыми заметными здесь фигурами были чеченцы Шамиль Басаев (1959–2013), Салман Радуев (1967–2002) и Доку Умаров (1964–2013). Все три деятеля прославились борьбой за независимость Чечни,

за создание на Северном Кавказе исламского государства в его разных вариантах – от халифата до Имарата Кавказ, организацией десятков терактов. Формально они действовали «во имя ислама».

В то же время не стоит сравнивать чеченский религиозный фанатизм с фанатизмом арабским, иранским или афганским. Почему? Потому что изначально религиозный фанатизм был чужд чеченскому сепаратизму. Исламская идеология чеченского сопротивления сформировалась позже и была искусственной, можно сказать, вынужденной. Целью басаевских терактов было заставить Кремль признать чеченских сепаратистов воюющей стороной, чего после захвата в 2005 г. больницы в г.Буденновске он де-факто достиг, добившись прямого телефонного разговора с тогдашним премьером России Виктором Черномырдиным. В тот момент Басаев позиционировал себя чеченцем, а не мусульманином и уже наверняка не был предрасположен к религиозному фанатизму. В 2002 г., когда в московском театральном центре «Дубровка» чеченцами были захвачены сотни заложников, террористы боролись не за пресловутое исламское государство, а за независимую Чечню.

Ни Шамиль Басаев, ни прочие сепаратисты не были полноценными муджахедами, хотя таковыми себя и рекламировали. Они были руководителями национального движения, для которых апелляция к исламу служила частной идеологемой. Чеченцы не вписываются в исламскую фанатичность и в отличие от бен Ладена, Муллы Омара и проч. паразитировали на ней. Их фанатичность была искусственной, даже театральной.

Настоящая «джихадизация» Северного Кавказа произошла позже, в самом конце 1990-х гг. в нее включились исламские оппозиционеры других республик, в первую очередь Дагестана и Кабардино-Балкарии. Своего пика она достигала в 1999 г., когда в Дагестане, во включавшей 4 села т.н. «Кадарской зоне» при поддержке чеченцев возникла и короткое время просуществовала территория,

управлявшаяся по законам шариата. Вскоре под лозунгом создания халифата последовало вторжение в Дагестан отрядов Басаева, которые были разгромлены российскими войсками при поддержке местных ополченцев.

Религиозные фанатики не являются выходцами из какой-то одной социальной группы, не определяется фанатизм и материальным достатком. Если Усама бен Ладен был членом богатой семьи, то Мулла Омар – из пуштунских крестьян-бедняков. Фанатизм не зависит от семейного воспитания. Не стоит связывать его и с уровнем религиозного образования.

Попытки создать собирательный образ террориста-фанатика не прекращаются. Однако выявить усредненный типаж террориста трудно, да и существует ли такой типаж в природе? Фанатизм – психология и крайне эмоциональная черта характера. Просто в острых конфликтных он проявляется чаще.

Вы лично встречались с фанатиками? Почти каждый ответит «да», поскольку «фанатиков на словах» – великое множество. А кто из журналистов и политиков незнаком с террористом? С другой стороны, с ним можно повстречаться где угодно, не ведая, кто этот человек на самом деле. Российский мусульманский священнослужитель, муфтий Нижегородской области (1993–2008) Умар Идрисов описывает такую сценку: «1990 год, мы сидим в Каире и мирно беседуем. Я, Талгат Татджутдин (глава Центрального Духовного управления мусульман России – АМ) и... Усама бен Ладен рядышком разговаривает, все спокойно, все у нас нормально...»⁹³.

Когда личность террориста установлена, часто выясняется, что преступник, по рассказам его родных, соседей, был вежливым и добрым парнем, пользовавшимся симпатией окружающих. Так характеризовали, например, Абдель Малика Птижана, убившего в 2016 г. французского

---

⁹³ Идрисов, Умар. 20 лет служения имамом. Бухарские воспоминания. Нижний Новгород (Россия): Издательский дом «Медина», 2007. С. 35.

католического священника, Акбарджона Джалилова, устроившего в 2017 г. взрыв в метро Санкт-Петербурга. Мать Птижана сказала, что ее сын был «хорошим и мягким мальчиком». Взорвавший в 2017 г. Лондонское метро террорист воспитывался в семье приемных родителей, которые за поддержку сирот были награждены Орденом Британской империи. Американские соседи совершившего в 2017 г. теракт в Нью-Йорке узбекского мигранта Сайфуллы Саипова характеризуют его как дружелюбного человека.

Палестинец, выходец из религиозной семьи Мосаб Хасан Юсеф, непосредственно участвовавший во многих акциях ХАМАС, а затем разочаровавшийся в этой организации до такой степени, что стал сотрудничать с израильской Службой Общей Безопасности (ШАБАК), в которой ему дали кличку «Зеленый принц», написал книжку «Сын ХАМАС». Вот что Мосаб Хасан Юсеф пишет о Палестине 1980-х: «Вокруг было столько жестокости, что в редкие моменты затишья мне становилось скучно». «Я не знал, как избавиться от ненависти». «Единственный закон, почитаемый мусульманами, – это закон ислама...»⁹⁴. А ведь то же самое кто-то может сказать про Афганистан, про Сирию, Ирак, Пакистан, Чечню. Жестокость порождает жестокость, принимая религиозное обличье.

Мусаб Хасан Юсеф – исключение. В поисках истины «сын ХАМАС» перешел в христианство (такая измена в исламе карается смертью). Показательно то, что, перейдя в христианство, он решил для себя, что «религия не выход»⁹⁵.

Фанатики не остановятся перед применением оружия массового поражения, в том числе ядерного.

Четверть века тому назад разговор на эту тему выглядел неуместной шуткой. Первую и пока единственную в мусульманском мире атомную бомбу сделал в 1989 г. Пакистан

---

⁹⁴ Мосаб Хасан Юсеф. Сын ХАМАС. Москва: Изд. «Читай! Рид Групп», 2011. С. 49, 87, 93.

⁹⁵ Там же. С. 305.

(сегодня у пакистанцев сотня ядерных зарядов). То был ответ на созданное в 1974 г. индийское ядерное оружие (ныне его чуть меньше 40 единиц). Его испытание индийцы назвали «Улыбка Будды» (Smiling Buddha), что, заметим, предполагает религиозное обоснование обладания ядерным оружием.

Потом появилась иранская ядерная программа. Заговорили об исламской или шиитской бомбе. В начале 1990-х гг. прошел слух, что иранцы эту бомбу уже сооружают, что обернулось кошмаром для Израиля и Саудовской Аравии. В 2015 г. в Лозанне после подписания Ираном соответствующего соглашения со «странами шестерки» (США, Францией, Великобританией, Германией, Китаем, Россией) Иран приступил в главном центре местной ядерной программы г. Натанзее к демонтажу центрифуг. Однако в 2017 г. Иран заявил о возможности выхода из него, обвинив в его нарушении Соединенные Штаты. В свою очередь в 2018 г. американцы сами вышли из лозаннского соглашения. Причиной своего выхода США назвали то, что Иран сам нарушает его, продолжая разработку ядерного оружия. Так ли это на самом деле, сказать крайне сложно. Вопрос о превращении Ирана в ядерную державу остается открытым. Во многом это объяснимо тем, что стремление к обладанию ядерным оружием стало частью национальной идеи.

Кто еще из мусульманских стран располагает возможностями обрести ядерное оружие? Считается, что Саудовская Аравия. Причем оно не является противовесом способному такое же оружие создать Израилю, но ответом на вызов шиитского Ирана. Помимо саудовской монархии упоминается Египет, но он никогда не войдет в конфликт с государствами, выступающими против распространения ядерного оружия, и кроме того, для создания такого оружия у него нет достаточно средств. В 2009 г. тогдашний египетский муфтий Али Гомаа заявил, что «использование такого оружия противоречит исламским законам»⁹⁶.

---

⁹⁶ BBC. Мусульманам ядерное оружие запрещено.
<http://inosmi.ru/world/20090601/249634.html>

Однако среди мусульманских теологов и политиков встречаются и иные суждения. В 2008 г. в Аль-Азхаре была издана фетва, в которой наличие ядерного оружия было признано необходимостью (ваджиб) для мусульман в целях самозащиты. Схожее мнение высказывал Юсуф аль-Карадави, который счел его обретение «всеобщей обязанностью» (фард кифайя). В 2003 г. саудовский теолог Насир аль Фахд в своей фетве обосновывал право мусульман наносить первыми удар оружием массового поражения⁹⁷.

В 1996 г. бен Ладен в интервью журналу «Тайм» объявил, что овладение ядерным оружием есть «религиозный долг»⁹⁸. В 2002 г. в результате прослушки телефонного разговора американские спецслужбы узнали, что человек из «Аль-Каиды» просил некоего оставшегося неизвестным саудовского политика закупить три «предмета», которыми, по мнению американцев, якобы могли оказаться российские атомные бомбы⁹⁹. Эта история выглядит фантастической. Но хорошо известно, на какие непредсказуемые поступки готовы исламские фанатики.

Учитывая, что соответствующие технологии уже существуют в других, не только мусульманских странах, а также то, что, по мнению ряда экспертов, распространение ядерного оружия остановить практически невозможно, шансы религиозных экстремистов на доступ к нему возрастают. Мнение, что «мусульмане, обозленные на мир..., вполне могут применить ядерное оружие против других стран», достаточно распространено¹⁰⁰. В этом гипотетическом «ядерном джихаде» отчетливо прослеживается стремление напугать окружающий мир, унижить его, а также и компенсация за собственное бессилие.

---

⁹⁷ См.: Кямал Гасымов. Оружие массового уничтожения в фетвах мусульманских богословов // Индекс безопасности. № 3 (110), Т. 20. 2014. С. 112–114.

⁹⁸ The Time. December 22, 1998.

⁹⁹ Preventing Nuclear Terrorism. Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs. March, 2016. P. 142.

¹⁰⁰ <https://otvet.mail.ru/question/908063>

Наивными представляются попытки некоторых мусульманских священнослужителей и богословов отлучить исламистов, прежде всего экстремистского толка, от ислама, представляя их как искусственную, не имеющую отношения к религии, даже враждебную ей «группировку». Такой подход призван «деисламизировать» исламизм, который квалифицируется как болезнь, даже «раковая опухоль», избавиться от которой можно исключительно с помощью «силовой хирургии». Такого мнения придерживался муфтий Сирии Ахмад Бадруддин Хасунна, бывший муфтий Египта Али Джума, его нынешний муфтий Шавки Аллам (он поддержал смертный приговор, вынесенный властями бывшему президенту Египта Мухаммаду Мурси и его 25 сторонникам), близкие к власти российские муфтии. Пакистанский ученый, основатель и редактор известного вебсайта «Новое время ислама» (NewAgelIslam) Султан Шахин (Sultan Shaheen) считает, что «джихадизм есть куфр, религия джахилийи»¹⁰¹. Также часто можно слышать утверждение, что «у террориста нет ни религии, ни национальности».

На наш взгляд, главным критерием того, кто есть мусульманин (как и христианин или буддист), является его личная самоидентификация. «Весь ислам» не может нести ответственность за то, что творят придерживающиеся самых различных взглядов мусульмане. Так же как исламе нет фигуры, которая могла бы выступать от имени всех мусульман. Пользовавшийся в 1980-е гг. огромной популярностью во всем мусульманском мире аятолла Хомейни оставался шиитом, но вместе с тем – иранским религиозным и национальным вождем. Здесь очевидны различия между исламом и христианством: так, Папа Бенедикт XVI от имени Церкви покаялся за зверства Инквизиции, хотя от христианства ее не отделял.

Отлучение от ислама идет от страха мусульманских священнослужителей и политиков перед растущей

---

¹⁰¹ Sultan Shaheen, Religion of the Jahiliya. J&K Institutes. <http://www.jammu-kashmir.com/insights/insight9908.html>

популярностью исламизма. Выводя за пределы религии исламистов, их оппоненты лишь углубляют внутримусульманские противоречия. Что касается остального мира, то в нем исламистские группировки, включая террористические, воспринимаются именно как исламские.

Совершившие преступления мусульмане отторгаются от ислама отнюдь не всегда. Многие богословы считают, что жизнь этим людям надо сохранить, чтобы они предстали перед шариатским судом, который и должен определить им меру наказания. Еще в 1988 г. возглавляемый саудовским муфтием Совет крупнейших улемов принял «Решение по вопросу о взрывах, имевших место в мусульманских и немусульманских странах», в котором было записано, что «если в соответствии с Шариатом будет установлено, что человек занимался любым видом подрывной деятельности или распространения на земле нечестия путем посягательства на жизнь людей (далее следует длинный перечень, в чем оно выражается – АМ), следует завершить все необходимые действия по сбору доказательств, что осуществляется шариатскими судами». И только если преступление будет доказано, преступник заслуживает смертной казни¹⁰². Бывший муфтий Саудовской Аравии шейх Абд аль-Азиз ибн Абдаллах ибн Баз (1910–1999) считал, что «мусульманское государство, в руки которого попадут люди, захватившие самолет, должно судить их по шариатскому закону», и «любое мусульманское государство, к властям которого обратятся люди, захватившие самолет, обязано создать комиссию из ученых для рассмотрения этого дела... и вынесения соответствующего шариату решения на основании указаний Корана и Сунны»¹⁰³. В обеих оценках речь об отлучении от ислама не идет.

---

¹⁰² Цит. по: Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий / Изд. Совета муфтиев России. Москва, 2003. С. 15.

¹⁰³ Фетва шейха Ибн База относительно терроризма. <http://anti-irhab.com/>

В спорах между мусульманскими богословами и политиками родилось выражение «плохие мусульмане». Кстати, «плохими мусульманами» на арабском востоке полагали бывших советских мусульман. Воевавшие на стороне чеченских сепаратистов арабские боевики считали «плохими мусульманами» самих чеченцев. К «плохим мусульманам» часто относят центральноазиатских кочевников (бывших кочевников), сохранивших свои этнокультурные обряды, не совместимые с собственно религиозной традицией. Критика раздается в адрес российских татар, подвергшихся русификации и утративших свою конфессиональную идентичность.

Другой прием, используемый для отлучения исламистских организаций от ислама, состоит в стремлении доказать, что все они, включая движение «Талибан», «Аль-Каиду», Исламское государство, созданы западными спецслужбами. Особенно заметны на этой стезе некоторые пострадавшие от исламистов мусульманские политики и духовные лица.

Для примера сошлемся на мусульманских политиков и священнослужителей России, выступающих в русле официальной пропаганды, которая подает ИГ как результат интриг Запада, главная цель которого – дестабилизация обстановки в ближневосточном регионе и устранение из него России. Глава Чечни Рамзан Кадыров не устает повторять, что ИГ, как и другие исламистские организации, созданы западными спецслужбами, которые «дешево купили главарей террористических организаций, чтобы они постоянно проливали кровь мусульман, разрушали стабильные страны, очернили ислам»¹⁰⁴. Глава мусульманской Ассоциации Общественных Объединений Мухамед Саляхетдинов, комментируя пятикратный в 2015 г. теракт в Париже, сказал, что «заказчиков нужно искать

---

¹⁰⁴ Кадыров на страже уммы.

http://kavpolit.com/articles/kadyrov_na_strazhe_ummy-21301/

не среди мусульман», «ИГ управляется извне» и никакого отношения к исламу не имеет.

Да, нельзя не признать, что формированию некоторых группировок действительно содействовали спецслужбы: Движению «Талибан» – пакистанская, ХАМАСу – израильская, спецслужбы отслеживали возникновение ИГ. Однако причины возникновения исламизма, так же как и наличие в его рамках экстремистских группировок имеют внутренние корни. Этими группировками можно манипулировать, однако действуют они, исходя из своих собственных целей и интересов, в чем неоднократно убеждались те, кто рассчитывал, что исламисты – будь то талибы, ХАМАС и пр. – могут стать их инструментом. Не получилось. Израильтяне, помогая созданию ХАМАС (официальная дата возникновения 1987 г.), рассчитывали использовать его для раскола возглавляемого в то время Ясиром Арафатом Палестинского движения сопротивления (ПДС). Но впоследствии ХАМАС действовал, руководствуясь собственными интересами, став для Израиля главной внутренней угрозой. Движение «Талибан» создавалось спецслужбами (появилось в 1994 г.), как и ХАМАС, имело под собой широкую массовую основу, без чего любые попытки его построить были бы невозможны. Чеченский сепаратизм возник не по указанию зарубежных спецслужб – американской или саудовской, – но вырос из внутрироссийских проблем, хотя впоследствии международные исламские организации и оказывали сепаратистам значительную поддержку. То же можно сказать о формировании и «Аль-Каиды», и Исламского государства Ирака и Сирии (Леванта), выросшего на местной ближневосточной – иракской, сирийской почве. Впервые эта организация заявила о себе в 2006 г. как «Исламское государство Ирака», затем переименовалась в Исламское государство Ирака и Сирии (Леванта), а с 2014 г., провозгласив своей главной целью создание мирового халифата, приняла имя «Исламское государство».

(Здесь мы абстрагируемся от повторяемых порой некоторыми политиками и СМИ глупостей, что теракт

11 сентября был устроен американским ЦРУ.) Одним словом, исламизм, включая его экстремистское направление, является прежде всего субъектом политики и действует самостоятельно, по своему усмотрению, и уж затем ее объектом, который пытаются использовать внешние акторы.

Иногда исламизм также преподносится как спланированный мировой заговор, цель которого – установление исламского порядка на всей земле. В 2001 г. итальянские и швейцарские спецслужбы в окрестностях г. Лугано нашли некий анонимный (изложенный на 14 страницах) «Проект», в котором излагалась стратегия и тактика «Братьев-мусульман», преследовавшая цель захватить власть во всем мусульманском мире. Находка была обнаружена в доме президента банка «Ат-Таква» (At-Taqwa) Юсефа Нада, признавшего свою причастность к «Братьям-мусульманам», а заодно и к терроризму¹⁰⁵. «Проект» действительно походил на глобальную программу для всех исламистов, однако основные его положения не содержали ничего принципиально нового, и он не мог служить реальной основой для объединения исламистских партий и групп. Единого мирового исламистского центра не существует, и вряд ли он когда-нибудь возникнет. Общность религиозной идеологии исламизма не станет единой политической платформой для организационной консолидации этого движения в глобальном масштабе. Конспирологические домыслы представляются несостоятельными.

Внимание, которое в нашей работе уделяется исламизму, не означает, что лишь им одним исчерпывается исламская религиозная мысль и религиозно-политическая практика. Существует еще и реформаторский тренд, который носит противоречивый, в чем-то даже двусмысленный характер. Выдающийся французский арабист Жак Берк (Jacques Berque) однажды заметил, что идея обновления («таджид») обнаруживается в структуре самого Корана,

---

¹⁰⁵ <http://www.inopresa.ru/article/06Ooct2005/letemps/islamism.html>

который «взывает к модернизации»¹⁰⁶. Обновление надо искать в аятах Корана, – писал египетский богослов Мухаммад Ахмад Халафалла (Muhammad Ahmad Khalafallah) (1916–1991)¹⁰⁷. Реформаторство, желание изменить общество и религию – процесс, который происходит в мусульманском мире перманентно. Реформаторством можно считать само появление ислама, целью которого были перемены, совершенствование «старых» авраамических монотеизмов.

В нынешнем реформаторстве присутствуют два направления. Первое – консервативное, которое представлено все теми же исламистами (салафитами, ваххабитами и т.п.), для которого суть перемен, соответствующих им реформ состоит в возврате к истинному исламу. Данный тип исламского реформаторства сопоставим, хотя и с немалыми поправками, с христианским реформаторством XVI в. И христианские, и консервативные мусульманские реформаторы выступали за возврат к истинной религии, боролись против ее «перегруженности» ритуалами, за избавление от тотального контроля духовенства, за буквалистское прочтение священного писания (Библии и Корана). И те, и другие действовали жестоко, преследуя любое инакомыслие и иной образ действия. В этом контексте Ибн Абд-аль Ваххаб вполне сопоставим с кальвинистами. Посвященная ваххабитам монография известного российского арабиста Алексея Васильева справедливо была названа «Пуритане ислама?»¹⁰⁸.

С другой стороны, идеи и деятельность Мартина Лютера и его последователей послужили базисом для переосмысления христианства, избавление верующего

---

¹⁰⁶ Jacques Berque. Les efforts d'innovation dans l'Islam moderne. L'Islam. La Philosophie et les sciences. UNESCO. Publie par l'organisation des Nations Unies. Paris, 1981. P. 75.

¹⁰⁷ Muhammad Ahmed Khalafalla. Muhammad wa al-quiwwa al-mudada (Мухаммад и враждебные ему силы). Каир, 1972. С. 162–163 (араб. яз).

¹⁰⁸ Васильев А.М. «Пуритане ислама?». Москва: Наука, 1967.

от тотального контроля со стороны католического папства, что в итоге привело к формированию в христианстве – протестантизма. В исламе ничего подобного не случилось. Протестантизм в огромной степени способствовал развитию христианского мира, и до сих пор протестантские страны по уровню своего развития опережают все прочие. В 1700 г. ВВП на душу населения у католиков составлял около 90% от протестантского, а у мусульман – чуть больше 50%. В 2016 г. католический ВВП составлял от протестантского менее 80%, а мусульманский приблизительно четверть¹⁰⁹.

Второй тип исламского реформаторства, определяемого как модернизационное и даже либеральное, есть реакция на отстаивание мусульманского мира от Запада и одновременно попытка применить у себя его достижения в экономике, технике, образовании, культуре и политике. Это реформаторство начиналось не как сугубо религиозное, и основной целью его инициаторов и продолжателей была общая трансформация общества. Что требовало совершенствование исламских толкований.

Глубинной причиной модернизационного реформаторства XIX-XX вв., связанного с именами выдающихся богословов и идеологов Мухаммада Абдо, мечтавшего реформировать университет Аль-Азхар, Джемаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммада Икбала (1877–1938), призывавшего к созданию национального мусульманского государства, будущего Пакистана, египетского богослова и философа Абд ар-Разика (1884–1966), отстаивавшего идею создания вместо халифата современной правовой системы¹¹⁰, было стремление ответить, на вызов Запада, если и не догнать

---

¹⁰⁹ Просчитано по базе данных Ангуса Мэдисона. Цит. по: Андрей Илларионов. Стратегическая ошибка обоих владимиров // Независимая газета, 31 октября 2017.

¹¹⁰ В 1925 г. Абд ар-Разик опубликовал книгу «Ислам и принципы управления», вызвавшую бурный протест консерваторов, а сам ее автор был лишен диплома Аль-Азхара.

его по уровню социально-экономического и культурного развития, то хотя по этим параметрам оказаться с ним сопоставимым.

Эффектным, впечатляющим символом модернизации стало появление в 90-е гг. позапрошлого века фетвы египетского муфтия Мухаммда Бухейта, в которой он разрешал фотографию. Примерно тогда же с фетвой выступил Мухаммад Абдо, заявивший, что идолы нам (мусульманам) больше не угрожают, и потому повод для запрета живописи отпал. Преодоление этого существующего в исламе строгого запрета на изображение живых существ имело огромное значение для общественного сознания и свидетельствовало о возможности иных, качественно новых религиозных трактовок.

Дискуссия о легитимности фотографии продолжается и по сей день. И если, например, Юсуф аль-Карадави считает, что фотографирование не является «актом творения», т.е., человек не претендует на роль Создателя, то другие духовные авторитеты придерживаются противоположной точки зрения, а некоторые даже считают, что даже хранение дома фотографий родных и близких противоречит шариату. Запрет на хранение фотографий был принят властями ISIS.

В конце XX – начале XXI вв. в исламском «либеральном» реформаторстве усматривается ответ не только на вызов западной цивилизации, но прежде всего ответ на активность консервативных реформаторов-исламистов. Либеральная модернизационная альтернатива оппонирует альтернативе исламо-исламистской.

«Большинство этих (реформаторских или модернизационных) идей уже существует, пусть и в рудиментарной и скрытой форме, в сердцах и умах многих мусульман, особенно молодых поколений...»¹¹¹. Но не меньше сторонников

---

¹¹¹ Абдуллах Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации. Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова. Москва, 1999. С. 208.

есть у консервативной реформации. Высказывается мнение, что либерально-модернистская реформация не привлекает большинство мусульман¹¹². С этим подходом можно соглашаться, можно и нет. Однако само их наличие свидетельствует о расколе общества и его элит относительно будущего уммы.

Со второй половины XX века модернизационное реформаторство инициируется светскими политиками. Среди них египтянин Гамаль Абдель Насер, тунисец Хабиб Бургиба, алжирцы Мухаммад бен Белла и Хуари Бумедьен, шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви, отец нынешнего сирийского президента Хафез аль-Асад и другие. Не религия зачинает эволюцию общества, но «догоняет» ее. Стремившиеся к реформам политики мало заботились о том, чтобы предложить мусульманам религиозную поддержку перемен. В XXI в. реформу настойчиво продвигает наследный принц Саудовского королевства Мухаммад бен Сальман. Последний мечтает к 2030 г. построить в Саудовской Аравии на площади в 26,5 тыс. кв. км. самый современный в мире город «Неом» – «Neo-Mustaqbal»¹¹³. Первая часть названия города взята из европейских языков, вторая – из арабского, в сочетании которых при желании можно обнаружить амбивалентный смысл.

Светские реформаторы осознают, что без соответствующих религиозных интерпретаций, без, так сказать, «современного ислама» движение вперед будет затруднено. Тем более, что такая модернизация, особенно, если она будет проводиться ускоренными темпами, может вызвать протест среди консервативной части мусульман и обострить конфликты как на политической, так и религиозной почве.

Религиозное реформаторство отстает от мирского. Социолог из Иллинойского университета Хаммад Шахидан замечает: «Мы не забываем, что некоторые мусульмане

---

¹¹² Сами Зубайда: Исламская реформация? Исламовед.ру <http://islamoved.ru>

¹¹³ <http://ksamissioneu.net/en/fact-sheet-neom-project>

работают ради реформ, что не только религия несет ответственность за наши социальные болезни, что несправедливость присутствует не только в исламе. Мы возражаем не против исламских реформ, но против их недостаточности»¹¹⁴. Так, один из наиболее известных реформаторов Абдуллахи Ахмед ан-Наим высказывает мысль, что идея либерального реформаторства вряд ли окажет значительное воздействие на мусульманский мир¹¹⁵. Нет среди исламских реформаторов харизматичных фигур.

И все же в XXI в. модернизационное религиозное реформаторство будет усиливаться. Появятся новые интерпретации ислама, призванные служить сближению западной и исламской цивилизаций, оправданию заимствований из чужого опыта. Хотя делаться это будет в завуалированной форме, параллельно с утверждением, что инновации не означают отказа от исламской традиции. Успех реформаторства в огромной степени зависит от того, насколько успешным оно окажется в Саудовской Аравии. Если принцу Мухаммаду и его сторонникам действительно удастся сформировать соответствующую стратегию и реализовать ее, это может стать примером для многих мусульманских стран. Реформаторство на священной для каждого мусульманина земле послужит оправданием для развития аналогичного процесса в остальном мусульманском сообществе. И напротив, если реформаторский тренд в саудовской монархии затормозится, это негативно скажется как на самой стране, так и приведет к усилению консервативных тенденций во всей умме.

Конкуренция с исламистской альтернативой будет продолжаться. Останется непримиримым к «либеральному

---

¹¹⁴ Hammed Shahidian. Islam's «Others»: Living (Out) side Islam // SIMNewsletter. July 1999. P. 5.

¹¹⁵ Абдуллахи Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации / Публикация Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Москва, 1999. С. 208.

реформаторству» экстремальное крыло исламизма, в то время как умеренные и даже некоторые радикальные исламисты останутся открытыми к диалогу со своими оппонентами.

В XXI в. такой исламо-исламский диалог продолжится и останется главной чертой эволюции мусульманского мира. Используя метафору, можно сказать, что «птица исламской цивилизации» способна продолжить свой полет только на двух крыльях. Однако станет ли XX век «временем реформаторства», предсказывать не берусь.

Каковы перспективы у исламизма? Во-первых, в разных версиях он продолжит свое существование, и предсказывать его скорый закат ошибочно. Исламизм остается фактором общественно-политической жизни во всем мусульманском мире, следовательно, и фактором глобальной политики, формирующегося мирового порядка. Его развитие и распространение напоминает синусоиду, которая на разных этапах развития различных стран и регионов будет подниматься вверх или опускаться вниз, но с «геополитического графика» не исчезнет. «Сегодня в арабском мире играют ту роль, которую однажды сыграли национально-освободительные движения и левые партии»¹¹⁶. И это справедливо для всего мусульманского мира.

Можно предположить, что, помимо государств, где исламисты уже заявили о себе как об одной из влиятельнейших сил, нарастание исламистской тенденции в ближайшие годы окажется более заметным в странах Персидского залива, Бангладеш, Индонезии. И справедливо для всех трех исламистских направлений – умеренного, радикального и экстремистского.

---

¹¹⁶ Islamist Movements and the Democratic Process in the Arab World: exploring the Gray Zone // A Joint Publication of the Carnegie Endowment for International Peace and the Herbert-Quandt-Stiftung. Middle East Series. Number 67, March 2006. P. 3.

Во-вторых, следует ожидать участия исламистов в правящих коалициях, а также их возможного прихода к власти в некоторых странах. Практика показывает, что результаты их правления неоднозначны. В Иране они не блестящи. Неудачным оказалось для исламистов их пребывание у власти в Тунисе и в Египте. Возможно, главной причиной того был недостаток времени. С другой стороны, ими был обретен ценный опыт для будущей политической борьбы.

Зато в Турции умеренный исламизм добился изрядных успехов. Глава Турецкой делегации в Европарламенте Joost Lagendijk и член Европарламента от Дании Jan Marinus Wiersma считают, что «большинство европейцев и большинство журналистов почти автоматически уверены в том, что те, кто выступает за светскую республику и против исламистов, заслуживают нашей симпатии. Тогда как можно объяснить, что эти проклятые исламисты в последние годы провели реформы и способствовали модернизации Турции больше, чем все светские партии вместе взятые?»¹¹⁷. Но нельзя не принимать во внимание специфику Турции, тот факт, что местные исламисты (сами себя они таковыми не называют) были прагматиками, и их главной задачей была не исламизация общества, но социально-экономическое развитие. (К этому можно добавить стремление стать полноценным членом ЕС. Правда, в первые два десятилетия нашего века мысль о вхождении в Европу сдвинулась на периферию турецкой политики и идеологии.)

В-третьих, внутри исламизма продолжится размежевание между тремя его направлениями – умеренным, радикальным и экстремистским. Умеренное уже обрело легитимный статус. Неформальной легитимизации добиваются радикалы. На этом фоне борьба с экстремизмом и

---

¹¹⁷ Joost Lagendijk, Jan Marinus Wiersma. *Travels among Europe's Muslim Neighbors. /The Quest for Democracy*, Center for European Policy Studies. Brussels, 2008. P. 36.

терроризмом будет нарастать, хотя в ближайшее время она не приведет к его полному искоренению.

В-четвертых, находясь у власти, исламисты в своей идеологии и политической практике понижают собственно религиозный акцент. Вовлеченные в повседневную работу, они станут большими прагматиками и будут вынуждены принимать компромиссные решения. (В связи с возрастающей прагматичностью исламистов эксперты ввели новый термин «постисламизм», требующий дополнительной разработанности¹¹⁸.) Последнее обстоятельство способствует еще большей диверсификации исламизма, обособлению его экстремистского крыла.

---

¹¹⁸ См., например: Asef Bayat. *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford University Press, 2007.

Глава третья. Халифат: идея и государство

Вершиной исламистской экстремы стало появление в начале XXI века «Исламского Государства Ирака и Сирии (Леванта)», т.е. ИГИЛ, принявшего в 2014 г. имя Всемирный халифат. По выражению ливанской исследовательницы Лины Хатыб, его формирование означало «начало новой эры джихадизма»¹¹⁹. В каком-то смысле она права. Но насколько оно знаменовало начало «новой эры»? Скорее Исламское государство-Всемирный халифат было важнейшим *этапом* в истории современного исламизма.

Здесь, очевидно, необходимо оговориться. В нашем тексте мы используем термин ИГИЛ до событий 2014 г., когда оно приняло название «Исламское государство – Всемирный халифат». Однако временами при описании тех или иных событий приходится возвращаться к ИГИЛ. Однако в любом случае речь идет об одном феномене.

До ИГИЛ самой могущественной исламистской организацией крайнего толка была «Аль-Каида». Также существовало и существует множество схожих по идеологии движений, партий регионального и национального масштаба – афганские талибы, палестинский ХАМАС, нигерийская «Боко харам» (перевод с языка хауса «западное образование запрещено»), сомалийская «Хизб аш-Шабаб» (Партия молодежи), Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и сотни других, менее известных группировок и ячеек,

---

¹¹⁹ Lina Khatib. The Islamic State's strategy: Lasting and Expanding // Carnegie Middle East Center. Paper, June 29. 2015.

в название которых включены слова «джихад», «шариат», «халифат», «имарат».

«Аль-Каида» не ставила своей задачей построение исламского государства. Ее главной стратегической целью была демонстрация остальному миру ее силы, месть «врагам ислама», глобальный джихад во имя их наказания. Американский аналитик и журналист Алан Калиссон (Alan Cullison) сравнивал ее с «ранними русскими анархистами», которые «написали самые убедительные доказательства в пользу использования террора», отметив, что в «Аль-Каиде» «понимали, что ее атаки не приведут к разгрому великих держав. Скорее ее целью было спровоцировать их на ответную реакцию...»¹²⁰.

В 2004 г. поддерживавшие «Аль-Каиду» исламистские фанатики – джихадисты, по мнению экспертов, составляли не более 0,1% от общего числа мусульман, что, однако, давало цифру в 1,2–1,5 млн. Еще от 10 до 15 млн чел. «Аль-Каиде» симпатизировали. «Если же принимать в расчет тех, кто в связи с событиями в Ираке и Палестине больше доверяли бен Ладену, чем Джорджу Бушу, то их количество превышало 200 млн чел.»¹²¹. (О том, сколько мусульман симпатизировали ИГ, будет сказано ниже.)

«Аль-Каида» была целиком нацелена на разрушение. Ее структура (очень рыхлая) была рассчитана на партизанскую войну на территории противника. «Аль-Каиду» сравнивали с беспорядочным космическим движением, или Солнечной системой, где каждая планета вращается по своей собственной орбите. Она не ставила своей целью захват власти ни в одной мусульманской стране. Для осуществления своих замыслов «Аль-Каиде» не требовался конкретный географический плацдарм.

---

¹²⁰ Alan Cullison. Inside Al-Qaeda's hard drive // The Atlantic. September 2004. Volume 294. Number 2. P. 58.

¹²¹ Alain Bauer, Xavier Raufer. L'Enigme al-Qaida. Editions Jean-Claude Lattes, 2005. P. 26.

У ИГИЛ цель была качественно иной, а именно: сотворение транснационального, трансграничного исламского пространства, а вслед за тем исламского государства. В историческом плане такое государство может быть сопоставимым с Османской империей, которая вплоть до начала XX века могла считаться наследницей единого халифата. О преодолении каких границ идет речь? Тех, которые на Ближнем Востоке начали формироваться в результате договора от 1916 г. Сайкс-Пико и оформились после окончания Первой и Второй мировой войн.

Договор Сайкс-Пико можно уподобить ялтинским соглашениям 1945 г., которые были договором между державами-победительницами о разделе мира после Второй мировой войны. Кстати, в Ялте имплицитно, хотя и с поправками, признавались некоторые прежние соглашения по разделу мира. Прошедшие «по телу» рухнувшей Османской империи границы, как показали последующие события, оказались искусственными. Искусственность ближневосточных границ может быть уподоблена искусственности постсоветских границ, в том числе в Центральной Азии. Так что и в центральноазиатском регионе сохраняется вероятность их передела, что может спровоцировать рост популярности «Исламского государства», как фактора консолидации мусульман (надо, однако, признать, что опасность перекройки границ в Центральной Азии во втором десятилетии XXI в. снизилась).

На протяжении второй половины XX века все государственные границы казались вечными, однако практика конца XX – начала XXI вв. показала, что такая вечность государственных границ несбыточна. Так или иначе, ИГ поставило существование «старых границ» под сомнение, а его действия можно считать исламским протестом против ставшего привычным «колониального» раздела мира.

Появление ИГИЛ неслучайно. Во-первых, оно – кульминация выраженного в религиозной форме социального и политического протеста. Во-вторых, – результат хронической нестабильности на Ближнем Востоке и в целом

в мусульманском мире. В-третьих, – следствие зарубежного вмешательства во внутренние дела мусульманских стран.

Предтечей ИГИЛ явилась возникшая в 2003 г. «Аль-Каида в Ираке», которая была частью «большой» Аль-Каиды. В 2006 г. «Аль-Каида в Ираке» переименовалась в «Исламское государство Ирака», затем приняла название «Исламского государства Ирака и Сирии» (ИГИЛ), иногда говорят «ИГ Ирака и Леванта». 29 июня 2014 г. (в первый день месяца рамадан) ИГИЛ объявило себя Всемирным халифатом.

ИГИЛ создавалось усилиями самых различных сил. В этом принимали участие и экстремистские группировки, и офицеры разгромленной в 2003 г. американцами армии Саддама Хусейна, и оказавшиеся не у дел после падения саддамовского режима иракские баасисты. К ИГИЛ тяготели сунниты (особенно суннитские племена), оскорбленные тем, что в новой постсаддамовской власти доминировали шииты, а также часть сирийской исламской оппозиции. Со всего мусульманского мира на помощь ИГИЛ хлынули десятки тысяч муджахедов-добровольцев – одни по религиозным убеждениям, другие из жажды самоутвердиться как личность. Часть боевиков рассчитывала на материальные «бонусы». Попасты в ИГИЛ было достаточно просто: границы Ирака практически не охранялись, был легок проход через Турцию, наконец, из-за гражданской войны в Сирии «прозрачными» оказались и ее границы.

Сложилось мнение, получившее широкое распространение в России и в ряде стран на постсоветском пространстве, будто ИГИЛ появилось на свет в основном благодаря усилиям Запада, в первую очередь американцев. Такого мнения придерживаются также, например, президент Сирии Башар Асад, бывший президент Афганистана Хамид Карзай, глава Чечни Рамзан Кадыров и т.д. Однако вряд ли Вашингтон в самом деле целенаправленно участвовал в формировании ИГИЛ, успехи которого во многом обеспечили разгром США Саддама Хусейна. Американские спецслужбы наблюдали за становлением ИГИЛ, общались

с его представителями. Ими просчитывались варианты использования ISIS для подрыва режима Асада. Однако ни американцы, никто другой не учли размах продвижения ИГИЛ и его реальный, в частности военно-террористический потенциал. ИГИЛ воспринималось ими как искусственный феномен, а его потенциал недооценивался. «ИГИЛ вызвало удивление у Обамы и американской разведки»¹²².

Двойственной оказалась позиция Саудовской Аравии, которая, с одной стороны, сочувствовала суннитской – пусть и радикальной – оппозиции в Ираке и Сирии, зато, с другой, опасалась, что набиравшее силу ИГИЛ может представлять для нее угрозу, что в итоге и случилось.

Решающим толчком (именно толчком, а не причиной) появления «Великого халифата» стала начавшаяся в 2011 г. «арабская весна», в ходе которой произошло обрушение авторитарных режимов в Тунисе, Египте, Ливийской Джамахирии, вспыхнула гражданская война в Сирии. Изменилась расстановка сил в арабо-мусульманском обществе, что актуализировало идею исламской альтернативы. Пошли – пусть и осторожные – рассуждения о судьбе монархий в Персидском заливе.

Все это можно было предвидеть, учитывая деградацию местных элит и взрывной рост социального протеста. ИГИЛ было лишь крайней формой его выражения. Исламистская оппозиция укрепляла свои позиции во всем регионе и стала легитимной частью его политического ландшафта. Возникновение исламского государства было неизбежным (почти неизбежным). Вопрос заключался в том, где, когда и каким образом это произойдет. Это произошло на территории Ирака и Сирии.

Порожденные «арабской весной» надежды западных политиков на то, что ближневосточный катаклизм приведет к демократизации и даст толчок к развитию гражданского общества, оказались несостоятельными. Думается,

---

¹²² <http://edition.cnn.com/2016/12/07/politics/isis-surprise/index.html>

подобная эйфория была в какой-то мере фальшивой. По мнению американских исследователей Томаса Карузерса (Thomas Carothers) и Марины Оттавэй (Marina Ottaway), западные страны «имеют многочисленные интересы на Ближнем Востоке, и, хотя демократия является одним из них, она конкурирует с прочими. А эти прочие, в частности, потребность в стабильной поставке ближневосточной нефти, подчеркивают важность тесного сотрудничества с недемократическими режимами региона»¹²³. Затянувшаяся «арабская весна» лишь подтвердила громадные, непреодолимые трудности, стоящие на пути формирования в мусульманском мире реальной демократии и бесполезность попыток форсировать этот процесс. А заодно стала косвенным свидетельством того, что проще иметь дело с консервативными авторитарными режимами, чем оказаться вовлеченными в процесс переобустройства общества, пусть и с целью его демократизации.

В отличие от, например, афганских талибов или чеченских сепаратистов ИГИЛ не боролось за выживание. Оно не имело перед собой сильного противника, сравнимого с армией кабульского правительства или с российскими войсками в Чечне. Оно не было *движением сопротивления*, но само вело наступательные действия, осваивая захваченную им территорию.

После летнего 2014 г. широкомасштабного наступления ИГИЛ в Сирии и Ираке его площадь достигла размеров 100–110 тыс. кв. км (по другим данным, 40–90 тыс. кв. км). В следующем 2015 г. эта площадь сократилась, однако к концу года опять возросла. Для справки: площадь Туниса – 163 тыс., Иордании 92 тыс., Азербайджана – 86 тыс., Кувейта – 17,8 тыс., Ливана – 10,4 тыс. кв. км. В октябре 2017 г. в связи с объявлением президентом России Владимиром

---

¹²³ Thomas Carothers and Marina Ottaway. *The New Democracy Imperative // Uncharted Journey. Promoting Democracy in the Middle East*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C. 2005. P. 6.

Путиным о завершении операции российских войск в Сирии министр обороны РФ Сергей Шойгу заявил об освобождении от террористов 503 233 кв. километров¹²⁴. С учетом, того, что вся территория Сирии составляет 181 тыс. кв. км, подобное заявление выглядело несколько странно и означало, что многие территории приходилось «освобождать» по несколько раз.

Добавим, что речь идет о захваченных ИГИЛ территориях Сирии и Ирака. С учетом же того, что ИГИЛ считало своими участки, контролировавшиеся его сторонниками в Ливии и Нигерии, его площадь может представляться еще более внушительной. Границы ИГИЛ были условными. Формальных границ между ИГИЛ и Сирией, Ираком, Турцией не существовало и не могло существовать. Эти границы были *линией фронта*. Разграничительные линии пролегли по пустыням. Отсюда – мозаичность карт, авторы которых пытались очертить постоянно меняющиеся рубежи ИГИЛ. ИГИЛ устанавливало контроль не только над населенными пунктами, но также над инфраструктурой. Отсюда крупнейшим успехом на первых этапах формирования ИГИЛ стало господство над дорогами, ведущими к сирийским городам Ракка, Дейр эз-Зор, к иракским – Мосулу и Самарре.

Несколько слов о демографии ИГИЛ. В 2013 г. его население достигало 1–2 млн, затем оно возросло до 6–9, даже 10 млн чел.¹²⁵, а по некоторым данным, к концу 2014 г. составило 8–12 млн¹²⁶. (В Кувейте – 4,5 млн, Ливане – 4,5, Кыргызстане – около 6 млн, Таджикистане – 8,7 млн, Иордании – 9,2 млн, Азербайджане – около 10 млн, Тунисе – 11 млн чел.).

---

¹²⁴ Цит. по: Вячеслав Половинко. Министр войны и мира // Новая газета, 15 декабря 2017.

¹²⁵ См.: Малашенко, Алексей. Надо ли бояться ислама? Москва: Весь мир, 2017. С. 38.

¹²⁶ How ISIS rules? By Sarah Birke // The New York Review of Books. 9.12.2014.

ИГИЛ получало внутреннюю поддержку со стороны местного населения, исходившую от самых разных социальных слоев. Зададимся вопросом, почему никто не рискнул начать против ISIS своего рода «освободительного движения»? Ведь навязываемые людям шариатские законы, равно как и жестокость обращения с ними, казалось, должны были вызвать хоть какую-то встречную негативную реакцию. Однако ее практически не было. Получается, что ИГИЛ устраивало местных мусульман в большей степени, чем те режимы, при которых они жили до прихода исламистов. Руководство ИГИЛ «предоставляло местным суннитским племенам широкую социально-экономическую автономию (то есть ровно то, что отказывался делать режим Б.Асада)»¹²⁷. Уместно привести мнение российского арабиста Куделева, который, характеризуя обстановку в Ираке в 2008–2009 гг., пишет что там «действовало как очень разноплановое по своему этническому и религиозному составу национальное движение иракского сопротивления, так и террористические организации, составленные как из иностранных добровольцев, так и представителей многочисленных иракских этносов, а также различных арабских племен»¹²⁸. Между тем это было время наступательной деятельности в Ираке «Аль-Каиды», и тот ее общественный, религиозный и политический базис впоследствии стал базисом ИГИЛ.

Принятое ИГИЛ самоназвание – «Великий халифат» свидетельствует, во-первых, о его глобальных амбициях, а во-вторых, подчеркивает преемственность исламской традиции, сложившейся в ней политической культуры. В историческом плане здесь нет ничего оригинального: на протяжении веков в мусульманском мире от Атлантического

---

¹²⁷ Щегловин, Ю.Б. Размышления о сирийском конфликте / Институт Ближнего Востока. Москва, 2018. С. 30.

¹²⁸ Куделев, В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке / Институт Ближнего Востока. Москва, 2009. С. 5.

океана до Индостана возникали и распадались десятки халифатов, халифы которых позиционировали себя как общемусульманские владыки, хотя на самом деле главенствовали лишь в отдельных регионах¹²⁹. Последним халифатом была Османская империя.

ИГИЛ (как и ИГ) обычно называют «группировкой», что призвано принизить его региональное, даже глобальное значение, поставить в один ряд с «заурядными» террористическими образованиями. Политики вообще решили не упоминать название «Великий халифат», а пользоваться его прежней арабской аббревиатурой – «ДАИШ». Слово «даиш» переводится с арабского языка, как «тот, кто разрушает». Так именовать ИГИЛ призвал генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. С ним солидаризировался глава французского МИД Лоран Фабиус, депутаты Палаты общин Великобритании. В итоге термин «ДАИШ» («Дауля ислямийя филь'Ирак ва аш-Шам»¹³⁰, т.е. «Исламское государство Ирака и Сирии») вошло-таки в обиход. С февраля 2016 г. это слово стало использоваться и российскими СМИ. Использование аббревиатуры ДАИШ было поддержано российскими духовными авторитетами, в том числе главой Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином.

Серьезное значение придавалось тому, как именовать ИГИЛ в мусульманском мире. Здесь терминологический вопрос обретал религиозную подоплеку. Одним своим названием – «исламское государство» ИГИЛ компрометировало ислам и заодно как бы ставило под сомнение религиозную идентичность многих его правителей. Идеологи ИГИЛ (затем ИГ) обвиняли не согласных с ними мусульман в такфире, т.е., в вероотступничестве.

---

¹²⁹ Существовавшие в средние века халифаты перечислены в замечательной книге британского ученого Clifford Edmund Bosworth «The New Islamic Dinasties: a Chronological and Geneological Manuel».

¹³⁰ В арабском языке «аш-Шам» означает одновременно и Сирию, и Дамаск.

Допустить такое мусульманские политические элиты и духовенство не могли. Противники ИГИЛ\ИГ отказали ему в принадлежности к исламу. Решительно выступили мусульманские политики и муфтии России, предложившие называть ИГИЛ «Государством Дьявола» (по-арабски – «дауля Иблис»). В 2015 г. такое определение предложил Рамзан Кадыров.

И все-таки ИГИЛ/ИГ правомерно считать исламским государством, пусть и несостоявшимся, к которому применим термин «несостоявшееся государство» («failed state»). Бывший командующий американскими силами на Ближнем Востоке генерал Майкл Нагата (Michael K. Nagata) однажды заметил, что «мы не понимаем, что это за движение, и пока не поймем, мы не сможем его победить»¹³¹. Замечено это было в 2014 г., но и в 2018-м после объявленного Россией, Ираном, Турцией, другими противниками ИГ его краха оно продолжает существовать, и специалисты-исламоведы допускают возможность его реинкарнации в будущем, на иных территориях и в отличном от его нынешнего облика виде. В 2018 г. тысячи боевиков продолжали сражаться в Сирии, иракские власти приняли решение направить свои вооруженные силы на иракско-сирийскую границу, где оставалось от 3 до 5 тыс. игиловцев.

Оригинальный подход предложил американский аналитик из Гарварда Стивен Уолт. Он считает, что «несмотря на религиозный характер, ИГ стоит в длинном ряду революционеров, занимавшихся государственным строительством»¹³². В том же ряду, по мнению Уолта, находятся революции во Франции, России, Китае, на Кубе и в Кампучии. Российский аналитик Андрей Быстрицкий пишет, что для части мусульман ИГ подобно Испанской Республике

---

¹³¹ Schmitt E. In Battle to Defang ISIS, U.S. Targets and its Psychology // New York Times. 28.12.2014 // <http://www.nytimes.com/2014/12/29/us/politics/in-battle-to-defang-isis-us-targets-its-psychology.html>

¹³² Стивен Уолт. ИГИЛ как революционное государство // Россия в глобальной политике. Том 13. № 6. Ноябрь-декабрь 2015.

1930-х гг. для коммунистов¹³³. Получается, что революционером был и Бен Ладен.

Игиловцы действительно – революционеры, пусть и религиозные. Хотя сопоставление их с прочими революционерами некоторым образом снижает их эксклюзивную самобытность. Все перечисленные выше революции побеждали – одни на короткое, другие на более длительное время, и окружающему миру приходилось считаться с победителями, а кое-кого даже *официально* признавать.

ИГ сравнимо не только с революционерами, но еще и с Инквизицией, также борющейся за чистоту веры и готовой ради этого применять любые методы. Творцы и активисты обеих организаций были беспощадны к своим противникам, не нуждались в доказательствах своей правоты, действовали именем Всевышнего. И ИГ, и Инквизиция выстраивали собственные наднациональные институты, добивались легитимизации. Попутно заметим, что борьба за истинную веру прекрасно сочеталась с меркантилизмом самих борцов. У сотен тысяч подозреваемых в еретичестве инквизиторы конфисковывали имущество точно так же, как ИГ «национализировало» экспроприированные им предприятия, имущество и музейные ценности. Инквизиция была детищем средневековья, ИГ – нашего времени.

Все подобные аналогии могут показаться натянутыми, но все же уничтожение «инаковерия», любой оппозиции в ИГ сопоставимо с уничтожением религии и священнослужителей большевиками, с пытками, применявшимися полповоцями. Вершители Французской, а равно как и Великой Октябрьской и прочих революций были не менее, а даже более кровожадны, чем исламисты-экстремисты. Фанатизм исламистских экстремистов XXI в. сопоставим с фанатизмом революционеров прошлых веков. «Все великие революционные движения XVI-XXI столетий несли в себе глубокие, хотя и несходные и разнонаправленные

---

¹³³ Исламское государство близится к закату.
https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/23_a_10265915.shtml

религиозные заряды, без которых невозможно представить себе и внутреннюю энергетику этих движений»¹³⁴. ИГ – наследник, даже продолжатель революционных традиций – будь то светских или религиозных. Все они боролись за «светлое будущее», и ИГ оказывается не более чем частным эпизодом этой борьбы.

За время своего существования ИГИЛ/ИГ утвердилось на подвластных ему территориях, развернуло там самое настоящее государственное строительство. Опыт этого строительства представляет интерес, во-первых, потому, что если бы не внешний напор, его можно было бы считать сравнительно успешным, а во-вторых, если исходить из того, что ИГ второго десятилетия нынешнего века – не последний эксперимент по созданию исламского государства, то его опыт может пригодиться его продолжателям.

В ИГ сложилась своя государственная система, в которой утверждались принципы халифата. Во главе государства стоял халиф, при нем работал совещательный орган «аш-шура» («совет»), члены которого назначались халифом, благодаря чему его власть была абсолютной. В то же время, согласно коранической традиции, сам халиф должен избираться шурой.

42-я сура Корана называется «Шура», в нескольких (36–38) аятах которой говорится об основах праведной жизни мусульман. Шура упоминается как некий консультационный орган. Прямые же указания, как следует принимать решения, регулирующие жизнь общества, отсутствуют.

Не вдаваясь в историко-теологические детали, отметим, что на практике принцип шуры впервые был задействован в 644 г. при назначении халифом Османа (третьего праведного халифа), что было сделано в соответствии с завещанием второго праведного халифа Умара. Тогда

---

¹³⁴ Рашковский, Е.Б. Революции и религии: опыт сравнительной морфологии. Сер. Мировые религии в культуре, истории и политике. Санкт-Петербург: Алетей, 2017. С. 281.

халиф должен был приносить клятву на Коране. С этого момента шура стала легитимным исламским институтом государственного устройства. По сей день она ассоциируется с «исламской демократией», считающейся альтернативой демократии западной. Шура ИГ состояла из 11 человек – полевых командиров и улемов.

Законом ИГ был объявлен шариат. Для контроля за его соблюдением был образован специальный Правовой (или Религиозный) совет в составе трех авторитетных муфтиев и «Комиссия по делам шариата». Совет был наделен самыми широкими полномочиями, включая ведение пропаганды за рубежом и вербовку муджахедов. Непосредственно же разработкой шариатского законодательства ведал Административный совет.

Решением экономических проблем занимались чиновники, представлявшие собой правительство, в которое входили от 8 до 10 министров. За состоянием армии ее подготовкой и вооруженностью наблюдал Военный совет, за работой спецслужб – Совет по делам разведки.

В 2015 г. центральный чиновничий аппарат насчитывал 25 тыс. сотрудников¹³⁵. Фактически в ИГ достаточно быстро сложилась своя собственная бюрократия, которую я бы не рискнул назвать «исламской». В составе управленцев ИГ были тысячи служащих, ранее работавших на административные структуры Сирии, Ирака, значительное число баасистов, в том числе бывших иракских офицеров. Насколько искренне разделяли эти менеджеры идеологию ИГ, были готовы следовать шариатскому образу жизни, сказать невозможно. Но, так или иначе, своей работой это новорожденное чиновничество способствовало укреплению ИГИЛ. (После поражения в 2017 г. ИГ многие его функционеры продолжили работать уже на его победителей. Это обстоятельство подтверждается рассказами многих участников и очевидцев событий.)

---

¹³⁵ «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы. Аналитические доклады / Институт международных отношений (ИМИ). 2016, январь, выпуск 1 (45). Москва: ИМИ МГИМО МИД России, 2016.

В г. Мосул, который вошел в состав ИГИЛ в 2014 г., игиловцы, по рассказам местных жителей, «навели порядок», покончили с преступностью (за воровство отрубали руку), установили фиксированный налог на потребление электричества, наконец, решили вопрос о вывозе мусора. Так что население Мосула не зря приветствовало вступление в город отрядов ИГИЛ. В то же время спустя несколько месяцев игиловцы окружили Мосул бетонной стеной, проход через которую был возможен только обладателям особого пропуска¹³⁶.

Строительство государства переплеталось с жесточайшим поддержанием внутри него шариатских порядков и наказаниями за их нарушения. По мере укрепления ИГИЛ\ИГ соблюдение шариата возводилось в культ и доходило до абсурда. Во время молитвы хозяева были обязаны закрывать свои магазины и лавки, запрещалась жевательная резинка и курение сигарет. Женщинам запрещалось появляться на улице без сопровождения родственников-мужчин. Законодательным путем были установлены «шариатские» нормы одежды и вообще внешнего облика: мужчинам предписывалось ношение бороды, а женщинам – покрывала. За некоторые нарушения вводились наказания в виде ударов плетью. В зависимости от районов за курение полагалось от 15 до 80 ударов, такая же порка грозила отвечающему за благочестие женщины ее опекуну в случае нарушения опекаемой им дамой правил поведения. В качестве казуса упомянем запрет на произнесение слова «даиш», которое, по мнению законодателей ИГ звучало оскорбительно.

Существенные ограничения вводились для христиан, на которых накладывалась особая подушная подать в размере 1 золотого динара на бедняков, 2 – на состоятельных христиан и 4 – на богатых. Впервые подобный «религиозный налог» был введен в VII в. в ходе арабских завоеваний. Налог именовался джизья, и уплативший его

---

¹³⁶ The Guardian. 30.01.2018.

христианин таким образом гарантировал себе право оставаться в своей вере. В ИГ христианам запрещались публичная демонстрация религиозной символики, в первую очередь нательного креста, чтение вслух религиозных текстов, колокольный звон, строительство церквей и монастырей. Все это квалифицировалось как «проявление неуважения к исламу и мусульманам». Конфискованные у христиан ценности распределялись между мусульманами.

Христиане оказались вынуждены соблюдать правила «мусульманской моды». В иной ситуации последнее обстоятельство выглядело бы несколько комичным. С другой стороны, запреты – формальные и неформальные – на одежду, не соответствующую исламским канонам, нехалляльные пищевые продукты, спиртные напитки существуют в целом ряде мусульманских стран, в регионах, где мусульмане составляют большинство, например в некоторых республиках российского Северного Кавказа. Таким образом, оказывается, что к охранительным мерам ИГ с пониманием относятся в самых разных частях мусульманского мира.

Запрет на немусульманский дресс-код можно считать «зеркальным отражением» попыток властей в Европе, особенно во Франции, на постсоветском пространстве ограничить или вовсе запретить мусульманкам ношение головных платков и закрывающих лица покрывал. Гонения на публичное исламское самовыражение наблюдаются в республиках Центральной Азии, где власти отказывают мусульманкам в праве носить покрывала – хиджаб или заимствованную из саудовской традиции абайю, которые, по официальной позиции, являются чуждыми, заимствованными из «чужой» (арабской) исламской традиции, а также запрещают мужчинам носить короткие бороды, якобы служащие непреложным доказательством их принадлежности к экстремизму. Несколько лет тому назад автор этих строк и сам был задержан в одном из универмагов столицы Кыргызстана Бишкеке за свою «исламистскую бородку».

В невыносимом положении оказались те, кто в соответствии с установленными ИГ законами были признаны кафирами, т.е., неверными. В эту категорию по религиозным и политическим мотивам попали самые разные группы населения – огнепоклонники йезиды, шииты, включая сирийских алавитов, суфии, а также сторонники правящих режимов в Саудовской Аравии, Сирии, Ираке, да и вообще все, негативно относящиеся к Исламскому государству. Этим «врагов ислама» следовало уничтожить, а женщин из их числа обратить в рабынь.

Подобные религиозные строгости не столько укрепляли, сколько препятствовали государственному строительству, дестабилизировали обстановку. Возникла парадоксальная ситуация, когда гипертрофия шариатской традиции сужала пространство для собственно государственного регулирования, в конечном счете, препятствовала строительству исламского государства.

В ИГ сложилась своя экономическая система, как минимум, ее предпосылки. В ноябре 2014 г. было заявлено о создании собственной валюты. (Называть эту валюту национальной неверно, поскольку идея исламского государства отвергает национальную идентичность.) В июне 2015 г. ИГ приступило к чеканке золотых динаров, серебряных дирхемов и медных филсов. Золотой динар был приравнен к 139 долл. США. Однако в том же году турецкие власти закрыли в г. Газиантепе «монетный двор», где «исламскую валюту» чеканили. Печатать банкноты власти ИГ сочли нецелесообразным.

Правда, реального хождения «исламские» динары, дирхемы и филсы не получили, несмотря на то, что власти ИГ запретили сирийские фунты и даже заставляли жителей сдавать их в обмен на новые деньги. Однако население не успело к ним привыкнуть и при покупках продолжало расплачиваться привычными ассигнациями. Монеты ИГ быстро превратились в нумизматический раритет.

Если «исламская валюта» так и осталась экзотикой, то бюджет ИГ был вполне реален и составлял и 2, и 4, и даже 7 млрд долл. (последняя цифра приходилась на 2014 г.).

ВВП же ИГ в 2015 г. был сопоставим с ВВП Барбадоса (островного государства в Карибском море). В 2014 г. доходные статьи бюджета в совокупности составляли от 910 до 1890 млн долл., в 2015 – от 1035 до 1700 млн, а в 2016 упали до 520–870 млн. От 50 до 90% составляли доходы от нефти и сбора налогов. Были и такие пикантные источники доходов, как торговля детьми (в 2014 г. 30–35 млн долл.) и заложниками (по сведениям ООН, в 2014 г. – до 45 млн¹³⁷), а также продажа антиквариата, награбленного в музеях Ирака. Их доля не была слишком существенной. Внешняя помощь также не была значительной, хотя иногда в некоторых СМИ можно прочесть, что зарубежные субсидии были едва ли не главным финансовым источником благосостояния ИГ. Причем обычно назывались такие страны, как Саудовская Аравия, Кувейт, Катар. Однако эти данные не получили подтверждения. Эти государства оказывали финансовую поддержку сирийской оппозиции, которая с ИГ враждовала.

ИГИЛ/ИГ экспортировало нефть и газ из нескольких (в Сирии таковых было 8) захваченных им месторождений, крупнейшим из которых считается месторождение нефти около г. аль-Умар, дававшее до 10 тыс. баррелей в сутки, и газа в сирийской провинции Дейр эз-Зор. По другой версии, добыча нефти была отдана на откуп местным племенам, платившим ISIS налог. Добывались и экспортировались фосфаты, зерновые (пшеница и ячмень), хлопок, сохранилось производство цемента. По сведениям российской Федеральной службы контроля за наркотиками, в 2015 г. ИГ заработало 1 млрд долл. на транзите наркотиков из Афганистана, правда, затем его глава Виктор Иванов скорректировал эту цифру, снизив ее до 200–500 млн долл.¹³⁸

Непризнанное ИГ сумело наладить экономические связи с рядом зарубежных государств в Европе, а также

---

¹³⁷ Скоробогатый П. Россия решила основные задачи сирийской кампании // Эксперт, 05–11 июня 2017, № 23 (1023).

¹³⁸ ФСКН: ИГ получает до \$500 млн в год от контрабанды афганского героина. <http://tass.ru/politika/2548163>

с Турцией, куда шел экспорт нефти и нефтепродуктов. Партнерами «исламистского бизнеса» выступали частные компании. Эта торговля относилась к разряду контрабанды, противники ИГ, в частности Россия, неоднократно атаковали нефтяные конвои, но, тем не менее, вплоть до 2016 г. общая экспортная выручка от нефти достигла около 1 млрд долл.

Доходов для полноценного строительства государства было недостаточно. Однако выплачивать пусть небольшую – в 50 долл. – заработную плату своим бюджетникам ИГ все же оказалось в состоянии. Кроме того, мужьям за каждую жену (в исламе, напомню, полигамия) добавлялось еще столько же. Существовали «детские пособия». У военнослужащих, т.е. у муджахедов жалование составляло от 1 до 3 тыс. долл., однако зимой 2016 г. оно сократилось в два раза¹³⁹.

Солидные по масштабам ИГ суммы выделялись на войну. В 2015 г., по слова постоянного представителя России в ООН Виталия Чуркина, на закупку техники, военного снаряжения и боеприпасов было затрачено свыше 30 млн долл.¹⁴⁰. В ИГ сформировалась регулярная армия, которую трактовать как «бандформирования» ошибочно и просто нелепо. Уже после завершения кампании против ИГ командующий войсками Центрального военного округа генерал-лейтенант Александр Лапин, отвечающий за состояние расположенной на территории Таджикистана российской военной базы, оценил переместившихся в эту страну с Ближнего Востока боевиков ИГ как «подготовленного, хорошо оснащенного и мотивированного противника»¹⁴¹.

---

¹³⁹ Joby Warrick. Dach-challenged ISIS looking to cut back, papers show. Washington Post, 23.04.2016.

¹⁴⁰ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И.Чуркина на Совете Безопасности ООН по теме противодействия финансирования терроризма. http://russiaun.ru/ru/news/sc_ft

¹⁴¹ Цит. по: Мухин, Владимир. Россия спешно наращивает военную помощь Таджикистану // Независимая газета, 20.12.2017.

Вся относящаяся к ИГ статистика более чем приближительна, и, просматривая наши заметки по экономическим и финансовым вопросам, читатель в этом лишнем раз убедится, но, тем не менее, приводимые цифры могут дать лишь самое общее представление о масштабах и активности ИГ.

В ИГ предпринимались попытки создания собственной системы образования. Уже один факт того, что руководство ИГ задумывалось над этой проблемой, свидетельствует о том, что оно строило далеко идущие планы и стремилось воспитать новое поколение мусульман. Складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, старая, существовавшая на территории Сирии и Ирака система школьного образования не была пригодной для ИГ, однако ее структура не была полностью уничтожена, и после реконструкции она могла бы послужить основой для строительства новой системы. Но такое могло произойти лишь теоретически, поскольку для соответствующего образовательно-воспитательным меркам ИГ (которые не были выработаны) обучения не было ни кадров, ни учебных пособий.

По рассказам муджахедов, дерзнувших переправить с собой в ИГ свои семьи, тамошняя образовательная система формировалась из школ с отдельным для мальчиков и девочек обучением, упор делался на изучение ислама, арабского языка, обычные школьные предметы преподавались на низком уровне. Учебный процесс полностью руководился священнослужителями. Организовать систему высшего образования не удалось, да в условиях непрекращающихся боев это было невозможно.

Власти ИГ уделяли внимание системе здравоохранения, что в условиях постоянных военных действий вполне объяснимо. После провозглашения «Всемирного халифата» было образовано министерство здравоохранения, имевшее свои отделения во всех «вилаятах» (провинциях) государства, организована работа поликлиник и госпиталей. В сирийской Ракке существовал оснащенный современным медицинским оборудованием госпиталь с несколькими

отделениями, в том числе операционным и рентгенологическим. Была налажена «служба скорой помощи», которая по мере возможностей выезжала для оказания помощи раненым боевикам.

В системе здравоохранения ИГ работало немало квалифицированных врачей, приезжавших из разных стран (в том числе из России и Европы) – одни из искренних побуждений участвовать в джихаде ради создания исламского государства, другие – по чисто финансовым мотивам.

Теперь можно порассуждать о количестве воевавших на стороне ИГИЛ/ИГ бойцов, привычно именуемых боевиками или просто бандитами. Несмотря на то, что их число неоднократно пытались подсчитать в разных международных организациях, включая ООН, не говоря уже о спецслужбах разных стран, оно так и осталось неизвестным, да и вряд ли его вообще когда-либо можно было установить. С 2014 по 2017 г. назывались 30, 32, 35, 40, 50 тыс. По приведенным в 2017 г. данным американским Soufan Center, количество боевиков составило 53 781 чел.¹⁴². Все эти данные вызывают сомнения, поскольку едва ли найдутся абсолютно точные критерии для определения того, кто является «настоящим боевиком», так же как и установить, как долго тот или иной муджахед пребывал на территории ИГ. (Автора всегда поражало, когда количество боевиков указывалось с точностью до одной единицы.)

Тот же Soufan Center в 2017 г. писал, что боевики – выходцы из 146 государств. (В 2014 г. таких государств насчитывалось 80.) Как известно, в мире насчитывается 195 государств, так что участие в войне на стороне ISIS было глобальным. Первые места по поставке боевиков занимали арабские страны – Тунис, Марокко, Саудовская Аравия.

---

¹⁴² Soufan Center. <http://meduza.io/en/news/2017/10/26/research-shows-that-russia-is-now-the-world-leader-in-supplying-foreign-fighters-to-ISIS>

Вряд ли всякий, кто отправляется в ИГ, информирует о цели своей поездки власти страны, откуда он выезжает. Теоретически просчитать количество муджахедов можно только после их прибытия на место. Однако в ИГ такой учет не велся, хотя, по слухам, списки прибывших для борьбы за Великий халифат все же существуют.

Приведем данные об участии в ИГ боевиков из России и с постсоветского пространства. Стремление мусульман сражаться за «истинный ислам» в России обозначилось еще в 1980-е годы, когда выходцы с Северного Кавказа отправлялись на помощь к афганским муджахедам, а в 1990-е – к талибам. Еще до образования ИГ-халифата в 2012–2014 гг. самые нетерпеливые постсоветские мусульмане уехали в Сирию, воевать в рядах оппозиции Башару Асаду.

В мае 2015 г. директор ФСБ Александр Бортников утверждал, что на стороне ИГИЛ воевали 1700 граждан России¹⁴³. К концу того же года их число достигло 3 тыс. По данным Антитеррористического Центра СНГ, в ISIS находилось 5 тыс. «добровольцев» из республик бывшего СССР. По словам верховного муфтия Сирии Ахмада Бадреддина Хасуна, в 2016 г. всего из стран СНГ, включая Россию, за сирийскую оппозицию сражались 3300 бойцов¹⁴⁴. Источники приводили и 7 тыс. Эта цифра стала самой привычной для СМИ. По данным же Soufan Center, количество граждан России составило 4 117 чел., и она обошла двух своих главных конкурентов – Саудовскую и Иорданскую монархии. Общее же количество выходцев из бывших советских республик насчитывало 8 717 чел.¹⁴⁵

Удивительную цифру назвало в марте 2016 г. Министерство обороны РФ, сообщившее, что в ходе воздушно-

---

¹⁴³ <http://mir24.tv/news/society/12713622>

¹⁴⁴ Мадина, ноябрь 2013. № 11. С. 13.

¹⁴⁵ Ibidem...

космической операции российских войск было уничтожено 2 000 боевиков – выходцев из России¹⁴⁶. Кто и как определял гражданство мертвецов, не говорилось, – вряд ли они носили с собой паспорта.

В начале 2015 г. число только российских чеченцев составило 150 чел., всего же их количество, включая приехавших из Европы, колебалось от полутора до 2 тыс. чел.¹⁴⁷. Такую же цифру называл эксперт Центра военного и политического анализа INEGMA в Дубае Теодор Карасик¹⁴⁸. За чеченцами закрепилась слава опытных и отважных бойцов. Один из них Омар аш-Шишани¹⁴⁹ (настоящее имя – Тархан Батирашвили, полугрузин-получеченец, выходец из Панкисского ущелья) получил титул эмира и вошел в военную элиту ИГ-халифата. Аш-Шишани «убивали» от 3 до 14 (!) раз. Летом 2014 г. о его уничтожении говорил глава Чечни Рамзан Кадыров. В декабре 2015-го Шишани был задержан американским спецназом.

Многие приходившие в ISIS чеченцы считали, что в Сирии они продолжают бороться за независимость Чечни. В войсках Халифата были чеченские подразделения (бригады), носившие имена знаменитых вождей сепаратистов – первого президента Ичкерии Джохара Дудаева, Хаттаба, Шамиля Басаева.

Сведения о выходцах с Северного Кавказа различаются. В 2015 г. Дагестан, по словам его тогдашнего главы Рамазана Абдулатипова, был представлен 643 муджахедами. В МВД республики называлась 1 тыс., эксперты

---

¹⁴⁶ Иван Сафронов, Сергей Горяшко, Мария Ефимова. Иногда они улетают // Коммерсантъ-власть, 21 марта 2016.

¹⁴⁷ ИГИЛ движется на Кавказ. Eurasianews.

<http://eurasianews.net/religiya/igil-dvizhetsya-na-kavkaz>

¹⁴⁸ <http://www.profile.ru/rossiya/item/85986-v-sirii-ubili-tysiachi-khristian-amusulman-ubivayut-millionami>

¹⁴⁹ Встречается и другое написание его имени – Шушани или Шишани.

говорили о 2 тыс.¹⁵⁰. 150 выходцев из Кабардино-Балкарии находилось в составе войск ИГ в конце 2014 г. Проходила информация, что на конец 2016 г. в ИГ насчитывалось 1200 (говорили о 6 400) дагестанцев (цифры от МВД Дагестана), более 180 уроженцев Кабардино-Балкарии, свыше 200 ингушей¹⁵¹. Переезд на Ближний Восток кавказцы называли «хиджрой», сравнивая свой поступок с хиджрой в 622 г. пророка Мухаммада из Мекки в Медину. В 2013 г., еще до провозглашения Исламского государства в сирийском городе Халеб возникла организация «Аль-Мухаджирин» (мухаджиры).

Кроме кавказцев в составе ИГИЛ\ИГ воевали выходцы с Поволжья, которых насчитывалось свыше 200¹⁵². Из Татарстана на Ближний Восток выехало от 100 до 150 чел., (говорили даже о 1 500 татарских муджахедах). Несколько сотен человек отправились в ISIS из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Новосибирска, Астрахани и т.д. и т.п. Аналитик из Крыма Александр Бедрицкий писал, что с полуострова на Ближний Восток уехало 500 чел. Это – преувеличение. Более реальные цифры привел Государственный Совет Крыма, назвавший 106 чел.¹⁵³.

Число выходцев из Центральной Азии достигало 4 тыс. чел.¹⁵⁴ Казахстанский аналитик Ерлан Карин полагает, что только из Казахстана на Ближний Восток ушли от 100 до 300 чел.¹⁵⁵. В 2017 г. в интервью одному из российских телеканалов Нурсултан Назарбаев говорил уже

---

¹⁵⁰ «Мы не выходили из кризиса, и он в какой-то степени работает на нас». – Интервью Рамазана Абдулатипова Елене Мухаметшиной // Ведомости, 24.12.2015.

¹⁵¹ www.rfvkaz-uzek-eu/articles/251513/

¹⁵² www.business-gazet.ru/article/134872

¹⁵³ <http://korrespondent/net/world/Russia/3656115/>

¹⁵⁴ Hearing: Wanted: Foreign Fighters – The escalating Threat of ISIL in Central Asia. <http://www.csce.gov/index.cfm?FuseAction=ContentRecords.ViewTranscript&ContentRe...>

¹⁵⁵ Ерлан Карин. «Солдаты халифата»: мифы и реальность. Алматы: Издательский дом «Власть», 2014. С. 172.

о 500–600 казах¹⁵⁶. В 2015 г. Soufan group писал о 500 узбеках, 500 киргизах и 360 туркменах¹⁵⁷. Коллеги автора утверждали, что число узбеков превышало 2 тыс. В рядах ИГ насчитывалось приблизительно 1200–1300 таджиков¹⁵⁸. Есть сведения о 500 азербайджанцах и 400 мусульманах-грузинах (большая часть которых выехала из населенного чеченцами Панкисского ущелья, а с 2014 г. – из Аджарии)¹⁵⁹.

Сколько мусульман оправдывает или одобряет тех, кто уехал на Ближний Восток, точно подсчитать невозможно. Счет идет на десятки, возможно, на сотни тысяч. Публично свое мнение эти люди не высказывают. Эксперт, связанный со спецслужбами, в частной беседе говорил автору, что их полмиллиона.

«Постсоветские муджахеды» проложили «маршрут», который пролегает от Дальнего до Ближнего Востока, пересекает территорию России, стран Центральной Азии, Кавказа, заходит в Китай, Пакистан, Турцию. (В январе 2016 г. в Сирии убит боевик, этнический узбек, прибывший туда из Хабаровска.) Интенсивность движения по этому трансевразийскому «исламистскому маршруту» непостоянна, она менялась в зависимости от политической и военной конъюнктуры. В 2016 г. эта интенсивность заметно понизилась. Но единожды проложенный путь сохранится, пусть и в виде узкой тропы, и остается гадать, сколько мусульман по нему еще пройдут в XXI веке. В 2017 г. по этому пути преследовал якобы всего один человек.

Завершая статистический обзор, уместно напомнить, что разноречивой в данных о количестве муджахедов в составе исламистских организаций существовал всегда. Например, количество сражавшихся в Афганистане иностранцев

---

¹⁵⁶ <https://caravan.kz/news/samiyeshokiruyushhie-svyazi>

¹⁵⁷ <https://vesti.uz/skolko-uzbekov-voyuyut-na-storoniye-igil/>

¹⁵⁸ www.toptj.com/news/2017/05/16/skolko-tadjikov-voyuyut-za-igil

¹⁵⁹ Nino Burchuladze. The ISIS «skype warriors» of Pankisi gorge // Georgian Journal, 25 June – 1 July 2015.

колебалось от 12 до 120 тыс., в «Аль-Каиде» в ее лучшие годы общее число боевиков – от нескольких сотен до 18 тыс.

Важнейшим направлением в политике ИГ было создание официальной идеологии, цель которой заключалась в демонстрации своего превосходства над всеми прочими системами, в стремлении привлечь к себе симпатии мировой мусульманской уммы¹⁶⁰. Главными пропагандистскими центрами были AMAQ NEWS, «Аль-Фуркан-медиа», «Аль-Хаят медиа». Работали региональные центры. Всего была выпущена 41 тыс. медиа-релизов. По данным «Нью-Йорк Таймс», ИГ еще создало 2,3 млн аккаунтов в соцсетях. С 2013 г. до провозглашения Халифата использовались преимущественно закрытые форумы, затем – твиттер (зарубежные спецслужбы быстро научились его закрывать), с 2014 г. – «Телеграм». В 2015 г. был создан русскоязычный сайт «Фурат медиа», предшественником которого был запущенный Омаром аш-Шишани сайт «FiSyria».

Средствами пропаганды ИГИЛ\ИГ служили периодические издания, наиболее заметными из которых были журналы «Dabiq», «Rumiyah» и «Dar al Islam». Помимо арабского, эти издания публиковались на английском, французском. На турецком языке издавался журнал «Constantinople», на русском – «Исток». «Rumiyah» выходил также на уйгурском, индонезийском (бахаса индонесия), всего на 10 языках.

Названия первых трех изданий носили символический характер. «Дабик» назван в честь одноименного города, возле которого, согласно исламскому преданию, должно произойти решающее сражение между мусульманами и их

---

¹⁶⁰ Среди посвященных этой теме работ следует отметить исследование Charlie Winter «The Virtual «Caliphate»: Understanding Islamic State’s Propaganda Strategy». July 2015. www.quilliamfoundation.org.

Обстоятельная работа (магистерская диссертация) подготовлена в 2017 г. российской исследовательницей Мариной Древалъ «Пропагандистская деятельность аль-Каиды и Исламского государства» из Высшей школы Экономики.

противниками, в котором мусульмане одержат победу, после чего весь мир станет исламским. По мере ослабления ИГ после того, как в октябре 2016 г. его войска оставили г. Дабик, в исламистской пропаганде битва при этом городе стала переноситься на более отдаленные сроки.

В сентябре 2016 г. на смену «Дабик» пришел журнал «Румийя». Его название тоже символично. На арабском «Румийя» имеет несколько близких друг другу смыслов: это и Рим, т.е. враждебная исламу Римская Империя, это и «христианское европейство». Последний номер «Дабика» вышел с подзаголовком «Сломать крест», и в нем публиковались материалы с острой критикой христианской культуры и традиции, которая отождествлялась с ненавистным мусульманам Западом.

Название третьего периодического издания «Дар аль-Ислам» – «Территория ислама» говорит само за себя.

По чисто формальным признакам идеология ISIS сопоставима с официальной идеологией любого государства. В ней декларируется обязанность государства обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность, гарантировать право собственности, улучшать жизнь людей и проч. ИГ преподносилось как успешное государство, способное добиться процветания, если бы не внешняя агрессия. На фотографиях, а также в видеороликах (mujatweets) демонстрировалась мирная жизнь городов, в первую очередь в двух столицах – Ракке и Мосуле, изобилие товаров в магазинах и на рынках. Всячески расписывалась забота государства о своих гражданах. Печатались статьи о высоком качестве медицинского обеспечения, об оказании бесплатных медицинских услуг. В одном из номеров «Дабика» рассказывалось, что только за один месяц врачи принимали более 10 тыс. пациентов (проверить эту информацию, разумеется, невозможно).

В печати и в роликах публиковались материалы о благотворительности, о снабжении населения продовольствием, помещались фотографии муджахедов, раздающих продукты населению. Приводились примеры заботы ИГ

о детях, прежде всего о сиротах, потерявших родителей в результате атак внешних агрессоров. Все это вполне укладывалось в рамки банальной социальной рекламы. ИГ заявляло о себе, как о *социальном государстве*, что опять-таки позволяет сравнивать его с социалистической (и левосоциалистической) системой. Однако пропаганда ИГ была ориентирована не просто на граждан государства, но исключительно на мусульман.

Отдельным сюжетом в пропаганде было освещение положения женщины. Ничего нового придумано не было: речь, как обычно, шла о высоком статусе женщины в исламе. Особенностью был призыв к мусульманкам присоединиться к джихаду. С февраля 2015 г. такого рода обращения озвучивались в «Dabiq», позже – в «Румийе» и «Dar al-Islam». Тексты были иллюстрированы соответствующими фотографиями – улыбки на лицах приехавших в ИГ дам, красивые пейзажи, цветы и пр. «Художники» ИГ рисовали образ идеальной подруги муджахеда, которая, принимая участие в священной войне, оставалась хорошей женой и матерью, рожала и воспитывала детей. Публиковались статьи с обоснованием многоженства, также о том, что жены погибших муджахедов в соответствии с исламской традицией, обязаны становиться женами их соратников.

Последнее обстоятельство вызывало неприязнь у мусульманок России и Центральной Азии (в Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане), которые хотя и были готовы сопровождать своих мужей в ИГ, но узнав о вероятности такого рода перемен в своей семейной жизни, отказывались от переезда на Ближний Восток. Пропаганда семейных переездов оказалась unsuccessful. Зато продуктивной стала «контрпропаганда» властей в пользу того, чтобы женщины не уезжали в ИГ¹⁶¹.

---

¹⁶¹ См. например: «ИГИЛ» это не ислам (сборник материалов в помощь имамам и государственным служащим). Екатеринбург, 2017; Государственная политика в религиозной сфере: законодательные основы, концепция и «традиционный ислам» в Кыргызстане. Бишкек, 2016.

Принципиально важной чертой пропаганды ИГ было то, что в ней подчеркивалось, что оно не имеет никого отношения к терроризму «Аль-Каиды», других террористических группировок. В «Dabiq» публиковались высказывания из статьи бывшего ответственного за Ирак в Совете безопасности США Дугласа А.Олливанта, бывшего руководителя Центра по борьбе с терроризмом при Военной Академии США Брайана Фишера, в которых ИГ трактовалось не как террористическая группировка, но как пусть и непризнанное, но государство. «Исламское государство, – говорилось в этой статье, – не существует в формате мелких группировок, которые могут быть нейтрализованы ракетами или небольшими группами военных. Теперь оно реальный, пусть молодой и непризнанный, но государственный эктор, более сложно организованный и сильный, чем «Талибан» или «Аль-Каида»¹⁶². Ссылки на мнение противников, содержавшие признание силы Исламского государства и, что особенно важно, его перспективы на будущее, имели важное значение. Пропагандисты ИГ доказывали, что оно является достойным противником, *легитимной* воюющей стороной, отстаивающей свои *государственные* интересы, а война против него есть нарушение норм международного права, т.е., самая настоящая агрессия.

По мере ослабления ИГ его пропаганда претерпевала изменения. Акцент все более делался не на успешность Исламского государства, но на важность борьбы за его спасение. В 2017 г. во время битвы за Мосул 80% материалов были посвящены джихаду и только 14% касалось мирных аспектов, тогда как ранее статьи о созидательной деятельности занимали 53% печатной площади, и только 39% отводилось непосредственно джихаду¹⁶³.

Рассчитанная преимущественно на рядового обывателя, пропаганда ИГ изобиловала ссылками на Коран, Сунну,

---

¹⁶² Цит. по рукописи Марины Древалъ.

¹⁶³ Сокирянская, Екатерина. Проповедь ножа и топора // Новая газета, 15.11.2017.

высказываниями пророка. Она была набором ходульных лозунгов. Все это вместе взятое напоминало ссылки на Карла Маркса и Ленина в коммунистической пропаганде. Те, кто попадал на территорию ИГ, сравнительно быстро убеждался в том, что его облик далек от его пропагандистского имиджа.

Исследователь из The Tahrir Institute for Middle East Хассан Хассан считает, что «идеология ИГИЛ... – многоплановое явление, а ее возникновение нельзя объяснить влиянием какой-либо одной личности, или движения, или даже времени». Идеология ИГ – эклектическое смешение различных религиозных и идеологических направлений – салафии, ваххабизма, фундаментализма, политического ислама, джихадизма и пр., которые, несмотря на взаимные различия, ориентированы на создание (можно сказать, воссоздание) исламского порядка. Хассан Хассан справедливо именуется ее «гибридной идеологией»¹⁶⁴. Эта идеология агрессивна, поскольку настаивает на собственной абсолютной правоте. Она не настроена на диалог с адептами каких-либо иных толкований ислама. Всякий, кто не разделяет идеологических установок ИГ, обвиняется в такфире, в измене вере и заслуживает наказания, вплоть до физического уничтожения. Отсюда следует, что главный ее враг – внутренний, тем более что в соответствии с установками ИГ большинство мусульман отошло от «истинного ислама». Это обстоятельство актуализирует отличия мусульманского мира от исламского, к которому принадлежит и который пыталось вести за собой ИГ.

ИГ не разделяет взгляды и позиции других экстремистских организаций, соперничает с ними ради того, чтобы считаться одним единственным лидером уммы. Тем более ИГ не готово и не желает общения с иными религиями, прежде всего с христианством, которое отождествляется с враждебным исламу и мусульманству Западом.

---

¹⁶⁴ Хассан Хассан. «Исламское государство». Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды. Московский центр Карнеги. Январь 2017. С. 4.

Среди идеологов ИГ – богословы и религиозные проповедники, светские интеллектуалы, философы. Однако явного лидера не было и нет. На эту позицию могли претендовать несколько фигур – Сулейман Ибн Насир аль-Ульван, Али Ибн Хидр аль-Худейр, Абд аль-Кадир Идн Абд аль-Азиз и, конечно, Абу Мухаммед аль-Макдиси. Выделяется аль-Макдиси (1959 г. рожд, выходец из переехавшей в Иорданию палестинской семьи, вырос в Кувейте, а образование получил в Ираке и Саудовской Аравии), которого называют наставником второго человека в «Аль-Каиде» аз-Заркави. Аль-Макдиси нередко именуют теоретиком и даже проповедником джихадизма.

Аль-Макдиси написал несколько книг, самой знаменитой из них стала опубликованная в 1985 г. «Millat Ibrahim», в которой он изложил концепцию борьбы против отклонений в исламе и выступил с осуждением мусульман, отказывающихся следовать исламским традициям и подражающих чужим традициям. Этой же теме был посвящен другой его труд «Замалчиваемые скандалы вероотступничества в Саудовской Аравии...». Макдиси считал вероотступничеством принимаемую мусульманскими странами помощь от Запада. Труды аль-Макдиси написаны в сугубо критической манере, что вызвало крайнее раздражение не только у саудовцев, но и других монархов в Персидском заливе. Более того, позиция Макдиси, который не поддерживал военную активность ИГ в Сирии, стала неприемлемой даже для руководства Великого Халифата. В одном из номеров «Dabiq» его взгляды были названы «источником такфиристской опухоли и легкости, с которой проливается кровь народа и участников священной войны»¹⁶⁵.

Идеология ИГ имела (и сохраняет) относительно высокую степень популярности. Это объясняется ее простотой и популизмом. Она близка мусульманам, прежде всего

---

¹⁶⁵ Цит. по: Хассан Хассан. «Исламское государство». Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды. Московский центр Карнеги. Январь 2017. С. 17.

«обиженным людям», которым она предлагает путь разрешения всех и всяческих трудностей, достижения справедливости и быстрого улучшения их жизни. В ней осуждаются те, кто преступает законы и нормы религии, а этими нарушителями оказываются правящие элиты и состоятельные слои. В условиях массового доступа к информации скрывать свое «неисламское поведение» эта публика более не в состоянии.

Вместе с тем отношение мусульманского сообщества к ИГ сдержанное, а в некоторых странах негативное. Например, в Ливане к нему отрицательно относились 100%, в Иордании – 94, на палестинских территориях – 84, в Индонезии – 79, Турции – 73, Нигерии – 66, Буркино Фасо – 64, Малайзии – 64, Сенегале – 60, Пакистане – 28% населения. Благожелательное же отношение к ISIS в Нигерии высказывали – 14%, Малайзии – 11, Сенегале – 11, Буркино Фасо – 8%. Заметим, в Пакистане 62% мусульман не определили свое отношение к Халифату¹⁶⁶. Очевидно, что отторжение вызывали прежде всего методы, используемые ISIS для достижения его целей. Существовал и страх, что появление аналога ИГ в их странах принесет скорее еще большие проблемы. Некий арабский интеллектуал высказал автору такую точку зрения: «Исламское государство – это, безусловно, замечательная и перспективная модель, но моя страна для нее пока не созрела».

Страх перед ИГ подогревался тем, что оно пыталось по мере сил и возможностей вести экспансию за пределами Сирии и Ирака. ИГ неоднократно в агрессивной форме предпринимало попытки проникновения в страны и регионы, отстоящие от ИГ на тысячи километров. Иногда эти попытки оказывались удачными. Отношение мусульман к ИГ, в целом к идее исламского государства можно считать свидетельством различий между мусульманским и исламским мирами.

---

¹⁶⁶ Mixednews.ru/archives/93186

На приводимой ниже карте черным окрашены земли гипотетического халифата, в частности, те, на которые ИГ претендовало. Этот воображаемый халифат огромен, по площади превосходит крупнейшее по территории государство мира – Российскую Федерацию. Помимо Ближнего Востока, он включает в себя половину Африки, Испанию, часть восточной и центральной Европы, Южную Азию, Кавказ, Синьцзян (на карте почему-то не отмечена Юго-Восточная Азия, включая Индонезию). При самом беглом подсчете население гипотетического халифата составляет 1 млрд чел. На строительство этого исламского гиганта отводилось 5 лет.

Фантастичность такой карты сознавали все, в том числе ее составитель Абу Мухаммад аль-Аднани (Abu Muhammad al-Adnani) (1977–2016), идеолог и один из вождей ИГ. У радикально настроенных мусульман карта вызывает чувство гордости. У европейцев, американцев, россиян, индусов эта карта вызывала страх. Карта служила напоминанием того, что все жители планеты рано или поздно придут к исламу, и мир станет мусульманским.

Карта представляет собой своего рода административное деление Всемирного халифата в исторической перспективе. При всем пропагандистском характере такого административного деления оно представляется логичным, и в нем указаны а) территории, которые в 2016 г. уже входили в состав ИГ, б) территории, которые оно рассчитывало в той или иной степени себе подчинить, и с) те, которые покорить только мечталось.

Ирак и Сирия (категория «а») были поделены на 19 вилайетов, Ливия на три – Барка, Феццан и Тараблус («а» и «б»), аравийский полуостров (Саудовская Аравия и Йемен) на 6 – Хиджаз, включая священные города Мекку и Медину, Неджд, Аден-Абьян, Сана, Лахдж, Шабва («с»). Как вилайеты ИГ обозначались Синай («с»), «Западная Африка» (Нигерия) («б»), «Аль-Джазаир» (Алжир), «Хорасан», Тунис, «Кавказ» и «Гурджистан» (Грузия) (все – «с»). Как представляется, Грузия в качестве отдельной административной единицы была включена в состав ISIS не без влияния выходца из нее чеченца аш-Шишани.

ИГ пыталось и по сей день пытается укрепиться во многих частях мусульманского мира. Первая такая попытка (не считая Ирака и Сирии) была предпринята в 2014 г. в Ливии. Группа его муджахедов проникла на территорию этой страны и при поддержке местных единомышленников захватила расположенный на востоке страны г. Дерна, осадив находящийся в центре прибрежной полосы г. Сирт, установила контроль над несколькими нефтяными месторождениями. В захваченных районах боевики устанавливали порядки, аналогичные тем, которые существовали в сирийских и иракских анклавах ISIS. В 2016 г. по мере ослабления позиций ИГ в Сирии и Ираке появились слухи, что его руководство приняло решение о перемещении в Ливию.

Из Ливии открывалась дорога на юг, в Нигер, Чад, Мали и далее в Нигерию, где в 2002 г. возникла организация «Боко харам», известная своими терактами, направленными против христиан, подрывами церквей, нападением

на военных, захватом в 2014 г. 270 школьников, которых «настала пора выдавать замуж». В марте 2015 г. «Боко харам» принесла клятву верности Всемирному халифату, после чего она стала называться «Западноафриканской провинцией Исламского государства» и действовала уже от его имени. Идеология «Боко харам» от идеологии ИГ не отличалась. «Исламистские милитанты, начавшие восстание против нигерийского государства и правительства, рассчитывали покончить с коррупцией, приняв строгие правила исламского закона»¹⁶⁷. (В конце 2015 г. террористы также якобы от имени ИГ захватили 170 заложников в отеле «Рэдиссон Блю» в столице Мали г. Бамако.)

ИГ проникло в Египет, где по его инициативе и при участии было организовано несколько терактов. Оно внедрилось в Афганистан, где, несмотря на негативные отношения к нему талибов, сумело установить контроль над районами на востоке страны. Опорой ИГ здесь становились не только разочаровавшиеся в талибах афганцы, но и обосновавшиеся в Афганистане исламисты из Центральной Азии и Северного Кавказа. На некоторых относящихся к началу 2016 г. картах контролируемые ИГ афганские территории занимали чуть ли не 70%.

В Центральную Азию Великий халифат не проник, контролируемых им районов там нет, как нет и его вооруженных отрядов. В Центральной Азии ИГ осуществляет идеологическую экспансию, тем более, что идея создания исламского государства здесь появилась еще в 1990-е гг., когда ее стала формулировать «Хизб ат-Тахрир Ислямий» (Исламская партия освобождения), укрепившаяся в Ферганской долине и далее расширившая свое влияние по всему региону.

На российском направлении возможности ИГ изначально смотрелись ограниченными. Формирование подконтрольных ему «исламских территорий» не состоялось, как не сложился «исламистский интернационал»,

---

¹⁶⁷ Dionne Searcey. Moving beyond Boko Haram // The New York Times. 18.12.2017.

существовавший во время чеченских войн. Во-первых, это было невозможно вследствие активных действий российских спецслужб. Во-вторых, полностью переходить под контроль ИГ не хотела исламистская оппозиция на Северном Кавказе, ядром которой была организация «Имарат Кавказ» (ИК).

Ситуация складывалась противоречивая. С одной стороны, с 2014 г. начинается формирование альянса ИК и ИГ при главенстве последнего. Некто Абу Джихад (автор русскоязычного сайта ИГ) выдвинул идею образования на Кавказе вилайета ИГ¹⁶⁸. В 2014 г. на верность ему присягнули (по скайпу) влиятельные полевые командиры Сулейман Зайлабидинов, Абу Мухаммад Агачульский. В июне 2015 г. байат (клятву) принес командир кавказского батальона «Рияд ас-Салихин», руководитель т.н. «чеченского вилайета» ИК Аслан Бютукаев. В июне 2015 г. приверженцы ИГ в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии опубликовали на русском языке обращение, в котором они «просили поддержки у основного крыла организации»¹⁶⁹.

Стремление части кавказских исламистов войти в состав ИГ понятно, поскольку таким образом они позиционировали себя не просто как борцы с Кремлем, но уже как участники мирового джихада, что повышало их статус в собственных глазах. Кроме того, имелся расчет на получение финансовой помощи, подобно той, которую получали чеченские сепаратисты в 1990-е гг. Однако в 2016 г. ослабленное ИГ заниматься «благотворительностью» уже не могло.

---

¹⁶⁸ Милашина, Елена. Российский экспорт смерти. Интервью с одним из авторов доклада Международной кризисной группы «Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия» Екатериной Сокирянской // Новая Газета, 16.03.2016.

¹⁶⁹ В ИГИЛ объявили о создании филиала на Северном Кавказе. <http://lifenews.ru/156149>

С другой стороны, ИК продолжает позиционировать себя как самостоятельная организация. Возглавивший ИК в 2014 г. Алиасхаб Кебеков (Али Абу Мухаммад) понимал, что на Кавказе ИГ является конкурентом Имарата, отбирает у него самых отчаянных бойцов. Поначалу Кебеков говорил, что его муджахеды имеют право выбора, где сражаться за ислам, но затем призвал их вернуться на родину и, в конце концов, заклеил их отъезд на Ближний Восток как предательство. Кебеков призвал членов Имарата отказаться от терактов против мирного населения и самоподрывов¹⁷⁰, в то время как ИГ подобные действия поощряло, по возможности само организовывало.

В 2015 г. в ходе антитеррористической операции Кебеков был убит. Имарат возглавил проповедник, богослов Абу Усман Гимринский (Магомед Сулейманов), который отъезд кавказцев на Ближний Восток не одобрял и вообще не признавал Великого халифата. В августе 2015 г. он погиб при столкновении с российскими спецслужбами. В 2016–2017 гг. попытки ИГ закрепиться на Северном Кавказе не возобновлялись.

(В январе 2017 г. в интернете от имени «вилайета Кавказ» появилось заявление с призывом убивать российских правозащитников, которое сами правозащитные организации назвали провокацией.)

Не удалось ИГ реализовать свои амбиции в Китае, который весной 2017 г. оно пообещало «залить реками крови». В ответ глава КНР Си Цзиньпин призвал к построению вокруг населенного мусульманами Синцзянь-Уйгурского автономного района «железной стены». В столице СУАР г. Урумчи был проведен военный парад с участием 10 тыс. чел. В феврале 2017 г. власти объявили награду за информацию об исламистском подполье, для чего выделено 14,5 млн долл. В марте против исламистов были

---

¹⁷⁰ Лидер «Имарата Кавказ» призвал боевиков отказаться от самоподрывов и терактов против мирного населения. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/245134>

проведены военные операции в уездах Кашгар, Хотан и Аксу¹⁷¹. Шансы ИГ для укрепления своих позиций в КНР мизерны, если они вообще существуют.

Зато в Пекине обеспокоены активностью ИГ в Юго-Восточной Азии, особенно в Мьянме, где действует объявившее себя частью ИГ экстремистское «Движение веры Аракана». В 2017 г. власти Мьянмы предприняли решительные действия по его разгрому, что привело к очередному обострению этнорелигиозных отношений и человеческим жертвам среди мусульман. В ряде мусульманских стран действия властей Мьянмы были названы геноцидом. В Китае, где находятся уже 20 тыс. беженцев из Мьянмы, к политике Янгона отнеслись с пониманием.

ИГ обозначило себя в Европе. Только в 2015 г. свыше 4 тыс. его боевиков просочились на Старый континент, затерявшись среди мигрантов. Сколько всего «граждан ИГ» обосновалось в Европе, сказать невозможно. Ни о каком «европейском вилайете» речь, конечно, не идет. Однако и игнорировать их присутствие также нельзя, поскольку именно эта часть мусульманской миграции играет заметную роль в формировании в Европе «исламского пространства».

В 2017 г. Исламское государство было разгромлено силами международной коалиции. Но прежде чем рассуждать о причинах его поражения, зададимся вопросом, как скоро оно оказалось бы побежденным и было бы вообще побеждено, если бы ему не противостояли международные силы, если бы оно воевало по отдельности против каждого государства – Ирака, Сирии, Ливии. Ответа на него «по гамбургскому счету нет».

Право считать себя главным победителем ИГ оспаривают несколько стран, прежде всего Россия и США. Против него воевало множество стран, включая Иран, Турцию,

---

¹⁷¹ Скрыльников, Павел. Китай отгородится от ИГ «великой железной стеной» // Независимая газета. 15.03.2017.

Ирак, Сирию. Значительный вклад в эту войну внесли курды. Упомянем пассивных участников войны против ИГ, например, участников созданной в 2015 г. Саудовской Аравией, пусть и фиктивной, мертворожденной коалиции из 34 мусульманских стран. В том, что «Великому халифату» противостоял «весь мир», есть символ: ИГ позиционировало себя как наднациональная сила, претендовало на статус «гипергосударства», представляя вселенскую угрозу, и потому ответом ему могли быть только коллективные действия. Формирование в составе 62 страны «антиигиловского союза» подтвердило глобальное значение ИГ, засвидетельствовало его потенциал.

В то же время, говоря об антихалифатских коалициях, следует честно признать, что их участники преследовали в первую очередь свои частные интересы. Для России главной задачей было спасение режима Башара Асада, что обеспечивало ей присутствие в этой стране и – если брать шире – сохранение влияния в регионе. В ходе развернутой ею в сентябре 2015 г. «военно-космической операции» удары наносились не только, а временами не столько непосредственно по ИГ, сколько по враждебной Асаду сирийской оппозиции.

За сохранение асадовского режима при поддержке ливанской «Хизбаллы» сражался Иран. Помимо всего прочего, Иран руководствовался и религиозными соображениями, а именно поддержкой шиитов. Иранцы поддерживают своих шиитских единоверцев не только в Сирии, но также в Йемене и некоторых странах Персидского залива.

Турция также воевала не столько с «Исламским государством», сколько с войсками Асада. Одновременно Анкара рассчитывала подавить сопротивление курдов, а заодно предупредить создание в Сирии курдской автономии.

Саудовцы смотрели на ИГ как на потенциальную угрозу собственной внутренней стабильности. Саудовская Аравия не оказывала поддержки ИГ, в чем ее иногда обвиняют, зато поддерживала исламистских оппозиционеров

Сирии, главным образом суннитскую радикальную «Джабхат ан-Нусра».

Западные страны, прежде всего американцы, боролись с ИГ вяло. Это особенно заметно при сравнении с активностью США в кампании 2002–2003 гг. в Ираке. Участием в войне против ИГ они одновременно пытались ограничить присутствие в регионе России. Показательно, что после разгрома ИГ отношения между «союзниками» по борьбе против него резко и, очевидно, надолго обострились.

С провозглашением победы над ИГ борьба против него окончательно не завершилась. Во-первых, десятки тысяч муджахедов из ИГ разбрелись по всему миру, причем не только мусульманскому. Как поведут себя эти люди? Глава ФСБ России Николай Патрушев считал, «что лица, получившие такой боевой опыт и при этом остающиеся религиозно и политически заряженными, по возвращении на постоянное место жительства... могут стать весьма серьезной угрозой безопасности своих стран»¹⁷². В июле 2017 г. на фоне своих военных неудач ИГ распространило «Справочник одинокого волка», где на 66 страницах были указания, как проводить теракты. Желающие воспользоваться этим справочником скорее всего найдутся.

Во-вторых, сама идея исламского государства никуда не исчезла и вряд ли исчезнет в обозримом будущем. Не исключено, что при следующей попытке, а она, с нашей точки зрения, неотвратима, его творцы будут действовать более осторожно, и его новый «умеренный» вариант окажется более успешным.

ИГ не было признано ни одним мусульманским государством, оказалось «лишним» в мусульманском мире. Оно не послужило консолидации мусульманского мира,

---

¹⁷² Совбез РФ: боевики «Исламского государства» из стран СНГ могут стать угрозой национальной безопасности. Info Islam. http://www.ifo-islam.ru/publ/novosti/rissiya/sovbez_rf_boeviki_islamskogo_gosu...

более того, раскалывало умму. В то же время оно не стало полным «изгоем», оно получало материальную помощь и, если можно так выразиться, «кадровую» поддержку в лице десятков тысяч комбатантов.

Французский исследователь Pierre Razoux считает, что при определенных условиях «силовое возвращение политического ислама не следует рассматривать как воспринимаемый некоторыми кошмар...»¹⁷³. Он прав: «халифаты» бывают разные.

---

¹⁷³ Pierre Razoux. Vers une nouvelle equation strategique en Mediterranee. Note de recherche strategique #1 – Janvier 2013. Institut de Recherche Strategique de L'Ecole Militaire. Paris.

Глава четвертая. Мусульмане и их соседи

Общению мусульманского и христианского миров посвящены библиотеки. И едва ли не во всех стоящих на их полках фолиантах, книгах, брошюрах можно обнаружить доказательства превосходства одного из этих миров над другим. Все зависит от того, кто является автором – христианин или мусульманин. Не надо обвинять авторов в необъективности. Объективность в исторической, богословской науке, политологии – «редкий товар», особенно когда дело касается такой тонкой материи, как взаимодействие цивилизаций.

Ислам возник и формировался на фоне двух более ранних монотеизмов – иудаизма и христианства. В Коране упомянуты многие библейские персонажи и ситуации. Однако отношение ислама к христианству и иудаизму складывалось по-разному. К первому оно было миролюбивым, ко второму – неприязненным, даже враждебным, что объяснимо чисто политическими мотивами: сопротивлением проживавших в Медине, куда пророк Мухаммад со своими сторонниками перебрался из Мекки в 622 г., иудейских племен.

Одной из задач Мухаммада как проповедника нового учения было показать доктринальные и обрядовые отличия ислама от «старого монотеизма». Мухаммад проповедовал в поликонфессиональной Медине, где состоялось первое религиозное и политическое общение между исламом и христианством. Своего рода то был протодиалог цивилизаций.

Следующий этап общения наступил в VII в., когда арабы-мусульмане стали продвигаться по территории Византии и по Северной Африке. В 712–718 гг. они завоевали Пиренейский полуостров, затем вторглись на территорию нынешней Франции. В 732 г. в битве при Пуатье возглавляемая майордомом франков Карлом Мартеллом христианская армия наносит мусульманам, войскам Омейдского халифата оглушительное поражение, навеки остановив их продвижение по западу Европы. В те времена европейцы не испытывали трепета перед словами шахид и халифат, как сегодня, в XXI веке. Может, от того они и победили так легко. (Подробностей сражения ни в христианской, ни в мусульманской летописях не сохранилось. Битва при Пуатье не выглядела грандиозным военным событием – в ней даже не участвовала кавалерия.)

Если бы эту битву выиграли мусульмане, то европейская история сложилась бы иначе. (Как бы выглядели сейчас Исламские Соединенные Штаты Америки?) Европе вряд ли хватило бы сил «переварить», европеизировать ислам. Раннесредневековое христианство наверняка не устояло бы перед его энергетикой. Тем более, что ислам был прост для обращения и не слишком требователен.

Вступавшим на чужие земли мусульманам была присуща веротерпимость, в основе которой лежал экономический прагматизм. Они не навязывали ислам, а предлагали христианам, иудеям, зороастрийцам откупиться от него, заплатив соответствующий налог. Иноверцы именовались зимми и не подвергались преследованиям за свои убеждения. (Позже этот порядок иногда нарушался. Например, фатимидский халиф Хаким (991–1021) требовал от иудеев носить на шее колокольчик.) Но, по здравому размышлению многие из зимми в конце концов предпочитали все же переходить в ислам и не выплачивать далее «религиозную компенсацию», меняя церковь на мечеть. Таким образом, даже если исламизация и имела место, она была мягкой.

Ислам в Европу через южную Францию глубоко не проник, а остался на Пиренейском полуострове. Здесь

мусульманам удалось создать Кордовский халифат, просуществовавший с 929 по 1031 г., а затем распавшийся на несколько эмиратов, крупнейшим из которых стал Гранадский эмират. Так возникло мусульмано-христианское пограничье, и, заметим, отношения между находившимися по его разные стороны народами были уважительные. Господствующим этносом «мусульманской Испании» были арабы и североафриканские берберы, именовавшиеся в Европе маврами. (Загадкой остается, почему венецианский мавр Отелло выглядит на сцене темнокожим, а в некоторых спектаклях имеет негроидный тип лица.)

Некоторое время ислам воспринимался богословами как созданная лжепророком христианская секта. Очевидно, отсюда пошло его бытовавшее в Европе определение «Muhammadanism»¹⁷⁴, в России – «магометанство». В научной и богословской лексике появились понятия «мусульманская церковь» и «мусульманское духовенство», которых в исламе нет (выражение «мусульманское духовенство» используется и по сей день).

Еще одним сегментом мусульмано-христианского пограничья стала Византия и Омейдский, позже – Аббасидский халифаты. Возникший в 661 г. Аббасидский халифат не представлял существенной угрозы для своего христианского соседа. В XI в. в Малую Азию, на территорию Ближнего Востока пришли сельджуки, установившие контроль над христианскими святынями Иерусалима, прежде всего над Храмом Гроба Господня. Ответом христианской Европы стали крестовые походы (таковых состоялось 9, не считая «похода детей» в 1212 г.), продолжавшиеся почти до конца XIII века. Имевшие религиозную мотивацию крестовые походы стали одной из наиболее бескомпромиссных форм межцивилизационного контакта, наложившего отпечаток на всю последующую историю отношений между христианством (западным) и исламом. В XXI в. в мусульманском мире реальные или кажущиеся противники

---

¹⁷⁴ См., например: Gibb, H.A.R. Mohammedanism. Oxford University Press, 1949.

ислама называются крестоносцами. И конца подобным реминисценциям ожидать не приходится. Очевидно, битвы между крестоносцами и мусульманами более других соответствуют появившемуся семь столетий спустя термину «столкновение цивилизаций». Однако крестовые походы внесли и свой позитивный вклад в общение между цивилизациями: они пробуждали уважение к непобежденному мусульманскому востоку и рост интереса к нему.

У крестовых походов имелись и более земные – экономические, социальные и политические причины. Одной из причин «детского похода» 1212 г. была попытка тогдашних европейских работорговцев продать в рабство спровоцированных на «марш на Иерусалим детей»¹⁷⁵.

В 1258 г. в ведомые Хулагу-ханом монголы захватывают столицу Аббасидского халифата Багдад, и халифат прекращает свое существование. Арабы как основной демографический этнокультурный массив ислама утрачивают роль гегемона. На авансцене ислама утверждаются турки, которые в честь главы новой Турецкой империи Османа I принимают имя османов, а сама империя становится Османской. Центром межцивилизационного противостояния становится конфликт между новой мусульманской империей и Византией. Последняя уже давно испытывала «историческую усталость», страдала от безостановочных внутренних конфликтов и была обречена. В 1452 г. турки-османы захватывают Константинополь. Это название постепенно смывается с географических карт, а на его месте появляется город Стамбул. (Турки всегда называли столицу Византии «Истанбулом». По одной из версий, «Стамбул» истолковывается как «наполненный исламом».) Исламская цивилизация одерживает внушительную победу над христианством. Однако абсолютизировать религиозный фактор не следует. Османо-византийские войны были привычной формой борьбы за обретение новых

---

¹⁷⁵ Чешский писатель Jiri Sotola написал о детском крестовом походе щемящую повесть, назвав ее «Osmnact Jerusalemu» – Praha: Československý spisovatel, 1986.

территорий, за установление политического и военного господства.

И тем менее именно мусульманская империя одержала верх над христианской. Мусульмане вступили в Европу уже не с запада, а с востока, и этот вектор исламской экспансии оказался более успешным. С XV по XVI вв. османы покорили Балканский полуостров, Венгрию, дважды – в 1529 и 1537 гг. подходили к Вене. Им удалось исламизировать некоторые проживавшие на Балканах народы. И это не говоря уже о Крыме, северо-восточном побережье Черного моря.

Что касается Пиренейского полуострова, то он был «деисламизирован» только в 1609 г., когда по указу короля Филиппа III мавры (мориски) из Испании были изгнаны. После Реконквисты и возвращения Андалусии оттуда высылались поголовно все мусульмане, в том числе те, кто принял христианство. «Новым христианам» католическая монархия не верила. Тем более, что в 1568–1571 гг. мавры подняли восстание, которое было жестоко подавлено.

Межцивилизационное пограничье совпадало с государственными границами Османской Империи и европейских государств. Однако если посмотреть на сложившуюся ситуацию шире, то примерно половина мусульманского мира в исламо-христианском общении не участвовала, поскольку была изолирована от христианства. Речь идет о мусульманских странах, находившихся к востоку от османов – Персии, Империи великих Моголов, эмиратах и ханствах Туркестана. В свою очередь и Европа не проявляла к ним интереса, да и не имела возможностей его проявлять. Таким образом, «мусульманская периферия» (термин достаточно условен) вплоть до XIX в. существовала вне рамок широкого межцивилизационного общения с христианством.

Были незначительные контакты с мусульманами у восточных славян. В VII в. арабы пришли на Северный Кавказ, принесли ислам на земли современной Центральной Азии. Начиная с XIII в. начинается экспансия кочевников-

монголов. Борьба с монгольскими ханами растянулась на столетия и привела к постепенной исламизации верхушки пришельцев.

Русь же с исламом не сталкивалась. Избрав в 988 г. христианство в качестве государственной религии, она сделала свой исторический, культурный и религиозный выбор. Ее противником стали кочевники-язычники (ордынцы), а не мусульмане, как это случилось с остальной Европой. Россия надолго выпала из средневекового «столкновения цивилизаций», которое в средние века происходило на Средиземноморье и в восточной части Европы.

Важным аспектом коммуникаций между западной Европой и мусульманским миром оказался интерес его ученых и мыслителей в разных частях мусульманского мира (от Бухары и до Марокко) к античному наследию, к учениям Платона и Аристотеля. Чаще всего в этой связи упоминаются имена Ибн Сины (или Авиценны) (980–1037), Ибн Рушда (или Аверроэса) (1126–1198), аль-Фараби (872–951), Ибн Туфейля (1110–1186). Зародились и быстро утвердились такие понятия, как восточный аристотелизм, восточный неоплатонизм. Труды этих авторов в европейском философском сообществе были известны и востребованы. Мусульмане фактически вернули в европейское мышление элементы античного наследия. Однако к собственно мусульмано-христианскому диалогу реконструкция античности прямой привязки не имеет. Это был «побочный эффект» встречи Запада и Востока, принесшей пользу и тому, и другому.

Экономические же отношения между Западом и мусульманским Востоком были не столько развиты. «Практический и материальный интерес к нему в западной Европе был долгое время ограниченным»¹⁷⁶. Возникший еще во II в. до н.э. и проходивший в меридианальном направлении «Шелковый путь» на межцивилизационное общение практически не влиял.

---

¹⁷⁶ Bernard Lewis. *From Babel to Dragomans*. Oxford University Press, 2004. P. 207.

Сложившиеся в VII-VIII вв. отношения между мусульманской и христианской цивилизациями, были диалогом, отягощенным множеством войн и конфликтов. Это было время взаимного узнавания, время честной конкуренции, исход которой не был ясен и в ходе которой обе стороны постоянно переходили от наступления к обороне и наоборот.

С XVII в. ситуация начинает меняться в пользу христианской цивилизации или, можно сказать, Запада. Тому было немало причин, среди которых решающую роль сыграло его растущее экономическое, военно-техническое превосходство, т.е. материальные факторы. Обязательно напомним о религиозной реформации, менявшей общественное сознание, что и предопределяло успех грядущего социально-экономического развития. Косвенным доказательством исключительной важности религиозной реформы, как минимум, является то, что сегодня многие нынешние мусульманские политики, ученые и богословы считают, что успех экономических и иных реформ обусловлен или вообще возможен лишь при условии модернизации в религиозной сфере.

Центр тяжести глобального развития окончательно перемещается на Запад в Европу, события в которой определяют общую обстановку в мире в пользу христианской цивилизации. Конфликт с мусульманским Востоком становится периферийным, а его угроза минимизируется. Напротив – нарастает давление на мусульман со стороны Запада, включая Россию, наступает эпоха колониальных захватов, постепенного подчинения мусульманского мира его более могущественным соседям. В XIX в. Великобритания захватывает Южную Азию (там же появляются миниатюрные колониальные анклавы Франции и Португалии), включая ее мусульманскую часть, устанавливает контроль над Египтом, а впоследствии Суданом. В 30–40-х гг. XIX в. Франция завоевывает Алжир, в 1860-е гг. вторгается в Левант, в 1880 г. устанавливает протекторат над Тунисом, в 1912 г. – над Марокко. В 1911–1912 гг., разгромив турок, итальянцы оккупируют Ливию. Великобритания и Нидерланды колонизируют Индонезию.

Свою колониальную политику в мусульманском мире проводит Россия. Она начала проводить ее задолго до европейских государств. В 1552 г. Россия присоединяет к себе Казанское, в 1556 г. Астраханское, в 1595 г. Сибирское ханства, которые становятся не просто ее колониями, но частью территории. Россия превращается в поликонфессиональное государство. Не прекращается ее борьба с турками за Крым, увенчавшаяся в 1783 г. ее окончательной победой. С XIX в. Россия ведет захватнические войны на Северном Кавказе, в Туркестане, в результате которых эти территории оказываются включенными в состав Российской империи. Россия становится *бицивилизационной* страной и обществом. В таком контексте диалог цивилизаций становится для нее внутренним диалогом.

Европейцы христианизировать мусульманских соседей не стремились. Правда, однажды Карл I Великий (король франков, лангобардов, герцог баварский, с 800 г. «император Запада») послал делегацию в Омейядский халифат с предложением принять христианство. Но никаких последствий этот шаг не имел.

Исключение составляла Россия, где начиная с XVI в. предпринимались попытки христианизировать мусульман-татар (последняя имела место в 80-е гг. XIX в.). Иногда это делалось жестко, иногда «аккуратно». Так, принявшим христианство татарам было легче сделать карьеру, получить образование, получить дворянство, на что многие из них соглашались. В отношении кавказцев и жителей Средней Азии такие «эксперименты» практически не проводились. К тому же христианство было распространено среди некоторых северокавказских народов – осетин, части кабардинцев, калмыков, черкесов до вхождения региона в состав России.

В канун Первой мировой войны из мусульманских государств независимость сохранили лишь Османская Империя, распавшаяся после ее завершения, Иран, Афганистан, Египет, однако их независимость представляется весьма относительной. После Первой мировой войны

внешний контроль над мусульманскими странами полностью сохранялся. На Западе мусульмане воспринимались как отсталые народы, нуждающиеся в «наставничестве» со стороны более зрелого, развитого общества. Ислам же рассматривался скорее как «туземная» религия, которая, однако, способна мобилизовать при необходимости своих приверженцев на оказание военного сопротивления – Запад уже успел в полной мере почувствовать на себе силу джихада.

В свою очередь мусульманами Запад воспринимался как завоеватель, стремящийся навязать им свою волю. В мусульманских странах сформировалось национальное движение, в идеологии которого большую роль играл ислам. Его целью было добиться независимости, борьба за которую принимала облик джихада. В период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы эти тенденции продолжали нарастать. Противостояние Запада и мусульманского мира обострилось после провозглашения в 1947 г. Государства Израиль и арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Поражение в ней арабских стран стало «пощечиной» всему мусульманскому миру, свидетельством его военно-политической несостоятельности, а арабо-израильский конфликт на десятилетия стал источником напряженности в отношениях между мусульманами и Западом. Таким образом, нынешний их облик формировался на протяжении двух столетий, и возникающие проблемы имеют историческую преемственность. Диалог между Западом и исламом сопровождался и сопровождается напряженностью, которая на рубеже XX-XXI веков и в начале XXI века нарастает. Мы не стремимся акцентировать их конфликтность, но просто констатируем их сложность.

Какая из двух цивилизаций несет за эту сложную коллизию большую ответственность? На первую часть вопроса ответ дать проще, чем на вторую.

После Второй мировой войны религиозный фактор в политической жизни мусульманского мира отошел на второй план. Движение за независимость было прежде

всего национальным, главной задачей политических элит было создание независимых государств. Отношения с Западом строились на сугубо политической основе, межцивилизационные различия отошли в тень.

Понятие Запад, как нечто целостное, в глазах мусульман выглядело размытым. Запад состоял из европейских бывших угнетателей и из Америки, которая не была причастна к колониальным захватам. Кроме того, на политической арене активно действовал Советский Союз, который с позиций ислама выглядел противоречиво. С одной стороны, СССР был атеистическим государством с коммунистической идеологией, которая могла трактоваться как язычество. С другой, – он оказывал мусульманским народам экономическую и военную помощь и, что особенно важно, поддерживал их в противостоянии с Израилем. При таком раскладе акцентировать советский атеизм было для руководителей мусульманских государств недальновидно, да и просто невыгодно.

Апеллировать к исламу политики мусульманского мира не хотели, да и не умели. Правивший Египтом в 1950–1960-е гг. Гамаль Абдель Насер, сирийские и иракские баасисты, шах Ирана, турецкие наследники Ататюрка были секуляристами и свои действия мотивировали не исламом, а интересами национального строительства. Во внешней политике они были далеки от вопроса диалога цивилизаций или конфликта между ними. В целом исламская идеология оказалась вторичной и неспособной оказывать влияние на сложившуюся ситуацию. Однако политический и идейный потенциал ислама отнюдь не исчез полностью. Ислам ждал «своего часа».

Час настал, когда в мусульманском мире укрепился исламизм и, став одним из главных политических факторов, начал оказывать влияние на отношения между мусульманами и остальным миром, прежде всего Западом. События в мусульманском мире стали рассматриваться в контексте его конфронтации с Западом. Наступление исламизма совпало с глобализацией, и в известной степени исламизм

был реакцией на нее, формой самозащиты исламской цивилизации. Взаимное междоцивилизационное раздражение превратилось в фактор глобальной политики. За полтора десятка лет до «арабской весны» и появления ИГ американский исламовед Бернард Льюис (Bernard Lewis) писал, что «вожди распространявшегося религиозного возрождения размышляли и идентифицировали своих врагов с врагами Бога, и называли местом их обитания западное полушарие»¹⁷⁷. Слово «возрождение» нуждается, как минимум, в одном дополнительном уточнении. Это возрождение имело общественно-политический характер.

В европейской и американской аналитике изучение исламизма зачастую связывалось с внешней политикой. Шведские исследователи Андерс Стринберг и Матс Варн писали, что «западная наука об исламизме сплавилась с внешнеполитическими заботами, с интересами безопасности и политики, создав постоянную политическую и академическую обратную связь (мертвую петлю) из общих рассуждений и запугивания. ... В результате изучение исламизма было немедленно ограничено рамками изучения опасного врага»¹⁷⁸. Вновь сошлемся на Бернарда Льюиса, который считает исламизм современной экстраполяцией длящейся четырнадцать столетий борьбы двух соперничающих цивилизационных систем – христианства и ислама. «В исламе борьба добра и зла очень быстро обрела политический и даже военный характер»¹⁷⁹. Противники мусульман, по мнению последних, сражаются против Бога, что делает их (мусульман) борьбу более ожесточенной и оправдывает едва ли не любые методы ее ведения. Таким образом, основным содержанием исламизма, его квинтэссенцией представляется поединок с западной цивилизацией и даже шире – со всем

---

¹⁷⁷ Bernard Lewis. *From Babel to Dragomans*. Oxford University Press, 2004. P. 322.

¹⁷⁸ Anders Strindberg and Mats Warn. *Islamism*. Cambridge, UK, 2011. P. 4.

¹⁷⁹ Bernard Lewis. *The Roots of Muslim Rage*.

www.theatlantic.com/magazine/print/1990/09/the-roots-of-islamic-rage/304643

немусульманским окружением. По такой логике получается, что «Усама бен Ладен был послан приверженцам такого стереотипа и поношения ислама самим богом»¹⁸⁰.

Тезис, что за рост напряженности ответственность в равной мере несут обе цивилизации, справедлив, но банален. В истории виноватых не бывает, периодические обострения междивизиационных трений объективно-неизбежны. Таков ответ на первую часть вопроса. Настояженный дискурс взаимного восприятия существовал всегда, просто в нашу эпоху он усугубился.

Ответ на его вторую часть (кто первый пробудил «исламскую ярость»?) дать сложнее, честная попытка ответить на него, как правило, приводит к определенному (вынужденному) отказу от соблюдения «политкорректности». Если понимать под «исламской яростью» терроризм, а именно такой смысл вкладывается в него чаще всего, то ответственность за него лежит на мусульманах, точнее той их экстремистски настроенной части, которая ради мести Западу способна убивать любого, кто является частью его культуры и традиции, невзирая на пол, возраст и род занятий. В результате терроризм в западном сообществе воспринимается как имманентная черта ислама.

На Западе терроризм как таковой считается нормой, если теракты происходят в мусульманском мире. К взрывам и убийствам в Пакистане, Афганистане, на Ближнем Востоке на Западе относятся по большей части равнодушно. Но когда террористы вторгаются на немусульманское пространство, они, а вместе с ними ислам рассматриваются как «цивилизационная угроза».

Теракты происходят в европейских, американских, российских городах, становясь частью жизни, к ним привыкают. Их боятся, но им перестают удивляться¹⁸¹. В ноябре

---

¹⁸⁰ Anders Strindberg and Mats Warn. Islamism. Cambridge, UK, 2011. P. 14.

¹⁸¹ Эти строки я пишу в марте 2018 г. Три дня тому назад произошел очередной теракт: в супермаркете французского городка Требе, погибло 3 человека. Эта трагедия, точнее инцидент, продержалась «на первых полосах» несколько дней.

2015 г. в парижском районе Сен-Дени состоялась серия терактов, в результате которых было убито 130 и ранено свыше 350 чел. ВВС озаглавила посвященную этой трагедии программу «После Парижа – противостояние цивилизаций». Стало модно писать об «открывшихся в ад дверях», сравнивать исламистов с фашистами, коалицию борцов с ИГ-халифатом с антигитлеровской коалицией, даже пугать третьей мировой войной.

Нас долго приучали к выражению «международный террор», избегая эпитета «религиозный». Теперь все становится на свои места. Известный своими осторожными высказываниями Глава Русской Православной Церкви Патриарх Кирилл в телеинтервью в январе 2016 г. сказал о «религиозных террористах», намекая на то, что они являются мусульманами.

В 2004 г. был зарезан ножом автор короткометражного фильма «Покорность» голландский режиссер Тео ван Гог. В ленте было показано униженное положение женщин в исламе, демонстрировались кадры издевательств над ними. Сценарий фильма был написан мусульманкой, мигранткой из Сомали Айаан Хирси Али, что пробудило дополнительное раздражение у его мусульманских критиков. Фильм вызвал резкий протест в мусульманском мире, сопровождавшийся демонстрациями и нападениями на посольства некоторых европейских стран.

В 2005 г. разразился скандал после публикации 12 карикатур на пророка Мухаммада (он был изображен в тюрбане и с бомбой) в датской газете «Йилланд-Постен»¹⁸². Некий тунисец готовил покушение на автора рисунков художника Курта Вестергора, но это покушение не состоялось. В 2007 г. шведский художник-концептуалист подвергся нападениям мусульман за то, что нарисовал Мухаммада с телом собаки, норвежская газета «Дагбладет»

---

¹⁸² Подробности это дела, равно как и истории о схожих материалах по «исламской теме» описаны в книге: Flemming Rose. Tavshedens tyranny. Dunska, Jylland-Postens Forlag, 2010.

подверглась давлению за карикатуру на пророка, где он был изображен в виде свиньи, в 2010 г. в мультипликационном фильме «Южный парк» пророк был изображен в шкуре медведя, за что его создатели Трей Паркер и Мэтт Стоун стали получать угрозы через Интернет.

2015 г. карикатуры появились во французском юмористическом журнале «Шарли Эбдо», за что террористами были расстреляны 12 человек, включая сотрудников редакции и случайных прохожих.

К этому теракту в самых разных уголках мусульманского мира отнеслись, так сказать, с пониманием. «Во время карикатурного скандала исламские лидеры всего мира как один заявляли, что оскорблено больше миллиарда мусульман»¹⁸³. В начале 2016 г. в Грозном прошла манифестация в защиту ислама, в которой приняли участие, по разным данным, от 500 тыс. до 1 млн мусульман. Массовая демонстрация прошла в столице Ингушетии Магасе, где приняло участие несколько десятков тыс. чел.¹⁸⁴. Демонстранты несли в руках плакаты «Мы готовы умереть за пророка»¹⁸⁵. (По российским законам, эта манифестация могла бы попасть под статью об экстремизме, однако содержащийся в ней в ней протест против Запада устраивал российские власти и, кроме того, становился доказательством солидарности Москвы с мировым мусульманством. На этой демонстрации были замечены православные священнослужители.)

Истории с «Йилланд-Постен», «Шарли Эбдо» и «Покорностью» наиболее известны, поскольку завершились

---

¹⁸³ Флемминг Росс. Дело о «карикатурах на пророка Мухаммеда». СПб: Изд. БХВ-Петербург, 2012. С. 164.

¹⁸⁴ К этой информации следует относиться критически. По некоторым данным, цифры участников, во-первых, завышены, а во-вторых, участие в демонстрации было организовано местными – чеченскими и ингушскими властями. С другой стороны, автор разговаривал с участниками этих демонстраций, в том числе с коллегами, представителями кавказской интеллектуальной элиты, и они говорили, что участвовали в подобного рода акциях сознательно и совершенно искренне, без всякого давления.

¹⁸⁵ <https://medusa.io/feature/2015/01/19/my-gotovy-umeret-za-proroka>

трагически. Однако помимо них, имели место еще несколько схожих эпизодов, вызвавших недовольство мусульман.

Можно по-разному оценивать карикатуры на пророка и прочие юмористические интерпретации ключевых религиозных фигур. Первое, что приходит на ум, не надо оскорблять религиозные чувства верующих. Однако очевидно и другое: гонения на негодное кому бы то ни было, в нашем случае мусульманам, отношение к их религии, тем более угроза мести, включая убийство виновного в оскорблении, провоцирует неприязнь к исламу. В христианской культуре абсолютного табу на изображение главных религиозных персонажей не существует. Да, есть немалое количество фильмов, вызывающих гнев у многих христиан. Назовем хотя «Код да Винчи», «Последнее искушение Христа», «Страсти Христовы»... Однако это не привело к расправе над их авторами. Никогда не вызывало у верующих отторжения собрание юмористических рисунков французского художника Жана Эффеля «Сотворение мира», на которых Всевышний изображен веселым, ехидным старикашкой.

Между прочим, мусульманские интерпретации христианства зачастую также выглядят не слишком уважительно. Не говоря о том, что при формальном респекте к христианству явно или скрыто подчеркивается превосходство над ним ислама. Некоторые элементы христианского вероучения трактуются как рудименты язычества. Христиане на это не обижаются.

Добиваться же от христиан, чтобы они относились к исламу столь же трепетно, так, как к нему относятся сами мусульмане, не корректно. Фактически это требование соблюдать нормы иной, чуждой еврохристианской традиции. Толерантность не может быть односторонней, она должна быть взаимной. Найти здесь общий консенсус крайне сложно, если вообще возможно.

Тем более, что среди части обосновавшихся в Европе мигрантов-мусульман проявляется желание жить в соответствии со своими традициями, демонстрируя неуважение к иным нормам. Они выстраивают свой мир посреди чужого.

В декабре 2015 г. на вокзале в Кельне произошел символичный инцидент: две тысячи мигрантов приставали к проходившим по улице женщинам. Они срывали с женщин одежду, цинично оскорбляли их. Ситуация здесь не такая простая, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, манера поведения европейских дам не совместима с исламскими правилами. Европейки не находились под защитой исламской традиции, и с ними можно было делать все, что угодно. С другой, – раскованность в одежде и поведении становится привлекательной для мусульманских мужчин. Можно сказать, что их верность традиции в известном смысле оказывается показушной и даже ханжеской.

В свою очередь и мусульманки в хиджабах не вызывают восторга у европейцев. Платки и покрывала воспринимаются нарочитым вызовом, хотя для мусульманок это будничным маркер их религиозной и культурной идентичности. Время от времени запреты на ношение головных платков в государственных учреждениях, в институтах и школах, принятые в некоторых европейских странах, а также в отдельных регионах России, провоцируют взаимное неприятие. Одним из аргументов в пользу права использовать традиционную религиозную атрибутику является то, что христианам нельзя запретить ношение крестиков (запрет на это существовал в ИГ).

В 2016 г. в Германии в г. Вупперталь появилась «шариатская полиция» – мужчины в оранжевых куртках с соответствующей надписью. Мусульманские полицейские требовали, чтобы люди перестали употреблять алкоголь и слушать музыку, а в магазинах и развлекательных центрах не использовали автоматы для игры на деньги. Организатором был салафит, исламский проповедник Свен Лау. Местный немецкий суд шариатских полицейских оправдал. Шариатские патрули появлялись в Лондоне, Копенгагене, Гамбурге и т.д.¹⁸⁶ В сложившихся в европейских городах

---

¹⁸⁶ <http://www.bbc.com/russian/news-38059387>

мусульманских анклавах живут по своим законам, и местная власть, в том числе полиция, не вмешивается в их дела.

В России мусульманские анклавы долгое время не возникали. В крупных российских городах существуют районы с высокой концентрацией мусульманской миграции, однако считать их «исламскими», т.е. такими, где жизнедеятельность строится по религиозным канонам, нельзя. Однако в последнее время такие анклавы (некоторые эксперты называют их «гетто») появились в городах Урала и Сибири – Барнауле, Красноярске, Нефтеюганске, Сургуте. В начале 2000-х гг. в московском районе Южное Бутово, где проживает значительное количество мусульман, представители мусульманского духовенства (в частности заместитель председателя Совета муфтиев России Нафигулла Аширов) предложили организовать для поддержания порядка «мусульманские дружины», однако это предложение не было принято ни властями, ни местными жителями. Думается, что если бы в России вдруг появились «мусульманские дружины», то ответом бы стало немедленное формирование «православных дружин», что неизбежно привело бы к росту конфронтации.

Мусульмане склонны обвинять западные народы в декадансе и аморальности. Они указывают пальцем на нетрадиционные сексуальные отношения, распространение порнографии, порочащие религию публикации и фильмы, на вызывающую одежду у женщин. Мусульмане предъявляют Западу обвинение в том, что он изменил своей религии, отошел от христианства. Так, между прочим, считают не только мусульмане. «Первая реакция правых христиан Кристиана Джерри Фалуэлла (Christian Jerry Falwell) и Пата Робертсона (Pat Robertson) на бомбардировку 11 сентября заключалась в том, что они увидели в ней знак, что Бог перестал хранить Соединенные Штаты из-за греховной жизни американцев»¹⁸⁷. Схожие по духу

---

¹⁸⁷ Slavoj Zizek. Violence. New York: Picador, 2008. P. 182.

обвинения предъявляются Западу в России православными активистами, выступающими за запреты порочащих, по их мнению, религию спектаклей, кинофильмов и выставок и требующими отлучения от церкви их создателей – артистов, режиссеров, художников.

Мусульманским критикам еврохристианских ценностей возражает родившаяся на территории нынешней Бангладеш (б.Пакистан) баронесса Пола Уддин (Pola Uddin), первая женщина-мусульманка в Палате Лордов, назначенная туда в 1998 г. премьер-министром Тони Блэром: «Глупо со стороны мусульман, приехавших за материальным благополучием, считать их (европейцев – А.М.) моральными банкротами»¹⁸⁸.

Тем временем все чаще обсуждается проблема преследования христианства, причем в основном в мусульманском мире. По данным организации «Помоги Церкви в ее нужде» («Aid to the Church in Need»), христиане являются жертвами в более 80% всех нападений на религиозной почве. Соответствующий доклад представил глава этой организации Артур Понтифекс. В ноябре 2017 г. эту проблему упомянул председатель Европейской народной Партии Манфред Вебер. В числе главных нарушителей прав христиан – 12 государств, в их числе Саудовская Аравия, Ирак, Египет, Нигерия, Пакистан, Судан, Сирия, Турция (а также Китай, КНДР, Индия, Эритрея). Число гонимых христиан оценивается в 200–600 млн чел. В Саудовскую Аравию запрещен ввоз Библии и строительство там церквей, ее граждане-христиане не могут носить крестики в общественных местах¹⁸⁹.

Антихристианских выступлений в последние годы происходит немало. Это и поджоги церквей в Нигерии, и убийства коптов в Египте, и нападения на священников. Вспомним убийство двумя террористами 86-летнего католического

---

¹⁸⁸ Clash of civilizations: Who is to blame? // International Herald Tribune, 22.06.2006.

¹⁸⁹ Пудовкин, Евгений. Евросоюз не даст христиан в обиду. Независимая газета, 14.11.2017.

священника Жака Амеля (Jacques Hamel) в церкви Сент-Этьенн дю Руврэ в г.Дарнеталь (неподалеку от Руана). В 2009 г. в Москве был убит священник Даниил Сысоев, занимавшийся миссионерской деятельностью среди мигрантов-мусульман. В 2018 г. в дагестанском г.Кизляр было предпринято нападение на прихожан православного Святогеоргиевского храма, в результате которого был застрелены 4 женщины. Нападавший Халил Халилов призывал «убивать неверных». В том же году попытка ворваться в церковь была совершена в Грозном, в результате чего несколько человек было убито (власти Чечни немедленно заявили, что приказ о нападении был получен из одной из западных стран).

Антихристианские выступления болезненно воспринимаются обществом. После убийства Жака Амеля французский публицист Лоранс де Шаретт (Laurence de Charette) в газете «Фигаро» в редакционной статье, символически озаглавленной «Антиконституционно?», пишет, что настало время действовать уже за рамками конституции, что это не только возможно, но и необходимо. Против толерантности выступил бывший президент Франции Николя Саркози, заявивший, что она (толерантность) должна быть «равна нулю».

Тема угрозы христианству со стороны ислама проникает в литературу. Показателен стал вышедший в Москве в 2005 г. и переведенный на европейские языки роман российской писательницы Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы»¹⁹⁰, в котором описывается Франция 2048 г., когда ислам стал ее государственной религией. По словам Чудиновой, непосредственным поводом для написания этой книги послужила ее прогулка по Елисейским полям, где большинство толпы состояло из мусульман. Схожие мотивы пронизывают книгу французского писателя Мишеля Уэльбека «Покорность».

«В Париже на станции Клиши арабская речь звучит чаще французской... Клошары в бурнусах шляются

---

¹⁹⁰ Чудинова, Елена. Мечеть Парижской Богородицы. Москва, 2006.

по ноябрьским набережным Сены. Как-то на железнодорожном вокзале улыбочивый алжирец впарил мне на поезд... автобусный билет. Кондуктор, «этнический француз», выудив из меня 50 франков штрафа, посоветовал не верить «этим арабам». «Мусульмане ведь, мсье», – пояснил он мне. Даже заезжим туристам небезразлична исламизация Монмартра, парижского пригорода Сен-Дени, впрочем, как и лондонского района Уайтчепель, и они поражаются этническими переменами. Известный советский драматург Михаил Рошин, побывавший в Париже еще в 1983 г. (когда вопрос о миграции стоял не так остро), с изумлением и даже страхом писал про «арабов, турок, африканцев, которые заполняют парижские улицы, как никогда прежде, и по их яростным лицам... нетрудно понять, дай им сейчас волю, и они разнесут все вокруг вместе с Роденом»¹⁹¹.

«Запад видит в мусульманском мире почву для порождения идеалистического фанатизма, религиозной нетерпимости, полигамии, убийств, мести и калечения»¹⁹². Даже с учетом некоторой экзальтированности такого мнения американского исследователя Хенсли Дж. Хантера (Dr. Hensley J. Hunter), приходится признать, что распространенные среди коренных жителей Европы и Америки (да и не только там) ощущения от ислама и мусульман далеки от восторга. Среди причин неприязни к мусульманам обыватели упоминают о гипертрофии ими своей религиозной идентичности. Примечателен отзыв о мусульманах 33-летней парижской домохозяйки Жанин Пиль (Jeanine Pile), полагающей, что в плохих отношениях виноваты обе стороны, она все же отмечает, что «на мусульманской стороне слишком много религии, религии и религии, и они не хотят открываться навстречу с другими»¹⁹³.

---

¹⁹¹ Рошин М. Бессмертие Чехова. Современная драматургия. Альманах, 1984, № 4. С. 251.

¹⁹² Dr. Hensley J. Hunter. Terrorism or Patriotism. Xlibris Corporation, USA, 2007. P. 73.

¹⁹³ Clash of civilizations: Who is to blame? // International Herald Tribune, 22.06.2006.

Мусульмане для христиан, для Запада, в том числе для России, – чужие. Преодолеть это отчуждение, взаимный критицизм сложно, поскольку оно зиждется на цивилизационных различиях. Это – своего рода цивилизационный инстинкт, с которым христианам, мусульманам, мусульманскому миру, Западу предстоит по историческим меркам жить вечно. Это подтверждают и социологические опросы, которые свидетельствуют о тенденциях этого восприятия. С учетом моего личного скептического отношения к социологическим изыскам все же приведем некоторые их результаты.

По данным фонда Пью Центр (Pew Global Attitudes Project), в Великобритании негативно к мусульманам относятся 28%, в Германии и Франции – 29, в Швеции – 35, в Нидерландах – 35, в Испании – 50%. В Греции этот процент достигает 65, Польше – 68, в Италии – 69, в Венгрии – 72¹⁹⁴.

Склонными к насилию мусульман сочли: 60% испанцев, 59% россиян, 52 – немцев, 45 – американцев, 41 – французов, 32 – жителей Великобритании (а также 73% нигерийцев, 67 – индийцев). Эгоистичными мусульман назвали 48% россиян, 44 – немцев, 43 – испанцев, 30 – жителей Великобритании, 27 – французов, 27 – американцев (64% индийцев, 48 – нигерийцев). Аморальными мусульман считают 26% немцев, 25 – россиян, 21% испанцев, 19 – американцев, 18 – французов, 16 – великобританцев, 50% индийцев, 43 – нигерийцев¹⁹⁵.

Однако и отношение мусульман к Западу тоже достаточно сложное. Склонными к насилию уроженцев Запада, тех, кто разделяют западные ценности, считают: 81% иорданцев, 75 – египтян, 74 – нигерийских мусульман, 70 – турок, 64 – индонезийцев, 52% мусульман Британии, 49% пакистанцев, 34 – немецких мусульман, 29 – мусульман Франции, 24% мусульман Испании. В эгоизме «западников»

---

¹⁹⁴ Pew Poll on Muslim/Western views of each other.

¹⁹⁵ <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/>

обвиняют: 81% индонезийцев, 73 – иорданцев, 69 – турок, 67 – мусульман Британии, 63 – египтян, 57 – немецких мусульман, 56 – нигерийских, 54 – пакистанцев, 51 – мусульман Франции, 50% мусульман Испании. В аморальности христиан обвиняют 65% нигерийских мусульман, 64 – египетских, 62 – иорданцев, 60 – мусульман Индонезии, 59 – турок, 57 – мусульман Британии, 45 – пакистанцев, 32% мусульман Германии, 30 – Франции, 29 – Испании¹⁹⁶.

Статистика настораживает. Характеризуя данные этих вопросов (а эти данные меняются в зависимости от конъюнктуры), мусульмане для христиан, как и они для мусульман остаются *другими*. Можно согласиться с россиянкой Киной Преображенской, которая считает, что «понимание *другого*, взаимность, солидарность – есть постоянные антропологические качества, которые должны стать основными при характеристике современного человека»¹⁹⁷. В то же время чисто антропологический подход сегодня недостаточен, поскольку в начале нынешнего века происходит болезненная актуализация идентичности, принадлежности к своей культуре, к своей религии. Она не укладывается в рамки того, что принято называть *modernity*, но это и не модный ныне постмодернизм. Обостренное чувство собственной идентичности и отторжение идентичности чужой, не девиация, а, во-первых, естественный и неизбежный ответ на столь же естественную глобализационную тенденцию; а во-вторых, следствие многочисленных конфликтов в разных частях мусульманского мира при вмешательстве в его внутренние дела Запада и России. Добавим, что и глобализация, и конфликтные ситуации оказываются нескончаемым процессом, который может растянуться на долгие десятилетия. В таком контексте XXI век может оказаться не менее напряженным, чем XX-й.

---

¹⁹⁶ Ibidem...

¹⁹⁷ Kira Preobjrazhenskaya. Constructing identity in the context of globalization and the erosion of traditional norms. [Http://docresearch.org/en/consructing-identity-context-globalisation-erosion-traditional-norms/](http://docresearch.org/en/consructing-identity-context-globalisation-erosion-traditional-norms/)

Одним из последствий сложившейся ситуации стала еще совсем недавно казавшаяся невозможной популярность в Европе национал-популистских партий, движений, отдельных политиков, выступающих в защиту коренной – культурной и религиозной идентичности. Непосредственным поводом к этому послужил рост мусульманской миграции.

Такие партии трижды – в 2010, в 2014 и 2018 гг. побеждали на парламентских выборах в Венгрии, глава одной из них – Христианско-демократической народной партии Виктор Орбан, который годами остается премьером, призвал остановить исламскую экспансию, подчеркнув, что «если ЕС не пересмотрит свою миграционную политику, это грозит размыванием христианских ценностей и крахом европейской цивилизации.» «Западная Европа уже стала зоной сосредоточения миграции, мультиэтническим миром, и он движется к совершенно новому будущему...», – добавил он¹⁹⁸. Следуя этой логике, Запад и Восток Европы действительно должны развиваться разными путями?

В Австрии пост федерального канцлера с декабря 2017 г. занимает лидер Австрийской народной партии Себастьян Курц (в середине прошлого века в ее формировании принимали участие бывшие члены НСДАП и солдаты вермахта). В 2016 г. на выборах президента Австрии лидер крайне правой Австрийской партии свободы Норбер Хофер, хотя и не одержал победы, тем не менее собрал 46,4% голосов¹⁹⁹. Австрия может считаться барометром европейского политического процесса.

В апреле – мае 2017 года на выборах президента Франции лидер национал-популистского Народного фронта Марина Ле Пен в первом туре этих выборов 23 апреля 2017 года набрала 21,3%, заняв второе место и выйдя таким образом в следующую тур. Далее она уступила первое

---

¹⁹⁸ Пудовкин, Евгений. Орбан призвал остановить исламскую экспансию // Независимая газета, 21.02.2018.

¹⁹⁹ Ультраправый кандидат признал поражение на выборах в Австрии // Русская служба BBC. 2016. 4 декабря. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38202728>

место центристу Эмманюэлю Макрону, однако за нее проголосовало 33,94% избирателей.

В марте 2017 г. на парламентских выборах в Нидерландах крайне правая партия Свободы заняла второе место (20 мандатов), уступив первенство лишь право-либеральной Народной партии за свободу и демократию премьер-министра Марка Рютте (33 мандата).

На майских 2017 г. выборах в парламент самой густонаселенной в Германии земли Северный Рейн-Вестфалия, которые расценивались как «генеральная репетиция» выборов в федеральный парламент, за национал-популистов из партии «Альтернатива для Германии» проголосовало 7,4%. Но уже в сентябре того же года на общегерманских выборах она добилась по одномандатным округам 11,5, а по партийному списку 12,6%, получила 94 мандата и стала третьей по численности парламентской партией, уступая только ХДС и СДПГ.

В Италии на парламентских выборах в марте 2018 г. одержала верх правоцентристская коалиция, получившая 260 депутатских мест, в составе которой – две национал-популистские партии «Лига Севера» (110 мест) и «Братья Италии» (32 места). Созданная бывшим приверженцем коммунистов Умберто Босси «Лига Севера» выступает за запрет арабам, африканцам въезда в Италию.

Борьба против миграции сочетается с критикой либерализма, поскольку либералы призывают к терпимому отношению к мусульманским «чужеземцам». Как пишет российский публицист Леонид Млечин, «внутри Европейского Союза – это конфликт между Востоком и Западом. Или, точнее, между двумя версиями национализма»²⁰⁰. Однако мы имеем дело не с национализмом как таковым, и речь идет не о «Западе и Востоке» вообще. Главный вектор агрессивности направлен конкретно на мусульман.

В Европе происходит множество событий и эпизодов, отражающих негативное отношение европейцев

---

²⁰⁰ Млечин, Леонид. «Итальянский Сталинград» пал // Новая газета, 08.04.2018.

к мусульманам-мигрантам, информация о чем систематически появляется в средствах массовой информации. (В российских СМИ подобные сообщения печатаются намного реже. В каком-то смысле они компенсируются регулярными известиями о ликвидации экстремистских групп и предотвращении терактов. При этом религиозная принадлежность террористов не указывается, хотя читатель легко догадывается, о ком идет речь).

Например, в Германии, где сложилось движение «Европейцы-патриоты» против исламизации Запада»²⁰¹, в 2017 г. было зафиксировано 950 выступлений против мусульман, в том числе поджоги мечетей. В Берлине в марте 2018 г. подожжена мечеть Кока Синан. Турецко-исламский союз религиозных учреждений (Diyanet Islari Turk-Islam Birliđi) обратился к властям с требованием обеспечить безопасность мечетей. (По другой версии, поджог Кока Синан был делом рук курдов.)

В 2009 г. право-националистические партии Швейцарии выступили с инициативой провести референдум о запрете строительства минаретов. По результатам референдума, в ходе которого 57,5% участвовавших в нем жителей этот запрет поддержали, он был принят. Проблемы со строительством мечетей неоднократно возникали в России, в том числе в Москве. Против новых мечетей выступали как жители, так и местная администрация. В 2018 г. в Дании 75% депутатов парламента выступили за запрет ношения в публичных местах бурок и никабов.

В 2018 г. 60 тыс. поляков вышли в Варшаве на шествие «Зиг хайль! Смерть врагам отечества», на котором некоторые демонстранты выкрикивали антиисламские лозунги. Глава МВД Польши назвал марш «прекрасным событием»²⁰².

В 2015 г. один датчанин сжег во дворе своего дома Коран и выложил ролик в Facebook, сопроводив это

---

²⁰¹ Скрыльников, Павел. Германию захлестнула волна атак на мечети // Независимая газета, 13.03.2018.

²⁰² Млечин, Леонид. Волки за дверью // Новая газета, 31.01.2018.

подписью «да – свободе, нет – исламу». Власти обвинили его в богохульстве, но в июне 2017 г. Закон о богохульстве был отменен²⁰³. В Голландии глава местной «Партии Свободы» Герт Вилдерс сравнил Коран с гитлеровской «Mein Kampf» и заявил, что изгнал бы пророка Мухаммада из Голландии, живи он там в наше время.

В 2009 г. в Австрии двое местных жителей называли Пророка Мухаммада педофилом, за что в соответствии с австрийским Уголовным кодексом были признаны виновными в поношении религиозных учений. В 2009 г. за аналогичное оскорбление пророка был приговорен к штрафу в 330 евро правый финский политик Юсси Кристиан Халлавахо. (Как курьез, приведем случай, когда в Австрии виновным в поношении религии был признан домовладелец, который, подстригая лужайку, подражал пению муэдзина.)

В Великобритании некто Даррен Осборн наехал на своем автомобиле на прихожан мечети «Финнсбери парк» в Лондоне. Когда затем прохожие тащили Осборна по асфальту в сторону от мечети, он кричал «Убейте меня, я хочу убить всех мусульман!». (Мечеть была убежищем для террористов и боевиков с 1990-х, с 1997 по 2003 гг. там проповедовал идеолог «Аль-Каиды» египтянин Абу Хамза аль Масри, благославивший теракты в Буйнакске, Волгодонске и Москве. В 2004 г. Масри был арестован и в 2012 передан американцам²⁰⁴.)

В Австралии депутат местного парламента, лидер партии «Одна нация» Полин Хэнсон пришла на заседание в никабе. Сняв затем никаб, она заявила, что его ношение должно быть запрещено. Однако генеральный прокурор страны счел ее поступок издевательством над религиозными традициями, а оно недопустимо²⁰⁵.

---

²⁰³ Скрьльников, Павел. Дания открыта для богохульства и терактов // НГ-религии, 21.06.2017.

²⁰⁴ Приймак, Артур. Исламофоб пошел по следам «аль-Каиды» // НГ-религии, 21.06.2017.

²⁰⁵ Ас-Салам, Махачкала, 2017. № 17.

В Соединенных Штатах на рейсе авиакомпании Southwest Airline пассажир Хайрутдин Махзуми, студент, беженец из Ирака заговорил по-арабски и невзначай произнес «инш-алла», что означает «дай Бог», за что, по требованию пассажиров, которые сочли, что в этом выражении содержится «потенциальная угроза», был высажен из лайнера. Как писала «Нью-Йорк Таймс», на высоте 30 тыс. футов арабский язык «стал для пассажиров кошмаром»²⁰⁶. В 2017 г. президент США Дональд Трамп в полном соответствии с позицией пассажиров боинга принял указ о запрете въезда в его страну гражданам из некоторых мусульманских стран²⁰⁷. И его позицию приветствовали многие в западной и особенно в восточной Европе.

И наконец, в июле 2011 г. норвежец Андерс Беринг Брейвик устроил взрывы в Осло и напал на молодежный лагерь, в результате чего погибли 77 чел. и 151 чел. ранен. Молодой крайних взглядов националист (его еще называли «протестантский фундаменталист») Брейвик неоднократно повторял, что «мусульмане разрушают европейское общество»²⁰⁸. Каких бы взглядов ни придерживался Брейвик – от религиозного фанатика до приверженца президента России Владимира Путина (что он не отрицал), – мотивацией его преступления была исламофобия.

По выражению директора Центра европейских реформ Charles Grant, вопрос о миграции «останется токсичным и в будущем»²⁰⁹. Однако это эффективное определение не полностью отражает складывающуюся ситуацию. Миграция сегодня есть новая форма движения народов и

---

²⁰⁶ Цит. по: www.islam.ru/content/obshestvo/48499

²⁰⁷ Wajahat Ali. The All-American inshallah // International New-York Times. 23–24.05.2016.

²⁰⁸ ru-wiki.org/wiki/Брейвик_Андерс_Беринг

²⁰⁹ Пудовкин, Евгений. Орбан призвал остановить исламскую экспансию // Независимая газета, 21.02.2018.

культур, это движение в социальном и географическом пространстве, свидетельствующее, что ни одно общество не может отгородиться от этого болезненного процесса. Мигрантами можно, хотя и с большой долей условности, считать и гуннов, и монголов, и более ранних кочевников, которые вторгались в иные цивилизационные ареалы, разрушали их, но и сами неизбежно постепенно менялись, частично воспринимали их культуру. Пришельцы и аборигены взаимоадаптировались. Французский демограф Клод-Франсуа Шене сказал, что история миграций – «дайджест всемирной истории».

О «мобильности перемещения» (Mobility transition) в 1970-х писал американский географ Ульрих Зелинский. По данным ООН, число международных мигрантов ныне составило 258 млн чел., что на 100 млн больше, чем в 1990 г. В 2017 г. из 7,6 млрд населения Земли только 1,2 млрд чел. живут в богатых странах, где годовой ВВП превышает 12 тыс. долл. С 1950 по 2015 г. городское население в развивающихся странах выросло в 10 раз – на 2,7 млрд. За 1950–2015 гг. в страны с высоким доходом переселилось 126 млн чел., с конца XXI века, по прогнозу ООН, переселится еще 184 млн²¹⁰. Миграция будет продолжаться, и одной из самых острых проблем останется мусульманская миграция.

Разумеется, нельзя сводить отношения между мусульманским миром и его соседями к миграции, однако без ее учета разобраться в этих отношениях невозможно. Позитивное взаимопонимание не сформировалось. Разработанные модели ассимиляции, адаптации, мультикультурализма оказались неэффективными. Кто виноват больше – приезжая или принимающая сторона, – говорить бессмысленно. Обоюдное недоверие сохраняется, и жить нам в этих условиях придется еще неопределенно долгое количество времени.

---

²¹⁰ Вишневский, Анатолий. Чем опасен глобальный миграционный переход // НГ-сценарии, 23.01.2018.

С другой стороны, нельзя отрицать и желания многих политиков это недоверие преодолеть. Это желание является одновременно искренним, гуманистическим – и прагматичным, даже конъюнктурным. В нем угадывается и стремление снять напряженность, и добиться спокойствия для собственной страны. Пока получается с трудом. Тот, кто добьется перелома, достоин Нобелевской премии. Но кандидатов на нее все еще не видно.

В 2009 г. президент США Барак Обама выступил с речью (названной в мусульманских СМИ «исторической»), в которой попытался сформулировать новые отношения между США и мусульманским миром, в частности, сказав о необходимости совместной борьбы против терроризма и экстремизма, о праве Ирана на мирную атомную программу и т.д. Аналитик «Радио свобода\свободная Европа» Роберт Фиск (Robert Fisk) отмечал, что «речь Обамы способна залечить вековые раны»²¹¹. Обама говорил как бы от лица всего западного мира, тем самым косвенно разделяя ответственность за колонизацию европейцами мусульманских стран, что выглядело преувеличенно. Тогда на это мало кто обратил внимание.

Речь была действительно впечатляющей, пусть и наивной, хотя бы потому, что выстраивание отношений между одним государством (США) и состоящим из десятков стран мусульманским миром (или цивилизацией) вряд ли возможно. Позиция Обамы созвучна ориенталистским взглядам. «Ориенталистская идея заключается в том, что ислам является монолитным блоком, простирающимся от Марокко до Кувейта, что его базовые концепты фиксированы, неизменны и составляют ключевые элементы политического дискурса, что соотносится с неоориентализмом»²¹².

Выступление американского президента было эффективной, изящной декларацией, которая таковой на деле и осталась. Речь Обамы в Каирском университете не стала

---

²¹¹ Radio Free Europe/Radio Liberty <https://inosmi.ru.world/20090605/249654.html>

²¹² Anders Strindberg and Mats Warn. Islamism. Cambridge, UK, 2011. P. 11.

поворотным пунктом в американско-мусульманских отношениях. В 2011 г. началась «арабская весна», гражданская война в Сирии, появилось Исламское государство. Все это обесценило благие намерения Обамы и лишней раз подтвердило невозможность выработки полноценной стратегии отношений между Америкой и шире – Западом и мусульманской уммой.

Сменивший в 2016 г. Обаму Дональд Трамп усугубил недоверие между мусульманами и Америкой. По-своему он действовал вполне логично, поскольку в отличие от Обамы не воспринимал мусульманский мир как общность и выстраивал межгосударственные отношения. Трамп игнорировал вопрос об отношениях между цивилизациями, зато четко определил мусульманский мир, ислам как нечто чужое.

Вскоре после прихода к власти Трампа надежды на качественные перемены в отношениях между США и мусульманским миром иссякли. Эксперты стали утверждать, что Трамп обостряет конфронтацию между мусульманами и Америкой и чуть ли не провоцирует войну между ними. «Его громкий посыл, что сам по себе ислам представляет угрозу Америке, был услышан во всем мире ...». Доктрина Трампа заключается в «войне против ислама», писал бывший глава Антитеррористического комитета Совета безопасности ООН Джереми Гринсток (Sir Jeremy Greenstock), добавив при этом: «Я не думаю, что исламский терроризм представляет экзистенциальную угрозу западной демократии. Проблемы западной демократии заключаются в другом – популизме, негативной реакции на глобализации, фрагментации политических культур ...»²¹³. С этим мнением можно согласиться, однако в то же время именно пришедший с мусульманского Востока терроризм поставил перед западным обществом вопрос о необходимости ограничения демократических норм, поскольку привычная

---

²¹³ David Shariatmadari. Trump launches war on Islam // The Guardian weekly, 09.02.2017. P. 3.

демократия оказалась неспособной гарантировать безопасность граждан.

В этом контексте перемены в сегодняшнем западном обществе вызывают осторожные ассоциации с эпохой Крестовых походов, которые также оказали влияние на развитие Европы. Они привели к ослаблению рыцарства, укрепили власть тогдашних монархов, ослабили влияние Ватикана. Иными словами, столкновение с мусульманским миром оказало немалое влияние на Европу. Отсылка к Крестовым походам покажется натяжкой, но то, что это «столкновение цивилизаций» оказало влияние на христианский мир, сомнения не вызывает. Но, так или иначе, но в XXI в. стоит вопрос о том, насколько эффективна западная политическая и общественная система при жесткой встрече с иной культурой. И очевидно, что эта система будет меняться.

«Исламская угроза» носит инструментальный характер. Как отмечал в 2006 г. американский эксперт Фредерик Грэйер (Frederic Grare), «западные правительства подчеркивают собственные интересы, взывая к исламистской угрозе, чтобы оправдать свою поддержку военных режимов»²¹⁴. (Grare пишет об *исламистской* угрозе, но для Запада в данном контексте оба эти понятия де-факто тождественны.) Правда, во втором десятилетии XXI в. на Западе появилось ощущение, что авторитарные режимы в мусульманском мире, прежде всего на Ближнем Востоке, начинают исчерпывать свой потенциал, а на смену им вполне могут прийти некие демократические системы. Но ход событий на Ближнем Востоке подтвердил ту истину, что альтернативой авторитарному правлению становятся исламисты, или оно восстанавливается, но уже при других лидерах. В противном случае наступает хаос.

Российский подход к политическим системам в мусульманском мире последователен и повторяет позицию

---

²¹⁴ Frederic Grare. Pakistan: The Myth of Islamist Peril. Policy brief. Carnegie Endowment for International Peace. # 45, February 2006.

СССР: Москва готова иметь дело с любой властью, никак не влияя на характер режима. Она практически не вмешивается во внутривнутриполитические коллизии, в том числе в бывших постсоветских мусульманских республиках. Одной из причин этого является недостаточность ее политического влияния.

Но и Европа, и США сотрудничают с мусульманскими режимами, в том числе консервативными, оставляя за скобками цивилизационные различия. Зато когда межгосударственные отношения обостряются, эти различия сразу выходят на поверхность. Срабатывает эффект «двойственности» уммы, наличия в ней исламского мира. При обострении напряженности немедленно возрастает роль «религиозного фактора», становящегося основным побудительным мотивом ксенофобии, антивестернизма.

Отношение Европы, США, России к мусульманскому миру спокойнее, чем к исламскому, который воспринимается как потенциально агрессивный, поскольку он оказывается рассадником религиозного радикализма. В то же время европейцы, американцы, россияне чувствуют латентную солидарность умеренных мусульман с их радикальными, экстремистски настроенными единоверцами. Не секрет, что 11 сентября отмечалось многими мусульманами как своего рода «праздник победы». Восторг публично проявлялся мусульманами в Каире, Дамаске, Иерусалиме, Исламабаде, Триполи, а еще в мусульманских кварталах некоторых европейских и американских городов. В России 11 сентября воспринималось многими мусульманами с пониманием и рассматривалось как «возмездие Америке», заслужившей наказание за оскорбление ислама, за свою агрессивность, за попытки установить контроль над остальным миром.

Признавая, что отношение к исламу и мусульманам на Западе остается «сдержанно-подозрительным», этот негатив не следует абсолютизировать. По данным того же PEW Center, 64% французов, 56 – британцев, 52 – немцев,

46 – немусульман Нигерии, 44 – американцев, 43 – испанцев, 35 – индийцев, 22% россиян считают мусульман честными, а 63% – французов, 55 – немусульман Нигерии, 40 – немцев, 34 – британцев, 31% немусульман Индии, 29 – испанцев, 26 – американцев, 24% россиян – великодушными²¹⁵.

Разумеется, цифр для констатации межцивилизационного благодушия, выстраивая на их основании оптимистические выводы о взаимопонимании, недостаточно. Однако они свидетельствуют о взаимном привыкании, о том, что принадлежащие к разным культурам люди стремятся избегать крайних форм ксенофобии, настроены на диалог.

Ислам, мусульмане, становятся не только социокультурной частью немусульманского общества, но и его бытовым сегментом. В суэту европейских городов вписались турецкие, палестинские, ливанские забегаловки. Доннеркебабы и фалляфили готовят в Швеции и Австрии, не хуже, чем в Анкаре, Бейруте и Иерусалиме. В центре Осло на площади Совета Европы есть закусочная с космополитическим названием «Викинг кебаб». И местных викингов это не смущает. В православной России действует сеть ресторанов и кафе «Чайхона № 1», где подают восточные «мусульманские блюда». Парадокс в том, что ее основатели – славяне Алексей и Дмитрий Васильчуки, которые профессиональным чутьем угадали изменяющиеся вкусы общества (не только мигрантов) и, пусть и покажется слишком выпендренно сказанным, таким образом развивают диалог цивилизаций. Желудок – один из самых надежных путей к такому диалогу.

В подтверждения этого тезиса можно привести Китай, где при фантастическом многообразии местной кухни успешно работают американские «Макдональдсы» и рестораны европейской кухни, и эти заведения всегда полны.

---

²¹⁵ <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/>

Зато в Германии в некоторых закусочных перестали подавать сосиски и колбасу с примесью свинины. И это при том, что в стране полно халяльных ресторанов и магазинов. Наверное, это излишне, поскольку выглядит уступкой одной культуры (пищевой) другой.

Житель Стокгольма в августе 2017 г. был оштрафован за то, что ел бекон на глазах у мусульман. Мужчина делал это в пригородном поезде перед мусульманками в хиджабе. Они перешли на другое место, а он пошел за ними. Его обвинили в оскорбительном поведении, в возбуждении ненависти по национальному и расовому признаку. Штраф составил 9 тыс. крон (1120 долл.), плюс каждой из них он должен был выплатить по 5 тыс. крон (630 долл.)²¹⁶. Этот случай трактуется двояко: идет ли речь об антипатии к мусульманам или о том, что шведское государство стоит на защите их прав?

Глава Министерства внутренних дел ФРГ, член ХДС Thomas de Meziere считает, что последний день Рамадана может быть объявлен в Германии выходным днем. Он предполагает, что это можно сделать в тех районах страны, где проживает много мусульман. Центральный совет мусульман ФРГ это предложение поддержал. В пятницу многие мусульмане и так не выходят на работу, и их добровольно замещают немцы. В Берлине, Гамбурге, Бремене уже принято решение, что школьники-мусульмане освобождаются от посещения уроков в дни мусульманских праздников²¹⁷.

В Бельгии, между прочим, первой европейской стране, где в 2010 г. был принят запрет на ношение никаба и другой одежды, не позволяющей идентифицировать личность человека, в школьные календари стали вноситься изменения в названия праздников с целью избежать их религиозной привязки. Так, рождественские каникулы были переименованы в зимние каникулы, пасхальные – в весенние, а масленица – в отпуск.

---

²¹⁶ <https://news.mail.ru/society/30866463/>

²¹⁷ Вейден, Алекс. Рамадан для всей Германии? // Русский Берлин. 23–29.10.2017.

С одной стороны, все это можно считать проявлением терпимости, готовности к диалогу с мусульманами. Однако многими такие случаи интерпретируются как страх перед исламом, готовность идти на любые уступки, что только поощряет мусульманских радикалов.

Член Европейского парламента от немецкой Партии зеленых Джем Оздемир (Gem Ozdemir) считает, что «мусульмане нуждаются в создании на Западе мусульманского среднего класса. Успешный средний мусульманин будет завоевывать уважение западников»²¹⁸. Такой класс уже появляется. И не просто появляется, но уже принимает участие в политической деятельности. Мусульмане заседают в парламентах, в том числе в Европейском парламенте, занимают ответственные административные посты. 5 депутатов-мусульман в 2014 г. избраны в немецкий Бундстаг (раньше их было только 2). В Великобритании 15 мусульман – в Палате лордов и 8 – в Палате общин. В Нидерландах в 2017 г. в парламент впервые прошла партия DENK (в переводе с турецкого «равенство»), которая представлена 3 депутатами. Показательно, что антимигрантски настроенная партия не была допущена к формированию нового коалиционного правительства, так как ведущие партии Нидерландов еще до выборов заявляли, что не будут сотрудничать с крайне правыми национал-популистами²¹⁹. В 2013 г. 3 мусульманина были избраны в парламент Бельгии.

В 2016 г. мэром Лондона стал лейборист, белуджи Садик Хан, избрание которого может считаться свидетельством, что для голосовавших за него лондонцев большее значение имели его деловые качества, чем конфессиональная принадлежность.

---

²¹⁸ Clash of civilizations: Who is to blame? // International Herald Tribune, 22.06.2006.

²¹⁹ Агапова, Анна Тест для ЕС: что ждет крайне правых на выборах в Нидерландах // РосБизнесКонсалтинг. 2017. 14 марта. URL: http://www.rbc.ru/politics/14/03/2017/58c7c8f99a794709492ea31f?utm_source=detailed

(Если бывший нападающий сборной Франции алжирец Зинеддин Зидан выставит свою кандидатуру на президентских выборах, то проход во второй тур ему обеспечен.)

Что касается России, то ситуация здесь в чем-то схожа с европейской, а в чем-то от нее отличается. Главное отличие состоит в ее исторической поликонфессиональности: ислам для российского общества не чужой, не пришедшая религия. В местах компактного проживания мусульман, прежде всего на Северном Кавказе и в Поволжье, после распада СССР они получили право соблюдать религиозные традиции (если те не вступают в противоречие с государственным законодательством). Конечно, нестыковки между отдельными нормами светского и официального законодательства имеют место. И все же светским и исламским институтам удается сосуществовать параллельно. Между религией и светской властью сложился консенсус, который последняя нарушать не склонна.

На Северном Кавказе открыто действуют шариатские суды. Надо признать, что их появление связано не столько с приверженностью к религиозной идентичности, сколько с недееспособностью, а главное, коррупционностью светских судов: шариатский же суд разбирается быстрее и справедливее не только в сфере семейного права, но и в таких сложных проблемах, как землепользование и вопросы о наследстве. По данным социологических опросов, в Дагестане 38,6% респондентов доверяют разрешение конфликтных ситуаций шариатскому судье и муфтияту²²⁰. В остальных мусульманских субъектах это процент ниже, однако автору известно немало случаев, когда мусульмане других северокавказских республик, а также Татарстана также обращались в шариатские суды. В 2014 г. в Москве с помощью шариатского суда был восстановлен мир между двумя враждовавшими группировками, члены которых были выходцами из разных мусульманских этносов.

---

²²⁰ Боброва, Ольга. Россия надевает хиджаб // Новая газета, 26.03.2018.

Проблемой остается полигамия, которая несовместима со светским законодательством. Формально вопрос о многоженстве не имеет решения, которое устраивало бы все стороны. Однако де-факто такое решение найдено, и в мусульманских регионах полигамия существует открыто, известно крайне малое количество судебных дел, касающихся такого рода нарушений прав женщин. В Дагестане одобрительно о полигамии высказались 26% девушек²²¹.

В ряде мусульманских субъектов РФ соблюдаются пищевые запреты. Например, в Чечне, алкоголь и свинину в ресторанах не подают, или подают только посетителям «немусульманской внешности». В магазинах алкоголь доступен также только для «гостей республики». В Дагестане в начале 2000-х гг. спиртные напитки почти не продавались, многие магазины и даже знаменитый «Музей коньяка» были сожжены фанатиками, а универмаги, где их можно было приобрести, имели специальную охрану. Правда, в последние годы отношение к алкоголю стало более терпимым.

В законодательных органах российской власти – Совете Федерации и Государственной думе заседают десятки мусульман. Все они являются членами различных партий, и стремление к консолидации по религиозному признаку в XXI в. не наблюдается. Идея образования в Госдуме отдельной мусульманской фракции витала во второй половине 1990-х гг. В 2002 г. возникла Евразийская партия России, которую инициировали мусульманские политики, особую активность проявил депутат, глава влиятельного в то время Исламского культурного центра Абдул Вахед Ниязов, а также председатель Центрального Духовного управления мусульман Талгат Таджуддин, однако успехов эта партия не добилась и просуществовала на политической сцене всего несколько месяцев. Не обрела Евразийская партия заметной популярности и авторитета среди рядовых мусульман.

---

²²¹ Там же.

Наконец, не столь болезненно, как в Европе, воспринимается в России вопрос мусульманской миграции. Россия – наследница Советского Союза, и мусульмане не столь чужды ей, как Европе. Здесь тема «исламизации» обсуждается мало, хотя отношение к исламу славянского большинства достаточно осторожное. В обществе постепенно зреет понимание того, что в условиях демографического кризиса, уменьшения населения в стране, в том числе его трудоспособной части, прием мигрантов остается едва ли не единственным выходом. Можно сказать, что мусульманская миграция вписалась в российский мир, а поведение мигрантов не столь вызывающее, сколь в Европе.

Как будет развиваться миграционный тренд далее, предсказывать сложно. Все зависит от численного роста мигрантов (а он ожидается очень большим) и качественных изменений в их натуре и поведении. Будущий «средний мигрант» может оказаться как более адаптируемым к условиям страны пребывания, так и более агрессивным. Здесь, кстати, немало зависит от того, какой будет обстановка в мусульманском мире и как будут складываться отношения мусульман с их соседями.

Несмотря на претензии России на некий «промежуточный евразийский статус», т.е. место между Западом и Востоком, на антивестернистский тренд в ее внешней политике и официальной идеологии (чему свидетельство – ее ассоциированное членство в Организации Исламского Сотрудничества), в глазах мусульман она однозначно остается частью Европы, христианской цивилизации, и недоверие к ней со стороны мусульман сохраняется. Оно возросло после советской интервенции в Афганистане и чеченских войн. Также среди части мусульман бытует мнение, что борьба против религиозного экстремизма, в частности против ИГ, есть «война против ислама».

Со своей стороны Россия неустанно демонстрирует свои симпатии к мусульманам, выставляет себя защитницей их интересов. Она член международной Организации

Исламского сотрудничества. Неоднозначен ее подход к исламу. Официальный взгляд Москвы на исламизм может отличаться от ее отношения к тем или иным исламистам. Исламизм как религиозная идеология ей чужд. В то же время Россия сотрудничает с иранским руководством, взаимодействует с Ираном в сирийском конфликте. У нее сложились устойчивые контакты с палестинским ХАМАСом, члены руководства которого (в частности, его бывший глава Халед Машааль) неоднократно посещали Москву. В 2017 г. на одном из российских телеканалов посол РФ в Израиле Александр Шеин обиженно заметил, что Россия вообще не считает ХАМАС и «Хизбаллу» террористическими организациями²²². В Москве с пониманием отнеслись к египетским «Братьям-мусульманам», запрещенной в России организации, когда выходец из нее Мухаммад Мурси в 2012 г. стал президентом Египта. В 2013 г. в Сочи он встречался с Владимиром Путиным и сказал, что хотел бы установить с Россией политический союз. (В 2012 г. Мурси был свергнут, отдан под суд, а «Братья-мусульмане» так и остались запрещенной в Египте организацией.)

В то же время Москва не приемлет их сирийских и ливийских единомышленников, причисляя их к террористам. И это объяснимо, поскольку в Сирии «Братья» борются против Башара Асада, а в Ливии они в 2011 г. принимали участие в свержении пользовавшегося поддержкой Москвы тогдашнего лидера страны Муаммара Каддафи.

Россия контактирует с представителями афганского движения «Талибан». В 2016 г. директор второго департамента МИДа РФ, специальный представитель Президента РФ по Афганистану Замир Кабулов заявил, что «Россия готова перестать считать эту организацию террористической», а «часть талибов искренне считает себя патриотами страны...»²²³. В 2017 г. в американских и европейских СМИ

---

²²² <http://gordonua.com/news/worldnews/posol-rf-v-izraile-rossiya-ne-schitaet-hezbollah-hamas-terroristami-video-192761.html>

²²³ <https://cont.ws/@dyadzka/254922>

появилась информация о том, что Россия продает талибам оружие. Одна из причин этого – ослабить позиции ИГ, против которого сражаются талибы²²⁴. Численность боевиков ИГ в Афганистане колеблется от 1,5 до 10 тыс.

Повлекшая за собой взлет исламизма «арабская весна» поначалу трактовалась в Москве как следствие спланированного вмешательства в ближневосточные дела Запада. Близкие к Кремлю политологи и СМИ, особенно контролируемые государством телеканалы трактовали ее в сугубо конспирологическом духе, как заговор Запада во имя своих корыстных интересов, а также для устранения России из ближневосточного региона. Но своих целей западные державы так и не достигли. «Мне кажется, – говорил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, – что наши западные коллеги, включая США, находятся в определенной растерянности. Они посеяли ветер, а пожинают бурю. Мы делаем все, чтобы эту бурю остановить»²²⁵.

Чуть позже в российской внешнеполитической доктрине обозначился более глубокий «академический» подход к региональной ситуации. В принятой в 2013 г. «Концепции внешней политики РФ» события в регионе трактовались, в том числе, уже как стремление народов «вернуться к цивилизационным корням», и констатировалось, что «политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения исламских ценностей»²²⁶. Любопытно, что нечто подобное звучало еще в советские времена в связи с исламской революцией в Иране. В «Отчете Центрального комитета КПСС XXVI съезду...» говорилось об «уважении коммунистов к религиозным убеждениям людей, исповедующих

---

²²⁴ Understanding the Russia-Taliban Connection by Samuel Ramani // The Diplomat. 04.08.2017. <http://thediplomat.com/2017/understanding-the-russia-taliban-connection/>

²²⁵ «Перезагрузка» не может продолжаться вечно: Интервью Сергея Лаврова Елене Черняк // Коммерсантъ, 03.10.2012.

²²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации.

ислам и другие религии... Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе самый недавний»²²⁷. Мы привели столь пространную цитату, которая, заметьте, сохраняет свою актуальность и сейчас, чтобы показать, что еще в начале 1980-х гг. в СССР задумывались об исламе как о серьезном политическом факторе. Фактически же речь шла об исламизме. (Цитата появилась в партийном документе в связи с исламской революцией в Иране. Тогда, как и сегодня, Москва рассчитывала на улучшение отношений с этой страной и предпринимала усилия для их укрепления.)

В Концепции внешней политики РФ было сказано о «межцивилизационных разломах» (выражение не менее пугающее, чем «столкновение цивилизаций»), которые необходимо предотвращать²²⁸. Однако устранить «разломы» из жизни человечества, в том числе из геополитики, вряд ли когда-нибудь удастся. Относится к ним следует со спокойствием, не пугая себя неизбежностью апокалипсиса, но предотвращая их потенциальное расширение. Межцивилизационное трение из-за глобализации, сопротивление которой – культурное, религиозное, политическое – будет нарастать, присутствовало на протяжении всей истории. «При соприкосновении культур и цивилизаций, – пишет российский востоковед Александр Соловьев, – доминирующим нарративом и сегодня остается конфликтный (потенциально конфронтационный). Современный диалог – по большей части прощупывание оппонента, поиск его уязвимых мест, провокация на необдуманные шаги и заявления, чтобы поймать на оплошности и припечатать заранее подготовленным контраргументом»²²⁹. Мы обречены

---

²²⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. Москва: Политиздат, 1981. С. 13.

²²⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета, 04.03.2013.

²²⁹ Александр Соловьев. В поисках собеседника: слабая сила диалога // Россия в глобальной политике. Том 16, № 1. Январь-февраль 2018. С. 55.

на поиск «цивилизационного оппонента». Заложенная в нас изначально жажда сберечь собственную цивилизационную идентичность, спасти ее от реальных и мнимых угроз остается навсегда. Она «переформатируется» от эпохи к эпохе.

Американский аналитик Грэм Фуллер (Graham Fuller) однажды задался вопросом: «Что было бы, если бы ислам никогда не существовал? Некоторым такая мысль была бы приятной: не столкновения цивилизаций, нет священной войны, нет террористов. Господствовало бы тогда в мире христианство? Был бы Ближний Восток мирным светочем демократии? Случилось бы 11 сентября? На самом деле уберите ислам из истории, и мир будет таким же, каким он есть сегодня»²³⁰.

Вопрос риторический. На первый взгляд, он звучит нелепо. Так же можно спросить и про христианство, про буддизм, про конфуцианство. По сути – это вопрос о предопределенности пути развития человечества.

Ислам внес полемику между монотеизмами, что привело к конкуренции между ними, а в итоге, между цивилизациями. Скажу больше, он привнес в эту конкуренцию долю ожесточенности. Но обвинять его в этом – бессмысленно. В борьбе за конечную истину, за конкуренцию между цивилизациями виноватых нет. Такова наша общечеловеческая история, которая есть комбинация нескольких «частных» цивилизаций.

Оценить ислам, исламскую цивилизацию можно через антитезу – Ислам versus Запад. Versus не означает противостояния, но стремление соразмерить их, уравнивать оба феномена онтологически. С Западом все понятно: он – субстрат истории, политики, культуры и христианской религии. Тут важен союз «и», который подчеркивает, что религия есть *часть* Запада. Ислам – больше, чем религия, он – образ жизни, в котором нет деления между религиозным и мирским.

---

²³⁰ A World Without Islam by Graham Fuller // Foreign Policy. January/February 2008.

Живущий в Европе ученый, мыслитель Бассам Тибби считает, что «все версии современного ислама понимаемы только в контексте их противостояния с западной культурой... Конфронтация имеет политико-экономический и культурно-цивилизационный аспекты»²³¹. Тибби прав, поскольку разобраться в себе можно, лишь сопоставляя себя с другим. А такие сопоставления могут навести на грустные размышления. Начальник Отдела кадров в аппарате офиса генерального секретаря Арабской Лиги Хешам Юсеф полагает, что в плохих отношениях между Западом и мусульманским миром виноваты обе стороны. «Мы несем полную ответственность за неразвитость исламского мира. Это в основном наша ответственность, но за это также несет ответственность мировое сообщество»²³². Оспаривать эту позицию сложно, в ней много справедливого. Но все же можно спросить: каким бы остался мусульманский мир, если бы он не был колонизован, не испытал на себе воздействия Запада, а в Туркестане и на Кавказе – России?

Запад по-прежнему глядит на мусульман свысока, хотя публично это и не декларируется. В дебатах о будущей концепции мирового порядка, многополярности речь идет о США, Европе, России, Китае, но только не о мусульманах. Отношение к мусульманам снисходительное, как к младшему партнеру. Однако эта снисходительность сочетается со страхом перед радикализацией мусульманского мира, можно даже сказать перед исламским миром, воплощением которого является ислаимизм.

---

²³¹ Bassam Tibi. *The crisis of Modern Islam*. Translated by Judith von Sivers, Foreword by Peter von Sivers. University of Utah Press, Salt Lake City, 1988. P. 6.

²³² Clash of civilizations: Who is to blame? // *International Herald Tribune*, 22.06.2006.

Заключение.

Так чего нам все-таки ждать?

Каким будет мусульманский мир в 2050 году? Почему именно в 2050-м? Во-первых, потому, что этот год является серединой нашего столетия, а подводить полувековой юбилей нашего века будет уместно. Во-вторых, некоторые упомянутые в первой главе демографические прогнозы ориентированы именно на этот срок.

В-третьих, после стольких случившихся недавно «неожиданностей» возрастает значение долговременных прогнозов, поскольку работа над ними позволяет точнее предугадать события на ближайшие годы. И тогда экспертам не придется удивляться ни религиозно-политическим катаклизмам, ни устойчивости исламизма, ни очередному исламскому государству. Реакция на эти события и тенденции будет более адекватной и разумной.

(Те читатели, которые доживут до 2050 г., смогут проверить, в чем был прав, а в чем – нет автор этой работы.)

Итак, что впереди?

Численность мусульман превысит численность приверженцев остальных религий, что особенно важно, – христианской. Есть мнение, что по количеству мусульмане превзойдут христиан уже в 2025 г. Как отразится численное превосходство мусульман над последователями остальных религий, сказать сложно. Но скорее всего, это будет восприниматься ими как подтверждение неизбежного триумфа ислама, доказательство его превосходства над остальными цивилизациями.

Сохранится дуальность мусульманского сообщества, в рамках которого продолжат сосуществовать мусульманский и исламский миры. Диссонанс между ними усилится. Оба мира

будут расширяться географически, имеется в виду прежде всего их продвижение в Африке к югу от Сахары и в Европе.

Сохранится непреходящая важность исламской альтернативы, и будут предприниматься попытки ее реализации, причем в разных странах и регионах. Где конкретно, сказать невозможно. Все зависит от ситуации в каждой отдельно взятой стране. Нечто подобное может произойти в любой точке мусульманского мира – от Тихого до Атлантического океана.

Исламизм останется одним из определяющих факторов общественно-политического бытия мусульманского мира. «Исламский сектор сложен из множества групп, ассоциаций и движений, чья общая цель – поддержка и пропаганда исламской веры...», однако только лишь вопросами веры эти организации никогда не ограничивались и не будут ограничиваться. «Исламский сектор» – это не только часть гражданского общества, но также и фактор политики²³³. Исламизм еще более поляризуется на умеренное и экстремистское крыло. Первое окончательно впишется в мировой политический контекст, активность второго будет становиться все более угрожающей. Умеренные исламисты будут все настойчивее позиционировать себя в качестве исламских реформаторов. Т.н. исламский радикализм останется нечетко артикулированным *промежуточным* феноменом, а сами радикалы будут тяготеть – одни к умеренному, другие к экстремистскому направлению.

Высока вероятность появления нового исламского государства, созданием которого займутся как умеренные исламисты, так и экстремисты. Причем первые будут иметь шансы на успех и на международное признание.

К 2050 г. ослабнет воздействие на мировую экономику «нефтяного фактора». Потребность в «мусульманской нефти» сократится. Сумеют ли мусульмане ответить на

---

²³³ Amy Hawthorne. Is Civil Society the Answer? In: Uncharted Journey. Promoting Democracy in the Middle East. Carnegie Endowment for International Peace. Washington D.C., 2005. P. 85.

этот вызов? Но даже если им это и удастся, они лишатся своей исключительности, станут *рядовыми* участниками финансово-экономических процессов, а их влияние на остальной мир сократится.

Вряд ли к 2050 г. большинство мусульманских стран сумеет создать успешную экономическую систему, способную избавить их от постоянных социально-экономических кризисов. Тем более они не станут конкурентноспособными с Западом. Данное обстоятельство еще более усилит двойственное самоощущение мусульман: чувство «цивилизационного превосходства» будет соседствовать с комплексом неполноценности.

Каким образом в середине нашего века будет выглядеть диалог между цивилизациями? Ныне такому диалогу присуща декларативность, стремление уйти от острых проблем, без обсуждения которых он оказывается лишенным смысла. Обходить острые углы не значит их устранять. В XXI в. отношения между цивилизациями остаются непростыми. Взаимное отчуждение «воспроизводится..., консервируя конфликт ценностей и идентичностей»²³⁴. Мы обречены жить в таком конфликте. Нам всем предстоит сглаживать межцивилизационные трения.

В конце 40-х гг. прошлого века британский ученый Гибб (H.A.R. Gibb) писал: «История ислама в девятнадцатом и двадцатом столетиях есть история возрождения усилий по его изменению под влиянием двойного стимула – внутренних вызовов и растущей угрозы извне»²³⁵. Это высказывание Гибба сохранит актуальность в нашем веке.

Француз Andre Malraux как-то сказал: «XXI век будет религиозным или он таким не будет»²³⁶. Мусульманский мир религиозным будет.

---

²³⁴ Малашенко, Алексей. И все-таки они сталкиваются. Московский Центр Карнеги. Брифинг, ноябрь 2007. Том 9, выпуск 4.

²³⁵ Gibb, H.A.R. *Mohammedanism*. Oxford University Press, 1949. P. 165.

²³⁶ Sarkozy, Nicolas. *La Republique, les religions, l'esperance*. Les editions du CERF, Paris, 2004. P. 23.

Список использованной литературы

Монографии и статьи

Аль-Азхар и шииты / Автор предисловий и примечаний проф. Мухаммад Аммара; Фонд русско-арабских исследований и информации. Москва, 2015.

Васильев, А.М. Пуритане ислама? Москва: Наука, 1967.

Видясова, М. Джихад без войны / Институт стран Азии и Африки. Москва, 2012.

Глобализация и справедливость: Сб. статей под редакцией Н.С. Карабаева и В.И. Юртаева. Москва: РУДН, 2007.

Государственная политика в религиозной сфере: законодательные основы, концепция и «традиционный ислам» в Кыргызстане. Бишкек, 2016.

Жданов, Н. Исламская концепция миропорядка. Москва: Наука, 2003.

«ИГИЛ» это не ислам (сборник материалов в помощь имамам и государственным служащим). Екатеринбург, 2017.

Идрисов, У. 20 лет служения имамом. Бухарские воспоминания. Нижний Новгород: Издательский дом «Медины», 2007.

Изречения и афоризмы имама Хомейни. Тегеран, 1995.

Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. Москва: Изд. Совета муфтиев России, 2003.

Карин, Е. «Солдаты халифата»: мифы и реальность. Алматы: Издательский дом Власть, 2014.

Куделев, В.В. «Арабская весна»: марокканский феномен / Институт Ближнего Востока. Москва, 2017.

Люкимсон, П. Моисей. Москва: Молодая Гвардия, 2013.

Малашенко, А. Надо ли бояться ислама? Москва: Весь мир, 2017.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 39 томах. 2-е издание. Москва: Госполитиздат, 1955.

Материалы XXVI съезда КПСС. Москва: Политиздат, 1981.

Мировые религии в культуре, истории и политике. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017.

Монтаж и демонтаж постсекулярного мира / Под ред. А.Малашенко и С.Филатова; Московский центр Карнеги. Москва: РОССПЭН, 2014.

Ан-Наим, Абдуллахи Ахмед. На пути к исламской реформации: Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Москва, 1999.

Религии и радикализм в постсекулярном мире. Горячая линия – Телеком. Москва, 2017.

Степанова, Е. Терроризм в асимметричном конфликте. Москва: Новая книга, 2010.

Хакимов, Р. Где наша Мекка? Манифест евроислама. Казань: Магариф, 2003.

Хассан Хассан. «Исламское государство». Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды / Московский центр Карнеги. Москва, 2017.

Ницше, Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства. Ашхабад: Метбугат, 1990.

Чудинова, Е. Мечеть Парижской Богородицы. Москва, 2006.

Щегловин Ю.Б. Размышления о сирийском конфликте / Институт Ближнего Востока. Москва, 2018.

Юсеф, Мосаб Хасан. Сын ХАМАС. Москва: Изд. «Читай! Рид Групп», 2011.

Ajami, Fouad. The Arab Predicament. Arab Political Thought and Practice since 1967. Cambridge University Press, 1981.

Bauer, Alain; Rauf, Xavier. L'Enigme al-Qaida. Editions Jean-Claude Lattes, Paris, 2005.

Bayat, Asef. Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn. Stanford University Press, 2007.

Carothers, Thomas and Ottaway, Marina. The New Democracy Imperative // Uncharted Journey. Promoting Democracy in the Middle East. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C. 2005.

Cole, Juan. Engaging the Muslim World. Palgrave Macmillan. Printed in the USA, 2010.

Djait, Hichem. La personnalité et le devenir arabo-islamiques. Editions du Seuil. Paris, 1974.

Espósito, John L. Islam the Straight Path. Oxford University Press. New York, 1991.

Filiu, Jean-Pierre. Le nouveau Moyen Orient. Ed. Fayard. Paris, 2012.

Fradkin H. The History and unwritten future of Salafism. Current Trends in Islamist Ideology. Washington, 2008.

Grare, Frederic. Pakistan: The Myth of Islamist Peril // Policy brief. Carnegie Endowment for International Peace. # 45, Washington.

Hamzawy, Amr. The Key to Arab Reform: Moderate Islamists // Policy Brief. Carnegie Endowment. № 40. August 2005.

Hughes James. Chechnya. From Nationalism to Jihad. University of Pennsylvania press, 2007.

Hunter, Hensley J. Terrorism or Patriotism. Xlibris Corporation, USA, 2007.

Gibb H.A.R. Mohammedanism. Oxford University Press, 1949.

Juergensmeyer, Mark. Terror in the Mind of God. University of California press, 2000.

Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape / Edited by Shireen Hunter. Westport, Connecticut, London, 2002.

L'Islam. La Philosophie et les sciences. Unesco. Publie par l'organisation des Nations Unies. Paris, 1981.

Islamist movements and the Democratic Process in the Arab World: Exploring the Gray Zones // Carnegie papers. Middle East Series. Number 67, March 2006.

Karawan, Ibrahim. Violence and Strategic Choices: the Case of Islamist Militancy. Presentation et the 5th International Security Forum (ISF) Setting 21st Century Security Agenda, 14–16 October 2002, Zurich.

Kepel, Gilles. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. Editions Gallimard, Paris, 2000.

Khatib, Lina. The Islamic State's strategy: Lasting and Expanding. Carnegie Middle East Center. Paper, June 29.2015.

Lagendijk, Joost, Wiersma, Jan Marinus. Travels among Europe's Muslim Neighbors. The Quest for Democracy, Center for European Policy Studies. Brussels, 2008.

Lewis, Bernard. From Babel to Dragoman. Oxford University Press, 2004.

Pew Poll on Muslims\Western views of each other. Pew Research. Washington, 2008.

Preventing Nuclear Terrorism. Harward Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs.

Rashid, Ahmed. Taliban. Yale University Press. New Haven. London, 2001.

Rodinson, Maxime. L'Islam politique et croyance. Librairie Arthème Fayard, Paris, 1993.

Flemming, Rose. Tavshedens tyranny. Jiland-Postens Forlag. Dansik, 2010.

Roy, Olivier. L'echec de l'Islam politique. // Editions du Seuil. Octobre 1992.

Al Qaeda in its Own Words. Edited By Gilles Kepel and Jean-Pierre Milleli. The Belknap Press of Harward University Press, Originally published in Presse Universitaires de France, 2005.

Razoux, Pierre. Vers une nouvelle equation strategique en Mediterranee. Note de recherché strategique #1 – Janvier 2013. Institut de Recherche Strategique de L'Ecole Militaire. Paris, 2013.

Sarkozy, Nicolas. La Republique, les religions, l'esperance. Paris: Les editions du CERF, 2004.

Shibley, Telhami. The world through Arab Eyes. New York: Basic Books, 2013.

Sotola, Jiri. Osmnact Jerusalemu. – Praha: Ceskoslovensky spisovatel, 1986.

R.Stephen Humphreys. Islamic History. A Framework for Inquiry. I.b.Taurus &Co LTD. London; New York, 1991.

Stenger Victor. God: The Failed Hypothesis. New York: Prometheus Books, 2007.

Strindberg, Anders and Warn, Mats. Islamism. Cambridge, UK 2011.

Tibi, Bassam. The crisis of Modern Islam. Translated by Judith von Sivers, Foreword by Peter von Sivers. University of Utah Press, Salt Lake City, 1988.

Zizek, Slavoj. Violence. New York: Picador, 2008.

Khalafalla, Muhammad Ahmed. Muhammad wa al-quiwa al-mudada (Мухаммад и враждебные ему силы). Каир, 1972.

Qutb Said. Al-'idala al idjtima'iyya al-islamiy. Publishing house «Dar al-Sharq» (Социальная справедливость в исламе). Beyruth, 1974. P. 11. (Arabic Language).

Периодическая литература

The Atlantic.

Economist.

Foreign Affairs.

Foreign Policy.

Giorgian Journal, Tbilissi.

The Guardian, London.

The Guardian weekly, London.

International Herald Tribune.

Middle Eastern Studies. Ankara – Turkey ORSAM.

Newsletter, Leiden.

Statistical Review of World Energy.

The New York Reviews of Books, New York.

The New York Times.

The Time.

Washington Post.

Аль Кудс аль-Арабий, Иерусалим (араб. яз.).

Аналитические доклады. Институт международных отношений (ИМИ). Москва ИМИ МГИМО МИД России.

«Ведомости». Москва.

Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. Москва.

«Знамя», журнал. Москва.

«Индекс безопасности», журнал. Москва.

«Караван», журнал. Москва.

«Коммерсантъ власть». Москва.

«Независимая газета». Москва.

«Новая газета». Москва.

«Профиль», журнал. Москва.

«Россия в глобальной политике», журнал. Москва.

«Русский Берлин», газета. Берлин.

«Ас-Салам», газета. Махачкала.

«Современная драматургия», альманах. Москва.

«Эксперт», журнал. Москва.

Summary

For almost half a century, the Muslim Ummah has been experiencing perturbations that have a huge impact on the rest of the world, including intercivilizational relations. One of the major trends within the Muslim community has become Islamism, whose essence is the development and implementation of an Islamic alternative, that is, the reconstruction of society and the state based on Islamic tradition and ideology. This trend, often referred to as radical Islam, is objective and inevitable. Building a state based on religious tradition is utopia, however, hundreds of millions of Muslims believe in this utopia, despite the fact that these same people strongly disagree with the methods of «state building» used by the extremists from ISIS, that was later re-branded as the «Great Caliphate».

Ignoring their standpoint is impossible.

The influence of the Islamists is on the rise. Three main groups can be designated among them – the moderates, radicals and extremists. The success of the first two groups can be easily seen. Their representatives are visible in political life of almost every Muslim country, they occupy seats in legislative bodies, and in some cases high administrative posts.

It is necessary to engage in dialogue with these types of Islamists. This dialogue is already taking place and in some cases is productive, for it contributes to stability in society, helping to overcome crises both within the Muslim community and in relations between Muslims and the rest of the world.

All of us turned out to be unprepared to multiple crises within the Islamic oecumene. No one was able to predict the Islamic revolution in Iran, the Islamization of the Palestinian movement, the Muslim Brotherhood coming to power in Egypt (even if for a short period), the success of the Islamists in Tunisia, and finally, the emergence of the Islamic State.

Today it is extremely important to seriously and, most importantly, calmly to ponder over what Islam and the Muslim community will look like in the 21st century.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева,
Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества
(совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-
экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Во-
стока" (информационно-аналитический справочник, сов-
местно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-иemenски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by
N.Podgornova
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by **T.Ganiev and S.Zadonskiy**
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglovin**
300. "The state of Israel and the European republics of the former Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**

Научное издание

А.В. Малашенко

ИСЛАМ: ВЕК XXI

Подписано в печать 30.07.2019 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 14,5 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 221

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12